

Н. Г. Ловпаче

ДРЕВНИЙ МАЙКОП

**Майкоп
2008**

УДК 94 (470.621)
ББК 63.3 (2 Рос – Ады)
Л 69

Ловпаче Н. Г. Древний Майкоп. – Майкоп, Изд-во ООО «Аякс», 2008. – 248 с.

Эта книга написана археологом и естественно, имеет научный характер, но благодаря использованию комплекса наук - истории, этнографии, искусствоведения и, особенно, фольклора - приобретает доступность и интерес для всех, не только знатоков, но и любителей истории и патриотов Майкопа, Адыгеи и Кавказа.

Хотя для подробной истории столицы Адыгеи сведений недостаточно, но автор постарался отразить основные вехи многотысячелетней жизни в этом уголке Западного Кавказа в порядке хронологической последовательности и согласно действующей в российской науке периодизации.

Иллюстрации в тексте и применение в виде 50- ти таблиц поможет читателю яснее представить образ и уровень развития человеческого общества, проживающего в долине Мезмай и, в частности, у ворот входа в ее горную часть.

Книга адресована широкому кругу читателей.

0504000000 - 95
М 146 (03) - 95

© Н. Г. Ловпаче, 2008

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.

Реакция в периодической печати СССР 1963 года на открытие Майкопской плиты.. .. .	8
Предыстория русской крепости Майкоп.	16
Археология Майкопа.	18
Источники по истории древнего Майкопа.	26

Глава I.

ПЕРВОБЫТНЫЙ ЧЕЛОВЕК В УРОЧИЩЕ МЕЗМАЙ.

1. Древнейшие охотники и собиратели на территории урочища Майкоп (400-7 тыс. лет до н.э.).	32
2. Век каменной мотыги (VI-V тысячелетие до н.э.). Миф о Кутае и Кэтае.	39
3. Гончары, металлурги и ювелиры Мезмайской долины в эпоху меди (IV тысячелетие до н.э.).	41

Глава II.

АШУЙЦЫ МЕЗМАЙСКОЙ ДОЛИНЫ В БЮНЗОВОМ ВЕКЕ (ДЖЕРЗ ЗАМАН).

1. Ошад и его соплеменники осваивают сплав меди с мышьяком (конец IV-III тысячелетие до н.э.).	47
2. Эпоха развитой бронзы мегалитической культуры. Сигналы дольменной культуры на территории Майкопа (рубеж III-II – середина II тысячелетия до н.э.).	60
3. Город Аха-Мае гомеровской эпохи (сер. II - рубеж II - I тысячелетия до н.э.).	67
4. Военно-демократическая дружина Нартов протомеотского периода.	102

Глава III.

ОСВОЕНИЕ ЖЕЛЕЗА ОБЩЕСТВОМ МЕЗМАЙСКОЙ ДОЛИНЫ.

1. Культура майопских нартов древнемеотского периода VIII-VII вв. до н.э.).	107
2. Аухатский центр нар. Псатий (VI - V вв. до н.э.).	128
3. Расцвет г. Авхиды в эпоху эллинизма (IV-I вв. до н.э.). ...	136
4. Псатская крепость и ее окрестности на р. Шхагоще в меото-сарматский период (сер. I в. до н.э. - третья четверть IV в. н.э.).	168

Глава IV.

ЭПОХА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ В МЕЗМАЕ.

1. Майкопское пытапэ (твердыня) зихского периода (V - VII вв. н.э.).	176
2. Крепость Аух на Шхагоще в раннекасожское время (VII-X вв.).	190
3. Минилия развитого средневековья (X-XIII вв.).	197
4. Шитхальская культура позднего среденевековья на территории Майкопа и его окрестностей (XIV-XVI вв.).	209
5. Город Хелипса черкесского периода.	222
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.	227
БИБЛИОГРАФИЯ.	229
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.	236
ПРИЛОЖЕНИЕ. АРХЕОЛОГИЯ МАЙКОПА.	237
ОПИСЬ ТАБЛИЦ И ИЛЛЮСТРАЦИЙ.	241

О МОНОГРАФИИ Н. Г. ЛОВПАЧЕ «ДРЕВНИЙ МАЙКОП»

Этот труд составлен из 190 страниц текста и 60-ти таблиц иллюстраций.

Конструктивно история древнего и средневекового Майкопа представляет собой, не считая короткой предистории и очерка по археологии столицы Адыгеи, изложение событий, известных из различных источников, в хронологической последовательности. Таким образом, история одного населенного пункта, «рассказанная» на фоне общепринятой периодизации, как бы вписывается во всемирную историю; во всяком случае, в историю Кавказа и России.

Согласно эпохальной систематизации в археологической науке история Майкопа разбита на четыре главы - каменный век, бронзовый век, ранний железный век и средневековье. В свою очередь, каждая глава подразделяется на параграфы (как правило, три - четыре), соответствующие периодам исторических, в данном случае, археологических эпох. Во введении, на наш взгляд, желательно более убедительно изложить доводы в пользу актуальности темы и о связи ее с подготавливаемым праздником 150 - летия г. Майкопа.

Российский читатель должен знать наш город не только как столицу республики Адыгеи, но и вспомнить о знаменитой Майкопской нефти; о древнем Майкопском море, о богатом для ранней бронзы всего Евразийского континента Майкопском кургане Ошад с его древним золотом; о Майкопской плите, самом древнем памятнике письма на территории бывшего СССР и, естественно, России; о Майкопской школе самбо и дзюдо.

Книга Ловпаче Н.Г. об истории древнего Майкопа таит в себе немало ценных, интересных неожиданностей. Чего стоит целый реестр названий населенных пунктов городского масштаба разных времен, существовавших на месте г. Майкопа.

Еще важнее восемь древних и средневековых памятников письма, найденных (и как-то прочитанных) на территории города и его окрестностей.

Любознательный историк с удивлением узнает имя одного из древнейших ювелиров нашей планеты, прочитанных на серебряном кубке из Майкопского кургана Ошад. Не без изумления воспримет он информацию из надписи Майкопской

плиты гомеровской эпохи, связывающей Северный Кавказ с историей давно исчезнувшего Хеттского царства в Малой Азии. Оригинально определение автора в отношении протомеотских нартов, которых он называет древними казаками из-за сходства по всем основным параметрам.

Приятно узнать, что интерес античных историков Древней Греции и Рима достигал майкопской глубинки Восточного Причерноморья. Оказывается, такие авторы, как Диодор из Сицилии, Страбон, Птолемей, довольно подробно и уверенно описали события и место города Авхиды и Псатской крепости на р. Псат (Псатий, Шхагуаще, Сагваша, Белая) IV - го века до н.э.

Позже в первые века н.э. Боспорскому государству, в управлении которого периодически принимали участие меотские правители, в том числе кавказского происхождения, не чужда была долина Шхагоще (Белой). На серебряной канфаре из одного из курганов Майкопа поставлен герб боспорского архонта.

Крепость Аух на Фарсе и на Шхагоще название которой отыскивается среди сведений средневековых европейских авторов, касается древней Майкопской цитадели. План ее позволяет представить перспективы археологического исследования этого памятника.

Церковь Св. Георгия на р. Белой вблизи ст. Ханской (окрестность Майкопа), обследованная в досоветское время Фелициным Е.Ф. и опубликованная в нескольких изданиях, разнообразно и ярко представляет Майкоп развитого средневековья. Еще ярче на весь Северный Кавказ Майкоп с его окрестностями показывают селища типа Курджипского и Белореченские курганы, давшие, как и Майкопский курган, название археологической культуре позднего средневековья. Эти памятники демонстрируют своеобразие культуры адыгов (черкесов) XIV - X VI вв.

Отзывы европейских путешественников X VII- X VIII вв. рисуют картину постепенного угасания Майкопского городского центра (Чакале, Хелипса).

В итоге получается, хотя схематичная, но вполне цельная, последовательная и долгая история городского комплекса на месте современного Майкопа, основа имени которого заложена была еще в эпоху энеолита.

В работе Ловпаче Н. Г. содержатся и некоторые шероховатости, в известной степени снижающие эффективность, в частности читабельность этой книги.

Текст древней истории Майкопа изложен автором вполне доступным языком, однако не мешает некоторым фразам и предложениям придать большую гибкость и логическую выразительность в порядке литературного редактирования. Особенно это касается археологически - описательских фрагментов.

Поскольку довольно сухой очерк по археологии Майкопа значительно утяжеляет начало чтения истории, целесообразно, на наш взгляд, подать его в приложении. Туда же можно перенести довольно обширные и сложные для читателя (даже для историка) дешифровки древних надписей. Методика и детали их прочтения важны и доступны узкому кругу специалистов - эпиграфистов, лингвистов, историков древнего мира, преподавателей палеографии. В тексте же эти научно-технические пассажи затрудняют усвоение сплошного исторического течения.

В целом труд Ловпаче Н.Г., независимо от высказанных замечаний и пожеланий, несомненно актуален, перспективно полезен для изучения истории родного края, интересен и должен быть скорейшим образом опубликован.

**Заведующий отделом истории
Адыгейского республиканского института
гуманитарных исследований
А. Д. Панеш**

ВВЕДЕНИЕ

Реакция в периодической печати СССР 1963 года на открытие Майкопской плиты

ИНФОРМАЦИЯ, КОТОРОЙ 3200 ЛЕТ

Там, где некогда жили древние племена колхов, у нынешнего города Майкопа в Краснодарском крае, случайно был найден камень, на плоской стороне которого хорошо сохранились загадочные письмена. Ученый-эпиграфист Георгий Турчанинов установил, что часть этих знаков являются хеттскими. Но прочесть их все же не удавалось. В конце концов исследователь пришел к предположению, что письмена на майкопском камне можно прочесть по-абхазски. Это предположение оказалось верным. Современные абхазцы, хотя и с трудом, но поняли и объяснили содержание этого письма-информации, в котором наши далекие предки сообщают, что по велению своего царя накладывают город на окраине его владений.

На месте находки камня, под городом Майкопом, будут произведены раскопки.

Но, независимо от результатов раскопок, ученые уже сейчас утверждают, что так называемая майкопская плита, написана абхазским (колхидским), письмом 3200 лет назад представляет собой самую древнюю письменность на территории Советского Союза.

(АПН).

МАЙКОПСКАЯ НАХОДКА

НЕСКОЛЬКО лет назад на окраине Майкопа — столицы Адыгейской автономной области при раскопках была обнаружена небольшая каменная плита с загадочной надписью. Плиту доставили в Ленинград для исследования, Этим занялся известный кавказовед-эпиграфист Г. Ф. Турчанинов. В итоге кропотливого труда ученый установил, что надпись сделана библским псевдоиероглифическим (древнефиникийским)

письмом оригинальной, несомненно местной формы, что надпись по-финикийски не читается, но хорошо толкуется по-абхазски.

Недавно в Сухуми закончила свою работу Вторая всесоюзная конференция по изучению нартского эпоса, в которой принимали участие ученые Москвы, Ленинграда, Тбилиси, Баку и Северного Кавказа. После окончания конференции на расширенном заседании Абхазского ым-ститута языка, литературы и истории имени Д. Гулиа Академии наук Грузинской ССР Г. Ф. Турчанинов выступил с докладом о майкопской находке, убедительно показав, что надпись абхазская и что она датируется примерно XIII-XII веками до нашей эры. Это самый древний письменный памятник СССР.

Участвовавшие в обсуждении доклада ученые охарактеризовали исследование Г. Ф. Турчанинова как важное научное открытие.

Из Майкопа на днях возвратилась археологическая экспедиция, руководимая кандидатом исторических наук В. Пачулиа, которая произвела предварительную разведку местности, где была обнаружена плита. Здесь в скором времени начнутся археологические раскопки.

СУХУМИ.

Редакция «Литературной газеты» обратилась к ряду ученых с просьбой прокомментировать майкопскую находку. Вот что ответили нам ученые.

Материал, представленный Г. Ф. Турчаниновым, обращает на себя особое внимание как по той обстановке, в которой он был обнаружен, так и по его собственному содержанию.

Можно не сомневаться в той, что исследуемый Г. Ф. Турчаниновым памятник содержит в себе начертания письменных знаков. Памятник найден на исторической территории Абхазии и содержит весьма сложное чтение нанесенных на него знаков, которые, судя по археологическим данным их обнаружения, могут передавать собой язык народ» отдаленной исторической эпохи.

Если специалисты по абхазскому языку признают предлагаемое чтение этих знаков обоснованным, перед нами

окажется датируемый несколькими тысячелетиями древнейший текст из числа имеющихся на территории Кавказа, и этот текст приурочится к Абхазии и по месту нахождения, и по языку.

И. МЕЩАНИНОВ,
академик

ЛЕНИНГРАД

Я полностью присоединяюсь к авторитетному суждению академика И. И. Мещанинова и в качестве историка Древнего Востока допускаю возможность спорадических сношений мореходов из Финикии с западным побережьем Кавказа.

В. СТРУВЕ,
академик

ЛЕНИНГРАД

Интерпретация вновь открытой майкопской надписи, предложенная Г. Ф. Турчаниновым уже, на первый взгляд, кажется очень соблазнительной. Действительно, по крайней мере некоторые знаки надписи совершенно неожиданно обнаруживают поразительное сходство со знаками открытых в 1929 году в Библе архаических надписей, восходящих, по всей вероятности, к XIX в. до нашей эры. Надо отметить, что Г. Ф. Турчанинов использовал это сходство весьма широко и с большой изобретательностью, придав таким образом своей теории стройность и логичность.

В дальнейшем желательно было бы учесть, с одной стороны, многообразие вариантов отдельных знаков, встречающихся в надписях из Библы, а с другой, — то обстоятельство, что дешифровка библийских надписей, которую предложил французский ученый E. Dhorme (Syria, tome xxv, 1046-1948, p.p. 1.—35), еще не получила в науке всеобщего признания и не может считаться пока окончательной.

Ис. Винников,
доктор филологических наук,
профессор

ЛЕНИНГРАД

Майкопская каменная плита с надписью показывает, что общим предкам абхазо-адыгской группы народов уже в эпоху бронзы не чужда была письменная культура. Эта ценнейшая находка в то же время свидетельствует о международных связях предков современных абхазо-адыгов с другими культурными центрами, в частности с древнейшей финикийской цивилизацией.

Наш институт запланировал более детальное изучение района находки совместными усилиями адыгских и абхазских ученых.

М. АУТЛЕВ,
кандидат исторических наук,
директор Адыгейского
научно-исследовательского института

МАЙКОП

Надпись на майкопском камне, как доказывает Г. Ф. Турчанинов, сделана на древнефинкийском алфавите, датируется XIII—XII вв. до нашей эры и читается при помощи абхазского языка. Текст, вполне доступный пониманию современных абхазцев, сообщает об основании царем города на границе, страны апсов, то есть абхазцев. Абхазо-адыгские племена, составлявшие некогда единый большой этнический массив, принадлежат к аборигенному населению Западного Кавказа, связанному с антропологическими типами Малой и Передней Азии.

Абхазский язык — один из древнейших кавказских языков — имел когда-то, по-видимому, значительное распространение и оказывал влияние на соседние языки не только в лексическом отношении, но даже в некоторых областях морфологии. Многочисленные топонимические названия абхазо-адыгского облика сохранились, до сих пор, на территории юго-восточного Причерноморья. Что же касается указанной надписи, то термины, высеченные на ней, принадлежат к древнейшему словарному составу абхазского языка; некоторые из них по происхождению связаны с тотемистическими представлениями, с эпохой так называемой «военной демократии», а послеслог «кны» является

не сопоставимым ни с какой другой лингвистической системой, характерным только для данного языка, что имеет особое значение для определения этнической принадлежности языка надписи, Исторические источники свидетельствуют о, торговых, культурны» и прочих связях Абхазии со странами Древнего Востока с отдаленных эпох...

Мы всецело присоединяемся к единодушному мнению, высказанному при обсуждении доклада Г. Ф. Турчанинова на расширенном заседании ученого совета Абхазского института языка, литературы, и истории имени Д. Гулиа Академии наук Грузинской ССР, о необходимости быстрее публикации самого памятника и исследования к нему.

Г. ДЗИДЗАРИА,
доктор исторических наук,
профессор

Ш. ИНАЛ-ИПА,
доктор исторических наук,

М. ТРАПШ,
кандидат исторических наук,

СУХУМИ

Майкоп в виде топонима впервые прозвучал в военной документации российской армии в 1823 году, после карательной экспедиции Евдокимова в Закубанье. Через два года генерал Вельяминов совершил рекогносцировку до урочища Майкоп. Но по-настоящему это место под таким названием в военных сводках начало активно фигурировать с весны 1857 года, т.е. со времени интенсивного перемещения кордонной линии на р. Сагвашу (Шхагуаше).

В 1912 году появилась первая более подробная информация исторического характера о Майкопе директора реального училища И.Г. Харламова, напечатанная в Кубанском сборнике. В статье автор, по случаю пятидесятилетия города кратко касается истории урочища Майкоп, ограничившись, фактически, замечанием о существовании черкесского населения здесь до основания русского укрепления. В дальнейшем в Кубанских сборниках время от времени появлялась информация больше

экономического, этнографического, географического порядка об этом провинциальном городке, но более ранней (до российской) истории этого места не рассматривалось.

В 1897 году профессор Петербургского университета Н.И. Веселовский раскопал богатейший для эпохи бронзы в России Майкопский курган Ошад* и прославил наш город. Поводом к этому событию послужили хищнические раскопки курганов в окрестностях Майкопа и на территории Майкопского отдела Кубанской области (ст. Ярославская, Кужорская, Курджипская, Ширванская и др.), начавшиеся в 1895 г. Видимо тогда в одном из курганов г. Майкопа был добыт серебряный пояс (т.н. Майкопский пояс) раннего железного века, хранящийся в Британском музее и который до сих пор точно не определен в своей подлинности или художественной подделке.

В первом десятилетии XX-го века из-за интенсивной разработки полезных ископаемых Закубанья Майкоп прославился высокосортной так называемой белой нефтью. Происхождение ее вероятно связано с тектоническими процессами времен Майкопского и Сарматского морей*.

В 1913 году В.Б. Фармаковский – член-корреспондент Петербургской Академии наук, археолог и искусствовед сделал в Лондоне доклад о древностях Майкопского кургана и Майкоп приобрел международную известность. Российский ученый связывал их с Передней Азией III-го, II-го тысячелетия до н.э.

После Октябрьской революции вплоть до 1936 года Майкоп числился в списке малых провинциальных городов юга России, если не считать временной популярности в период гражданской войны в связи с действиями I-ой конной и белой армии Деникина.

С 1936 года Майкоп становится столицей Адыгейской автономной области и, естественно, одним из центров в экономической, политической и культурной жизни Краснодарского края и Северного Кавказа.

* В геологии используется выражение «Вюшатская терраса», происходящее от Майкопского кургана «Ошъад» – Московитин А.И. Террасы реки Белой//ИГГО. Т.65, вып. 4, 1933. – С.273-275.

В палеогеографии существует название и Сарматского моря, см. Долуханов П.М. История средиземных морей. М., 1988.

* В палеогеографии существует название Майкопского моря. см. Долуханов П.М. История средиземных морей. – М., 1988.

В 1963 году Майкоп прозвучал на весь Советский Союз, но, конечно, в основном, в научных кругах, серией публикаций в союзной периодической печати в связи с находкой Майкопской плиты с древнейшей надписью. Через несколько лет (в 1971 г.) ленинградский ученый Г.Ф. Турчанинов выпустил в свет книгу «Памятники письма и языка народов Кавказа и Восточной Европы» о Майкопской плите и объявил наш город древнейшим в СССР. В дальнейшем было им же опубликовано еще две книги с Майкопской плитой – в 1997 г. в Омане на арабском языке, в 1999 г. в Москве на русском.

Первая книга о Майкопе под авторством М.З. Азаматовой и П.Ф. Коссовича вышла в 1967 году. В ней дореволюционная историческая часть преподнесена по И.Г. Харламову и согласно общей исторической характеристике «Очерков по истории Адыгеи» (I-ый том).

Переиздание книги «Майкоп» с расширенным авторским составом и пополнением истории советского времени было осуществлено в 1980 г. (Б.М. Джимов, Ф. Кайтмесова, П.Ф. Коссович, П. Малых).

В последней четверти XX-го столетия славилась (и по сей день еще слава не померкла) Майкопская школа борьбы самбо и дзюдо, созданная Якубом Коблевым и получившая мировое признание.

В 2006 году историографию Майкопа дополнили три издания «Наследие» выпустило красочный альбом иллюстраций с краткими аннотациями; администрацией города организовано издание двух книг В.К. Мазурика «Неизвестный Майкоп» и Г.П. Шапошникова «История города Майкопа в прошлом и настоящем».

Все три издания посвящены 150-летнему юбилею существования русского поселения Майкоп, отсчитываемому от основания крепости 1857 года. Такая активная популяризация столицы Республики «Адыгея», каковой город стал в 1991 году, предпринятая администрацией города, вызывает естественный вопрос о дороссийской истории этого места с древнейших времен.

Особо острый интерес этот вопрос приобрел появлением Майкопской плиты в экспозиции национального музея РА. На плите выгравирована надпись древними знаками типа иероглифов. Эту надпись два современных (советских) автора

дешифруют по-библски и по-хеттски и получают сообщение об основании города на месте нынешнего Майкопа 3200 лет тому назад.

Перечисленные факты подсказывают необходимость освещения древней истории столицы Адыгеи.

С другой стороны, такие памятники археологии, как Майкопский курган Ошад, майкопская плита, еще пять памятников древнего письма и более полсотни городищ, крепостей (среди них древняя Майкопская пытапэ – твердыня), святилищ, могильников, курганов на территории Майкопа и его окрестностей, позволяют осуществить историческую реконструкцию, подключив к истории и археологии смежные науки: палеографию, этнологию, фольклор, искусствоведение.

В 50-е годы прошедшего столетия в советской науке окончательно была оформлена Майкопская археологическая культура, а Майкопский курган Ошад теперь является эпонимным памятником, давшим имя этой высокоразвитой древней цивилизации Северного Кавказа с эпицентром в г. Майкопе.

В.К. Мазурик в своей второй книге пишет: «Заманчиво было бы провести прямые связующие линии от древней Майкопской культуры к нынешнему Майкопу, его культуре. Однако, если бы все было так просто! Ведь за 4 с лишним тысячелетия в этих краях рухнуло столько цивилизаций, похоронив под обломками их носителей, произошло столько великих переселений народов, что сегодня достоверно общими между майкопской культурой и Майкопом можно считать только место их нахождения, да сходство в именах, присвоенных им уже нынешними людьми»¹.

Сказано очень выразительно и красиво, но безосновательно. Предстоящее изложение древней истории Майкопа как раз преследует цель «желаемых связей».

Предваряя длинный исторический экскурс, привожу факт из жизни современного Майкопа. В 1992 году скончался известный просветитель Адыгеи Юсыф Кадырович Намитоков. Его похоронили на адыгейском кладбище г. Майкопа по всем правилам похоронного обряда адыгов, в частности, положили в могилу на циновке, сплетенной из болотной травы – «пуабле».

¹ Мазурик В.К. Неизвестный Майкоп. Исторические очерки. Кн.2-я. С.255.

На таких же циновках из того же материала, того же размера, формы и геометрической орнаментации (даже с совпадением орнаментального мотива «гухьарэ»), той же техники исполнения найдены циновки под захороненными «майкопцами» III-го тысячелетия до н.э. в кургане у г. Тимашевска на правом берегу Кубани. В Майкопском кургане Ошад на подобной циновке были уложены бронзовые орудия. Цинковка истлела, но оставила свой текстурный отпечаток на металле.

Не лишне к этому добавить еще один факт. В Майкопе работает и творит исполнитель традиционных циновок из куки (болотной травы) Гучев Замудин. Он выплетает циновки на старинном ткацком станке «хьупкьэ», сохранившемся у адыгов. Реконструкция ткацкого станка «майкопцев» III-го тысячелетия до н.э. приводит к тому же варианту.

ПРЕДИСТОРИЯ РУССКОЙ КРЕПОСТИ МАЙКОП

Первое упоминание топонима Майкоп в документах российской армии относится к 1823 году², ко времени русско-кавказской войны. В 1825 году начальник правого фланга Кавказской линии генерал А.А. Вельяминов в рапорте начальнику Кавказского корпуса генералу А.П. Ермолову указывает высоту под названием «Майкоп»³. Во время майкопского похода им было заложено первое русское укрепление на месте аула Ханцево (ныне ст. Ханская) и предпринята попытка рекогносцировки в само урочище Майкоп. Остановку же А.А. Вельяминов сделал на 12 верст ниже Майкопских высот, на правом берегу р. Сагваше. Но тогда российским войскам не удалось закрепиться в этих местах. Только через 32 года, в 1857 году⁴ 3-го мая по старому исчислению отряд под командованием генерала Козловского занял урочище Майкоп. Офицер Дебу снял кроки вблизи Майкопской высоты.

² Харламов И.Г. История возникновения и развития города Майкопа в связи с историей Закубанского края//Кубанский сборник. Екатеринодар, 1912. с. 393

³ Там же... с. 395.

⁴ Там же... с. 396.

Оказывается, это было в окрестностях аула Хакемисова (Хачемзия) – позже ст. Егерухаевской, еще позже ст. Тульской. Там, находятся высоты по обе стороны речки Мыекопс (Майкопки), в трех километрах выше современного поселка Тульского, где речка впадает в р. Сагваше (Шхагуаше).

Первое укрепление в устье Майкопки оказалось стратегически невыгодным и генерал Козловский 18 мая 1857 года закладывает крепость в урочище Майкоп на самом деле в 12 верстах ниже по р. Шхагуаше, т.е. на месте остановки Вельяминова в 1825 г.

Это вторая надпойменная терраса реки Сагваше⁵ (Шхагуаше) на резком повороте реки против высоты «Нэгъыежъ».

Так появилось русское укрепление с названием Майкоп, которое в упрощенной форме заимствовало адыгский топоним Мыекъуапэ или Мыекъопэ, означающее «устье долины кислиц». Выбор генералом Козловским места первого форта подтверждается открытием крепости раннего средневековья над устьем Майкопки и еще трех средневековых и древней цитаделей на месте и в окрестностях п. Тульского. Но поскольку они выполняли оборонительную функцию местного племени косогов, а российская армия вела колонизаторскую наступательную войну, условия урочища Майкоп ей не подходили.

Поэтому укрепление было перенесено вместе с названием первого форта на ровную площадку, недостижимую для черкесских выстрелов с окрестных высот.

Несмотря на это, согласно военным сводкам, абадзехи и егерухаевцы из окрестных мест организовывали нападение на русское укрепление Майкоп 26 мая и 14 июня⁶. Ведь до прихода русских на территории современного города располагались три адыгейских селения. В непосредственной близости к укреплению, на месте «Старого базара» – Кохужхабль (Когож по Н.Г. Харламову); вблизи кургана «Ошад» – Бгуашехабль, южнее Дубзавода – Касыйкохабль⁷. Кроме того, по третьей

⁵ Майкоп. Генеральный план (пояснительная записка). Орогидрография г. Майкопа, 1979 г. В военных сводках фигурирует «Сагваше» – русская транскрипция гидронима «Шхъэгущэ».

⁶ Хозяйственно-экономический быт казачьих поселений. Екатеринодар, 1891.

⁷ Харламов И.Г. Ук. соч. С. 396; Дьячков Тарасов «Абадзехи» //Записки кавказского отдела Русского географического общества. Книга XII, В. IV, С. 8.

надпойменной террасе тянулась цепь небольших хаблей от юго-восточных дач до ОПХ, в основном вдоль правого берега р. Псенафы⁸, на которых найдены черкесские терракотовые курительные трубки.

Да, действительно, согласно В.К. Мазурику, за 4 с лишним тысячи лет со времени Майкопского кургана Ошад⁹ «рухнуло столько цивилизаций». Но почему должны были погибнуть под их обломками носители тех цивилизаций. И почему надо представлять исчезновение древних цивилизаций таким катастрофическим образом. Например, московский археолог В.И. Марковин представляет смену Майкопской культуры дольменной постепенным оттеснением первой к востоку, диффузией и ассимиляцией. Так большей частью происходило в горной и закубанской части Северо-Западного Кавказа.

Майкоп находится у ворот в горы, в закубанской глубинке. Поэтому это место было всегда трудно достигаемым и хорошо охраняемым. Многочисленные памятники археологии, обнаруженные на территории города и его окрестностей показывают не гибель древних культур, а преемственность.

АРХЕОЛОГИЯ МАЙКОПА

Между тем, имеются серьезные сигналы, говорящие об очень большой древности в этом месте, на выходе реки Шхагуаше из горной долины на равнину.

Первый сигнал раздался в 1897 году, когда профессор Санкт-Петербургского университета Н.И. Веселовский раскопал большой Майкопский курган Ошад¹⁰ (таблица №I) . Этот памятник и по сегодняшний день считается самым богатым курганом раннебронзового века на территории Европы и Кавказа.

⁸ Частная коллекция археологического подъемного материала майкопского краеведа В.Г. Прибылова.

⁹ Ошад, предполагаемое имя вождя (царя), захороненного в кургане, сохраненное в народной топонимической памяти и в фольклоре абадзехов.

¹⁰ ОАК за 1897 г. СПб. 1900. С. 55-64.

* Русское название этого притока Фортепьянка. Видимо, искаженное адыгское «Фыртыпанэкьо», т.е. долина крутящейся колючки (адыгское), что-то наподобие «перекасти-поля».

Второй сигнал послышался в 1925 году; краеведом П.К. Перепелициным в устье р. Псыкъош* – левого притока Шхагуаще – было найдено раннеашельское рубило¹¹.

Третий сигнал прозвучал в 1959 году с Майкопского кирпичного завода №2. В его карьере на южной окраине города адыгейским археологом П.А. Дитлером был доисследован разрушаемый курган с погребениями меотской эпохи IV-III вв. до н.э.¹²

Четвертое сообщение из Древнего Майкопа поступило в 1960 г. от учителя истории 38 восьмилетней школы В.И. Сохрякова о находке в Северо-восточных садах «Майкопской плиты» с надписями. П.А. Дитлер показал находку известному кавказоведу, нашему земляку из ст. Пашковской ленинградскому ученому Л.И. Лаврову. Тот передал ее в Ленинградский музей Антропологии и этнографии палеографу Г.Ф. Турчанинову. Палеограф сделал дешифровку (прочитал) надписи и датировал ее XIII-XII вв. до н.э.¹³

На месте находки плиты, сделанной школьником Григорием Вишневским в 1960 г. на его усадьбе (позже участок гр-на Нечая) в 1964 г. совместной экспедицией АНИИ и АбНИИ были произведены археологические раскопки. Археологи П.А. Дитгер, П.У. Аутлев, М.М. Трапш обнаружили и исследовали адыгско-меотское поселение IV-III вв. до н.э.¹⁴

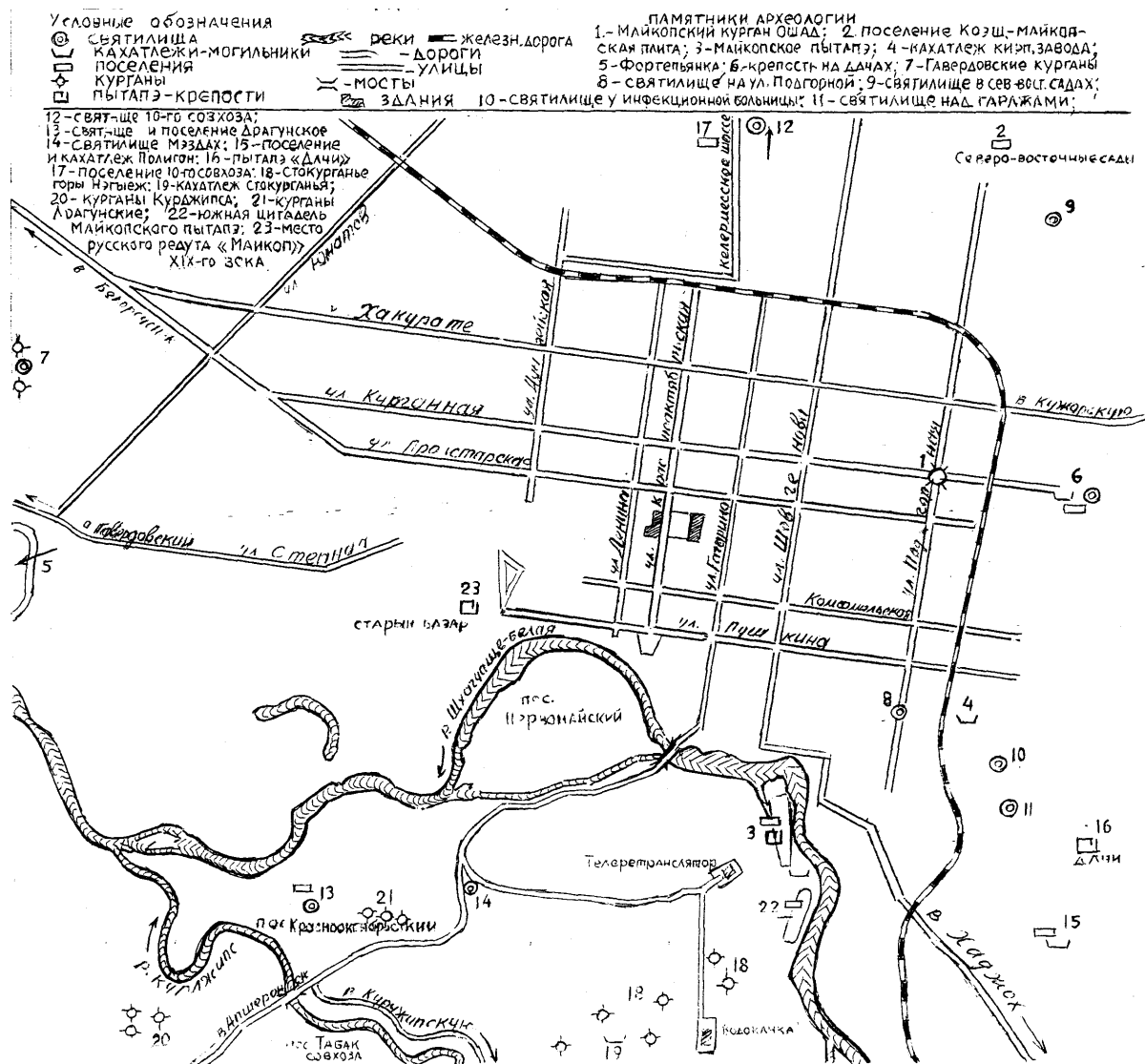
В 1983 году началось разведочное изучение древнего майкопского «пытапэ» (твердыни), расположенного на скальных высотах хребта «Нэгыеж» левого берега р. Шхагуаще восточнее телеретранслятора.*

¹¹ Аутлев П.У. Из истории изучения древнекаменного века Прикубанья//Сборник материалов по археологии Адыгеи. Т. II. Майкоп, 1962, С.9.

¹² Дитлер П.А. Меотский могильник в карьере Майкопского кирпичного завода №2//Сборник трудов по археологии Адыгеи. Майкоп, 1977. – С.68-110.

¹³ Майкопская находка. Литературная газета от 24 декабря 1963 г. Москва.

¹⁴ Аутлев П.У., Дитлер П.А., Трапш М.М. Раскопки в районе г. Майкопа в 1964 г. в связи с находкой Майкопской плиты//Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 г. в СССР. Баку, 1965.

Карта-схема г. Майкопа с расположением основных памятников археологии (составлено автором).

Разведками 1985 года, проведенными экспедицией АГПИ под руководством автора обнаружен массовый материал эпохи «Великого переселения народов» (V-X вв. н.э.),¹⁵ хотя большинство объектов этого памятника относятся к античной эпохе.

В 1985-1986 гг. археологическая экспедиция АГПИ, возглавляемая автором, исследовала грунтовой могильник Тыгакочипэ (Восточный), открытый при строительстве учебного

¹⁵ Ловпаче Н.Г. Разведочные работы археологической экспедиции АГПИ в Майкопском, Мостовском и Теучежском районах Краснодарского края//Археологические открытия в СССР за 1985 г. М., 1987. — С.152.

комплекса СПТУ-1. Самые древние захоронения его совершены в Гомеровскую эпоху (XII-X вв. до н.э.); самые поздние – в позднемеотский период (I-III вв. н.э.); массовая часть древнего кладбища – кэхатлежа (адыгск.) относится к киммерийско-скифской эпохе VIII-V вв. до н.э.¹⁶

Ко времени поздних могил Тыгачипэ (Кочипэ) относятся погребения в двух курганах третьей террасы Шхагуаше на выезде из Майкопской котловины по Келермесскому шоссе, исследованных П.А. Дитлером в 1965 г.¹⁷

Девятый сигнал раздался из окрестностей Майкопа, ныне включенных в черту города. На берегу р. Курджипса, в пределах Табаксовхоза – поселок Табачный – П.А. Дитлером в 1965 году было доисследовано несколько погребений зихского периода средневековья V-VI вв.

Десятый крик отчаяния, вызывающий о спасении разрушаемого поселения, прозвучал также с берегов р. Курджипса в 1980 г. В трех километрах по Курджипсу, выше «Красного моста» на левой террасе в излучине реки доисследованно сильно распаханное селище XV-XVI вв., показывающее продолжение развития Шитхальской культуры позднесредневековых черкесов¹⁸.

Одиннадцатым сигналом следует считать Курджипское поселение позднегомеровской эпохи (X в. до н.э.), что открыто выше «Красного моста» и исследованное в 1989 г. Сазоновым А.А.¹⁹

Итак, одиннадцать памятников, выявленных на территории г. Майкопа и исследованных археологическими экспедициями, сигнализируют почти о всех эпохах и периодах истории в этом уголке Западного Кавказа. В хронологическом порядке они располагаются следующим образом: Фортепьянка (Псыкъош) – ранний Ашель древнекаменного века; Махошкуша – ранний

¹⁶ Ловпаче Н.Г. Могильник Кочипэ (Восточный) в г. Майкопе//Культура и быт адыгов. Майкоп, 1981. – С.152 76-102.

¹⁷ Дитлер П.А. Доисследование курганных (впускных) погребений на территории Совхоза №10 г. Майкопа. Отчет об археологических разведках 1957 г. Архив АРИГИ.

¹⁸ Ловпаче Н.Г. Новые памятники Закубанской Адыгеи//Археология Адыгии. Майкоп, 1995. – С. 244-247.

¹⁹ Сазонов А.А. Поселение Курджипское – новый памятник протомеотской культуры//Археологические раскопки на Кубани в 1889-1990 гг. Ейск, 1992.– С.67-69.

мезолит – среднекаменный век; Ошад – ранний бронзовый век; Майкопская плита с поселения Коэщ – позднебронзовый век; поселение Курджипское – переходный период от бронзы к раннему железному веку; Тыгакочипэ – начало раннего железного века; Кирпичный завод №2 и Коэщевское, часть Тыгакочипэ – финал раннего железа; основной слой Майкопского пытапэ и могильник Табаксовхоза – раннее средневековье; Курджипское селище – позднее средневековье.

Кроме этих одиннадцати археологических памятников, следует назвать древние и средневековые объекты и находки на территории и в окрестностях города Майкопа, зафиксированные в разное время. Перечень их дан в приложении к этой книге.

Согласно перечисленным памятникам археологии, исследованным и выявленным на территории г. Майкопа и его окрестностей, их насчитывается на сегодняшний день не менее 70. Из этого числа пятнадцать исследованы экспедиционным образом, но опубликованы материалы лишь девяти из них: Ошад, Махошкушха, Майкопская плита, Тыгакочипэ, Курджипское поселение, Курджипское селище, Майкопский пытапэ, Могильник Кирпичного завода №2 и частично Гавердовские курганы.

Половина выявленных памятников археологии относится к раннему железному веку и связывается с адыго меотской культурой, что говорит о самой интенсивной поре в истории нашего города. Одна пятая перечисленных памятников относится ко времени основания древнего города и начала его развития.

Как видно, основная масса памятников, если и исследована частично, то не введена в научный оборот и в историческом плане пока не может широко использоваться.

В заключение главы по археологии Майкопа полезно ознакомиться с именами всех археологов России, Кавказа и Адыгеи, работавших на территории Майкопа.

В 1896 году В.М. Сысоев – преподаватель классических языков Екатеринодарской гимназии, член Московского археологического общества, раскопал курган «Раскопанной горы» над станицей Курджипской²⁰.

В 1897 г. профессор Петербургского университета Н.И. Веселовский раскапывал Майкопский курган Ошад. Есть

²⁰ Сысоев В.М. Курджипский курган и его древности//СМОМПК, 1897, вып. 22.

предположение, что с ним какое-то время работал в Майкопе художник Николай Рерих.

В конце позапрошлого века, в первом десятилетии прошлого неподалеку от Майкопа, часто его, посещая и проезжая, производили археологические изыскания Кубанские военные краеведы Н.Д. Каменев и Е.Д. Фелицин (1869-1910 гг.). Первый работал в районе станиц Абадзехской и Царской (Новосвободной), второй исследовал дольмены Абадзехско-Кожохской группы²¹.

В довоенное время на территории Майкопа и его окрестностей разведочной краеведческо-археологической деятельностью занимались Перепелицин П.К. – местный краевед и археологи-палеолитчики С.Н. Замятнин и М.З. Паничкина²².

В послевоенное время, а именно, в 50-е годы Майкоп и его окрестности осматривал главный Кубанский и одновременно, адыгейский археолог Н.В. Анфимов. В последний раз онзнакомился с погребениями Кочипэ на восточной окраине Майкопа в 1985 г.

В окрестностях г. Майкопа, Абадзехской, Новосвободной производил археологические разведки известный советский археолог-кавказовед из Ленинграда А.А. Иессен²³.

Бывал в Майкопе исследователь поселения Мешоко в Хаджохе начальник археологической экспедиции Гос. Эрмитажа, автор книги «Происхождение искусства» А.Д. Столяр (1959-1963 гг.)²⁴.

Частым гостем в те же годы был палеолитчик из Москвы А.А. Формозов автор книги «Каменный век и энеолит Прикубанья»²⁵. Все палеолитоведы прошли через майкопское местонахождение «Фортетьянка».

Много раз бывал в Майкопе и разведочным образом осматривал его окрестности начальник Кавказской

²¹ Фелицин Е.Д. Западнокавказские дольмены//МАК. М., 1904. Т.IX.

Каменев Н.Д. Попытки археологических разведок в Кубанской области//Кубанские войсковые ведомости. №№47, 48. Екатеринодар, 1871.

²² Аутлев П.У. Из истории изучения древнекаменного века Прикубанья//СМАА, Т. II. Майкоп, 1961. – С.8-9.

²³ Иессен А.А. отчет о работах Кубанской археологической экспедиции в 1950 г.//Архив ИА РАН.

²⁴ Столяр А.Д. Мешоко – поселение майкопской культуры//СМАА. Майкоп, 1961. – С.73-98.

²⁵ Формозов А.А. Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1965.

палеолитической экспедиции, глава ленинградской палеолитической школы В.П. Любин (1970-1980-е годы прошлого века).

С 1957 года на территории Майкопа работал первый адыгейский археолог П.А. Дитлер. Его младший собрат адыгский археолог П.У. Аутлев присоединился в 1960 году. Вместе с ними в 1964 году на Козщевском поселении работал абхазский археолог М.М. Трапш²⁶.

Часто бывал в семидесятых-девяностых годах в Майкопе основной исследователь кавказских дольменов В.И. Марковин, автор книг: «Дольмены Западного Кавказа», «Испун – дома карликов», «Дольменные памятники Прикубанья и Причерноморья»²⁷.

В восьмидесятых, девяностых годах в районе ст. Келермесской работали ленинградские археологи из Гос. Эрмитажа Л.К. Галанина – специалист по древностям скифской эпохи, автор книги «Курджипский курган»²⁸. Она осматривала окрестности ст. Курджипской и горный массив, разделяющий Майкоп и долину Курджипса.

Вместе с Л.К. Галаниной на Келермесских курганах работали Ю.Ю. Пиотровский – специалист по майкопской культуре, и А.Ю. Алексеев. Ю.Ю. Пиотровский в каждый приезд в Майкоп старался посетить место Майкопского кургана Ошад подобно святилищу.

Древнюю Майкопскую крепость осматривали: Н.В. Рындина – металлограф из Москвы, А.Л. Нечитайло – специалист по майкопской культуре из Киева, автор книги «Верхнее Прикубанье в эпоху бронзы»²⁹.

Местонахождение «Фортетьянка» обследовали археологи-палеолитики из Ленинграда, занимающиеся Западным Кавказом Голованова Л.А., Дороничев В.Б.

Как уже ранее отмечено, в 1983 году в карьере хутора Пролетарского проводил экспедицию с участием научных

²⁶ Аутлев П.У. Доклад на сессии посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 г. в СССР. Баку, 1965.

²⁷ Марковин В.И. Дольмены Западного Кавказа. М., 1978; Испун – дома карликов. Краснодар, 1985; Дольменные памятники Прикубанья и Причерноморья. М., 1997.

²⁸ Галанина Л.К. Курджипский курган. Л., 1980.

²⁹ Нечитайло А.Л. Верхнее Прикубанье в бронзовом веке. Киев, 1978.

сотрудников Адыгейского обл. музея А.А. Товым и С. Донцом П.У. Аутлев. Местонахождение «Псыкош» (Фортепьянка) адыгский археолог обследовал каждый год, пополняя коллекцию кремневых орудий нижнего палеолита.

Долину р. Курджипса хорошо и регулярно прочесывал краеведческим образом известный историк Адыгеи Г.М. Ананенко.

В 1986 году вместе с автором этих строк изучал майкопский кромлех на Кочипэ адыгский археолог из Туапсе М.К. Тешев. Благодаря его консультациям удалось обнаружить оригинальное сложное святилище на Махошкушхэ. В том же году на Майкопском пытапэ закладывал шурфы научный сотрудник Московского института почвоведения А.А. Александровский. Тогда же на Тыгакочипэ работал молодой археолог из Ростова на Дону Потапов Н.В.

В 1983 году северную цитадель Майкопского пытапэ шурфовал краснодарский археолог А.А. Нехаев, возглавлявший Адыгейскую археологическую экспедицию Адыг. обл. музея. Вместе с П.А. Дитлером и Е.Н. Черных он в 1983 году исследовал Кужорский курган античной эпохи с интересным погребальным сооружением и курганы х. Гавердовского.

В начале 90-х годов в окрестностях г. Майкопа (пос. х. Грозного и х. Пролетарского) исследовала начальник археологической экспедиции Национального музея РА и заведующий отделом археологии Е.Н. Черных.

В 1989 г. в окрестностях Майкопа исследовал Курджипское поселение самый молодой самостоятельный археолог из Адыгейского НИИ ЭЯЛИ А.А. Сазонов.

Постоянные поиски краеведческого собирательского характера в т.ч. и археологических находок ведет Майкопский историк Прибылов В.Г. На Фортепьянке им найдено большое уникальное раннепалеолитическое кремневое рубило мотыгообразной формы.

Перечисленные три десятка археологов из Москвы, Ленинграда, Киева, Сухуми, Краснодара, Туапсе, Ростова н/Д, Майкопа, работавшие в той или иной степени над археологией Майкопа и даже при отсутствии специальных публикаций использовали добытый материал. Естественно, его нелегко привлечь при написании истории Майкопа, но он составляет источниковую базу этой истории.

Так, например, Н.В. Анфимов в своих двух книгах «Курганы рассказывают» и «Древнее золото Кубани» очень наглядно представляет курган Ошад и Курджипский. В каталоге «Шедевры древнего искусства Кубани» показаны находки из раскопок А.А. Нехаева в Гавердовском и Кужорской³⁰.

Некоторые предметы из курганов у пос. 10-го совхоза раскопанных П.А. Дитлером в 60-х годах упоминает и таким образом вводит в научный оборот А.А. Сазонов в статье по могильнику позднемеотского периода у х. Городского³¹.

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО МАЙКОПА

Специально по Майкопу древние и средневековые историки и путешественники не высказывались, очевидно, потому, что это место довольно далеко отстоит от берегов Понта Эвксинского (Черного моря) и потому внимание вояжеров до Майкопских высот и урочища не достигало. Поэтому приходится выискивать, нащупывая среди обрывочных замечаний какие-то названия характеристики и сведения в отношении места Майкопа.

Как ни странно, но именно древнегреческие и римские информаторы о Понте Эвксинском гораздо чаще, нежели средневековые, подавали сигналы такого рода.

До 90-х годов XX-го века приходилось черпать подобные сведения из серии «О скифии и Кавказе» российского историка В.В. Латышева, в основном, публикуемых в «Вестнике древней истории» Теперь же эту разрозненную информацию античной эпохи собрали в сборник, изданный в г. Нальчике³².

В последние два десятилетия археология накопила довольно большое количество памятников палеографики с территории Западного Кавказа и, в частности, в Майкопе.

Со времени опубликования Г.Ф. Турчаниновым дешифровки Майкопской плиты в 1971 году³³ постепенно

³⁰ Шедевры древнего искусства Кубани. С. 83-9, 10; с. 88-15; с. 94-21; с. 95-22; с. 96-23; с. 97-24; с. 98-25.

³¹ Сазонов А.А. Могильник первых веков нашей эры близ хутора Городского//Вопросы археологии Адыгеи. 1992. – С.247.

³² Аталиков В.М. Античные источники о Северном Кавказе. Нальчик, 1990.

³³ Турчанинов Г.Ф. Памятники письма и языка народов Кавказа и восточной Европы. Ленинград, 1971.

назревала необходимость и возможность прочтения других памятников древнего письма. Ленинградский палеограф в основном опирался на библское письмо силабарического (слогового) характера. Но в древних надписях Западной Черкесии, как видно, больше подходит система хеттской иероглифики и позднихеттского силабария. Не случайно Г.Ф. Турчанинов в конце концов пришел к «фонетизированному силабо-пиктографическому» дукту, который он назвал «ашуйским письмом»³⁴. Действительно, в петроглифах горного Закубанья наблюдается синкретизм пиктографического, иероглифического и силабарического письма.

Поэтому теперь появилась возможность, используя разработки Дунаевской И.М.³⁵, Гельба Г.³⁶, Лароша Е.³⁷, Грозного Б.³⁸ и Турчанинова Г.Ф.³⁹, попытаться узнать содержание древних надписей и пополнить историческую информацию.

Самыми древними из майкопских писем являются махошкховские петроглифы. П.У. Аутлев датировал их ранним мезолитом, но сделал оговорку о возможности билингвы⁴⁰. То есть пиктограммы (изображения людей и животных) выполнены в эпоху мезолита, а «аннотации» к ним горизонтальнорочным письмом, похожим на арамейско-финикийское, предположил, в поздней бронзе (таблица №II).

Вторым по древности памятником оказываются изображения на двух серебряных сосудах Майкопского кургана Ошад, датируемых майкоповедами в последних публикациях первой половиной III-го тысячелетия до н.э.⁴¹ Прочтение этих надписей дал Г.Ф. Турчанинов⁴².

ТАБЛИЦА №II.

³⁴ Турчанинов Г.Ф. Открытие и дешифровка древнейшей письменности Кавказа. М., 1999. – с.42-58.

³⁵ Дунаевская И.М. Язык хеттских иероглифов. М., 1969.

³⁶ Gnase J. Geelb. Hittite Hieroglyphis I. Chiego, 1931.

³⁷ Emanuel Laroche. Les Hieroglyphis Hittites, Paris. 1960.

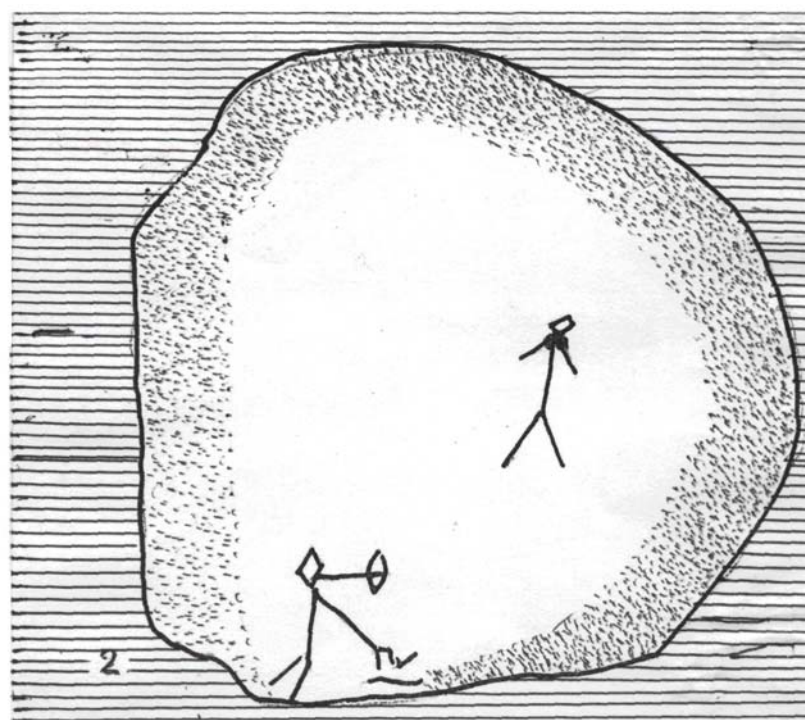
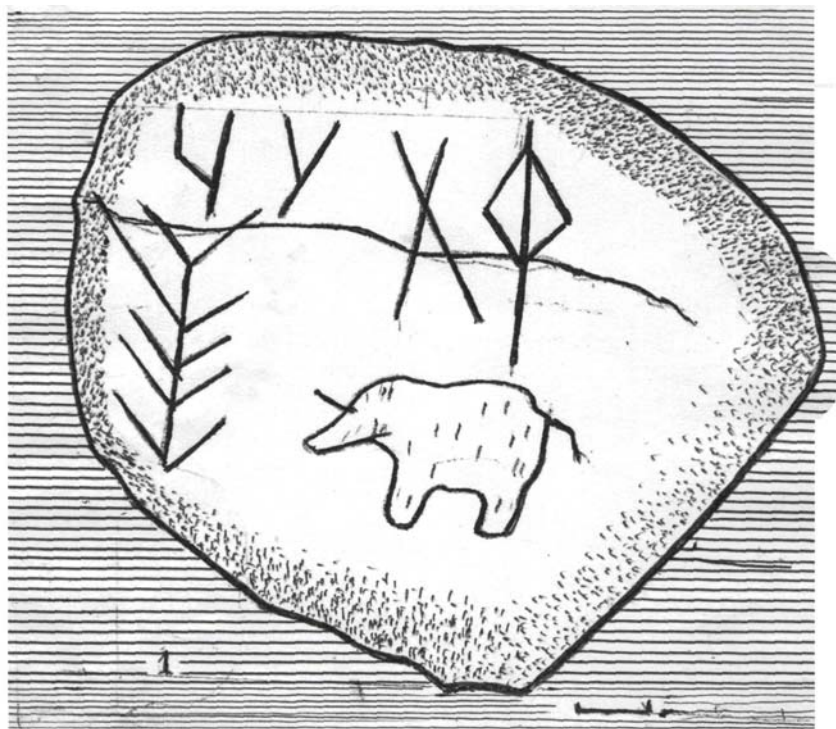
³⁸ Грозный Бедржих. Хеттские народы и языки//ВДИ. 1938. №2.

³⁹ Турчанинов Г.Ф. Памятники письма и языка народов Кавказа и Восточной Европы. Л., 1971.

⁴⁰ Аутлев П.У. Петроглифы Мвхошкуха ... с.42

⁴¹ Мунчаев Р.М. Майкопская культура //Археология СССР.- Т.5. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М., 1994. – С.171.

⁴² Турчанинов Г.Ф. Открытие и дешифровка С.169-176.

Петроглифы Махошкушха. Петроглиф махошкушховской гальки с изображением «шерстистого» слона, колоса и надписи. Прорисовка с двух сторон гальки. Мезолит.

Третьим памятником майкопской палеографии является Майкопская плита XIII-XII вв. до н.э. Г.Ф. Турчанинов предложил новую редакцию ее дешифровки⁴³.

Четвертым памятником можно обозначить ковш из погребения №17 могильника Тыгакочипэ VII-го в. до н.э.⁴⁴

В качестве пятого памятника палеографики можно привлечь золотой колпачок Курджипского кургана IV-го в. до н.э., удаленного от Майкопа всего на 15 км.*

Шестым памятником оказывается надпись на плите из церкви Святого Георгия XII-го века от рождества Христова, развалины которой найдены за селением Ханцево, в 19-ти км. от Майкопа (ныне станица Ханская)⁴⁵.

Седьмым памятником и самым поздним возможно считать надпись на серебряном ковше XIV века из Белореченского кургана №26⁴⁶. Хотя этот курган отделяли от Майкопа более 20 км., но, учитывая аристократическую принадлежность всего Шитхальского* курганного некрополя, можно допустить резиденцию этого княжеского рода и вассалов в Майкопе. Это потому, что курганные захоронения князей и дворян выносились в степь и могли довольно далеко отстоять от жилья.

Четвертым источником по истории Майкопа служит фольклор. Устная традиция адыгов часто содержит очень древние сведения и если ее использовать в тесной связи с археологией, палеографией и письменной историей, можно существенно обогатить историческую реконструкцию. В этом смысле очень перспективна старинная абадзехская песня о Шхагоще, в которой при сопоставлении содержания с изображениями на золотом колпачке из Курджипского кургана, узнаются события IV-го в. до н.э., объясняющие этимологию гидронима Шхагуаще (Сагваше-Белая)⁴⁷.

Между нарративным** источником и фольклором стоит «Адыгэ ыльапсым» – «корни адыгов», – исторический очерк,

⁴³ Там же. С. 176.

⁴⁴ Ловпаче Н.Г. Дольмены Западной Черкесии и киммерийцев//Этюды по истории культуры адыгов. Вып 2. Майкоп, 1999. – Рис. 8.

* Ловпаче Н.Г. О чем поведал Курджипский курган//Вестник АРИГИ (история, этнология, археология). Майкоп: «Меоты», 2004. – С.221, 267.

⁴⁵ ОАК (Отчет имперской археологической комиссии) за 1908 г. М., 1912. Т.XI.

⁴⁶ Веселовский Н.И. Раскопки в Кубанской области. МАК. СПб., 1897, Табл. 1.

⁴⁷ Ловпаче Н.Г. О чем поведал Курджипский курган//Вестник АРИГИ. История, этнография, археология. Майкоп, 2004. – С.221-240.

написанный адыгским просветителем Брантэ Зачерием в 20-е годы прошлого столетия и поднимающий очень древние пласты истории Западной Черкесии.

Брантэ Зэчерий указывает место концентрации абадзехов, под которыми он мыслит всех адыгов, и называет его Мэзмай. Но маленькая речка Мезмай – приток Курджипса – не соответствует той, которую описывает автор. Во-первых, она берет начало на Азишском хребте, а не стекает с г. Фишт, как пишет Брантэ. Во-вторых, место современного с. Мезмай на одноименной реке и ее долина не соответствует описанию ни в отношении ландшафта, ни в отношении почв, ни в отношении памятников древности. По всем данным древний гидроним «Мезмай» относится к главной водной артерии Адыгеи р. Шхагуаце (Белой). Вероятно, самое древнее название этой реки, стекающей с Фишта, было Мэзмай, т.е. река леса диких яблонь, что относится ко всей горной части бассейна этой реки. Таким образом, и место Майкопа, в названии которого содержится тоже компонент «мэй» – «май» относится к Мезмаю V-го тысячелетия до н.э. Брантэ Зачерия.

Очень серьезным монументальным фольклорным источником, в том числе и по истории Майкопа служит нартский эпос адыгов. Особенно ценные сведения для данного случая отыскиваются в цикле Шабатнуко, как видно, относящимся к раннему средневековью (VIII-X вв.)⁴⁸, хотя в нем просматривается и более древний пласт эпохи военной демократии.

Однако достаточно испытывать терпение читателя, жаждущего узнать древнюю историю Майкопа. Поэтому начинаем изложение событий с древнейших времен, происходивших на территории столицы Адыгеи.

⁴⁸ Нарты – адыгский героический эпос. М., 1974. – С.229-267.

* Шытхьалэ – так называлось место г. Белореченска на адыгском языке, что означает «Конотоп» («шы» – лошадь, «тхьалэ» – тонуть).

** Наративный – относящийся к письменной литературе.

Рис. 1. Древнейший солнечный календарь в виде петроглифов на спине каменного бизона урочища Уруштен. Территория древнего племени Авхатов. Эпоха Мадлен.

Глава I.

ПЕРВОБЫТНЫЙ ЧЕЛОВЕК В УРОЧИЩЕ МЕЗМАЙ

Древнейшие охотники и собиратели на территории урочища Майкоп (400–7 тыс. лет до н.э.).

Конечно же, она представляется только на археологическом материале. Правда, в эту «подземную» историю, вдруг присоединяются комментарии нарративно-палеографического характера, оставленные на махошкxовских гальках в исторические времена.

Самая древняя находка ашельского рубила с устья р. Псыкъош (Фортепьянки), впадающей в р. Шхагуаще слева немного выше х. Гавердовского или напротив современной северо-западной окраины города, П.К. Перепелицина в 1925 году свидетельствует о первом появлении человека в этом месте около 400 тысяч лет тому назад⁴⁹. Учитывая тот факт, что массовое заселение северных склонов Одышъа* происходило только в течение 150-80 тысяч лет назад⁵⁰, можно представить удобство и выгодность этого места для жизни, которое оценил наш древнейший земляк типа Питекантропа.

Период среднего палеолита, когда на Северном Кавказе обитал и развивался неандерталец, в окрестностях Майкопа не оставил следов. Это потому, что в ту эпоху, отстоящую от нас на 70-35 тысяч лет, происходило вначале в условиях продолжавшегося довольно теплого межледниковья, а затем – в условиях резких перепадов, но в общем похолоданием и остепнением предгорий и даже среднегорья (от 500 – до 2000 м. над уровнем моря).

Человеческие коллективы в то время расширили зону жилищного освоения и стали заселять среднегорные пещеры, поднявшись из района Майкопа на уровень Даховской пещеры на хребте Унакоз.

⁴⁹ Аутлев П.У. Находки археологов. Газ. Адыгейская правда от 14 сентября 1964 г.

⁵⁰ История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII века. Т.1. М., 1988. – С. 28.

* Одыс (Одышъ) – шапсугское древнее название Кавказа, означающее «Золотую гору» (Уашъхъа дышъ).

Но в позднем палеолите, т.е. 31-18 тысяч лет тому назад, неантроп типа кроманьонца активно обживает окрестности Майкопа, о чем говорят Курджипские местонахождения кремневых орудий древнекаменного века⁵¹, находка челюсти «хомосапиенса» на Майкопской Пытапэ и Махошкушховский санктуарии**.

Последнюю фазу древнекаменного века называют эпохой «Мадлен» и считают ее временем первого расцвета изобразительного искусства на земле. Окрестности Майкопа подтверждают этот факт. Петроглифы*** Махошкушха, открытые в карьере х. Пролетарского, исследованные и опубликованные П.У. Аутлевым, изображают графическими средствами сцены охоты майкопских кроманьонцев вооруженных дротиками, луками со стрелами. П.У. Аутлев датирует этот санктуарий финальным палеолитом и ранним мезолитом, т.е. приблизительно 12-10 тысячелетием до н.э. (14-12 тысяч лет тому назад), (таблица №III).

В то время, считается, мамонты уже вымерли и охотничьи общины вынуждены были охотиться на мелкую быстроногую дичь, обитавшую в лесостепной зоне окрестностей Майкопа. На рисунках изображены копытные типа серны и джейрана, быка, подобного туробыку; в другом случае передней частью похожего на бизона. Хищная дичь представлена изображением волка. Лапчато-когтистая мелкая фауна ограничена рисунком зайца. Крупная фауна представлена еще несколькими рисунками «шерстистого слона» и гипотетичного мамонта и какого-то «блягожа» в виде змея с крыльями или большими ушами.

Стиль изображений махошкушховских петроглифов довольно необычный как для эпохи Мадлен, так и для мезолита. Крайне схематизированные и геометризованные ромбоголовые человеческие фигурки, в принципе, распространены в мезолитическом искусстве.

Но здесь они предельно схематизированы до геометрических символов и служат скорее пиктограммами, нежели элементами двухмерного искусства.

⁵¹ История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. Т. I М., 1988. – С. 28.

* *homosapitns* – человек мыслящий с латинского.

** *sanktuarii* – святилище

*** *petroglihes* – изображения, вырезанные на камне.

В одной композиции сделана попытка постановки фигуры охотника и быка на плоскость с элементами холмистого ландшафта (Табл. №III).

ТАБЛИЦА №III.

Петроглиф Махошкушха. Петроглиф махошкушховской гальки с изображением сцены охоты. X-VII тыс. лет до н.э. Мезолит.

На другой гальке выстроена интересная и сложная центричная композиция с дикой лошастью и полукругом «дорифоров» с дротиками и копьями, как - будто исполняющими вокруг нее «уджхурай», адыгейский массовый круговой танец.

Датировка петроглифов Махошкушха, по костяным гарпунам и параллелям с кремневыми орудиями Курджипского местонахождения эпохой раннего мезолита не вызывает сомнения.

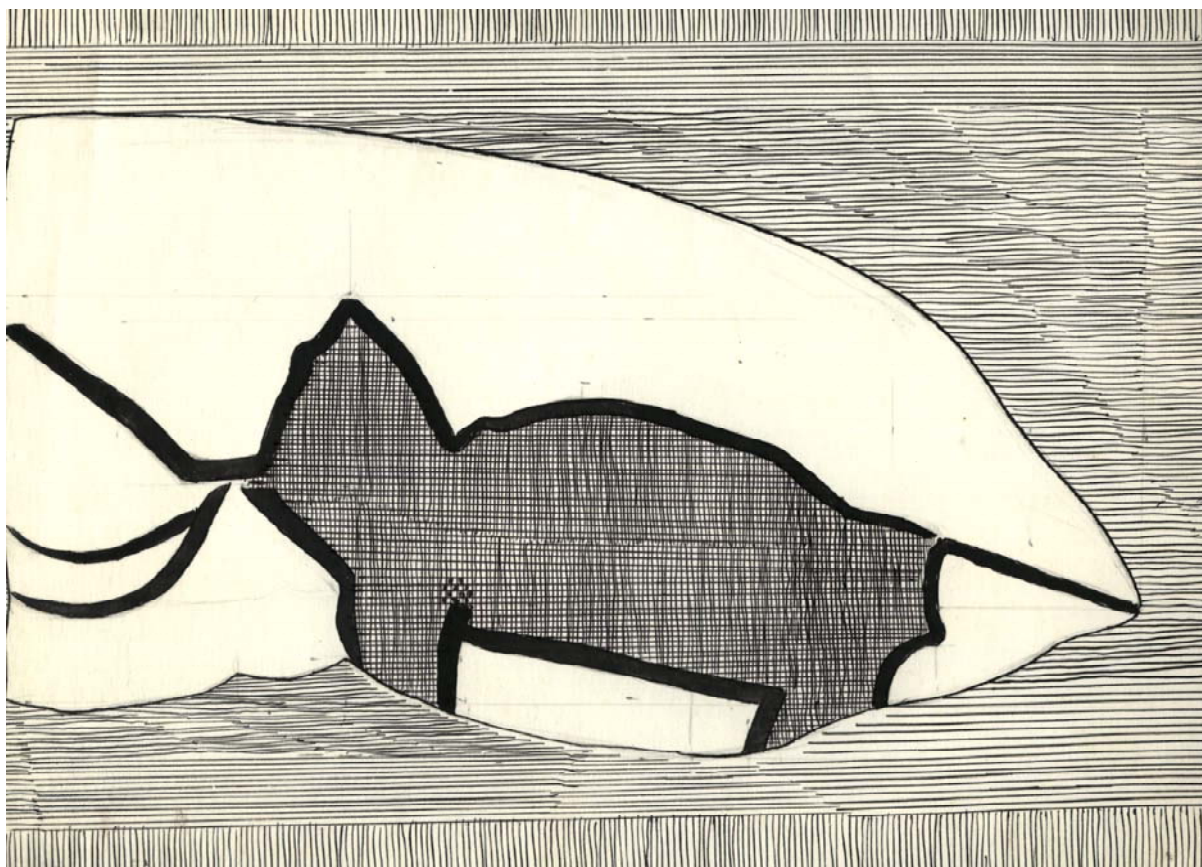

Рисунок мамонта на гальке - петроглиф Махошкучха. XII- XI тысяч лет до н.э. Поздний палеолит (Мадлен).

Но подозрительно поздними выглядят горизонтально строчные надписи слишком развитого линейного письма, очень напоминающего арамейское, финикийское или так называемое ашуйское по Г.Ф. Турчанинову. Чтобы как-то разрешить это противоречие, П.У. Аутлев предложил своеобразную разновозрастную билингву⁵². Это значит, что в эпоху мезолита были исполнены анималистические и охотничьи пиктограммы, а в эпоху раннего металла, когда в древнем Майкопе существовало цивилизованное письмо, гальки найденного мезолитического санктурия были по археологически подписаны горизонтально-строчным линейным письмом.

К дешифровке надписей на гальках Махошкучха придется обратиться позже. А пиктографическую часть можно использовать в характеристике образа жизни и хозяйства мезолитических майкопцев. Также имеется возможность

⁵² Аутлев П.У. Петроглифы Махошкучха//ВИА, Майкоп, 1986. – С.42.

выяснить их экологическое и эстетическое отношение к природе. Они строили и пользовались мостами.

Петроглифы Махошкуша изображают охотничий быт общины кочевого или полукочевого образа жизни, проживающей в легких портативных жилищах типа чумов круглой или многогранной формы. Замечательно, что на слона ни в одной композиции не охотятся. Ему, как видно, поклоняются. Не представляют странности и изображения полиморфных существ: необычной формы мамонта или монстра, быка наподобие «Тинитолкая», ушастого змея. Видимо, эти изображения выражают мифологические образы, связанные с религией и фольклором. Ввиду преимущественно анималистической сюжетики и сценам поклонения можно сделать вывод о господстве тотемизма и охотничьей магии.

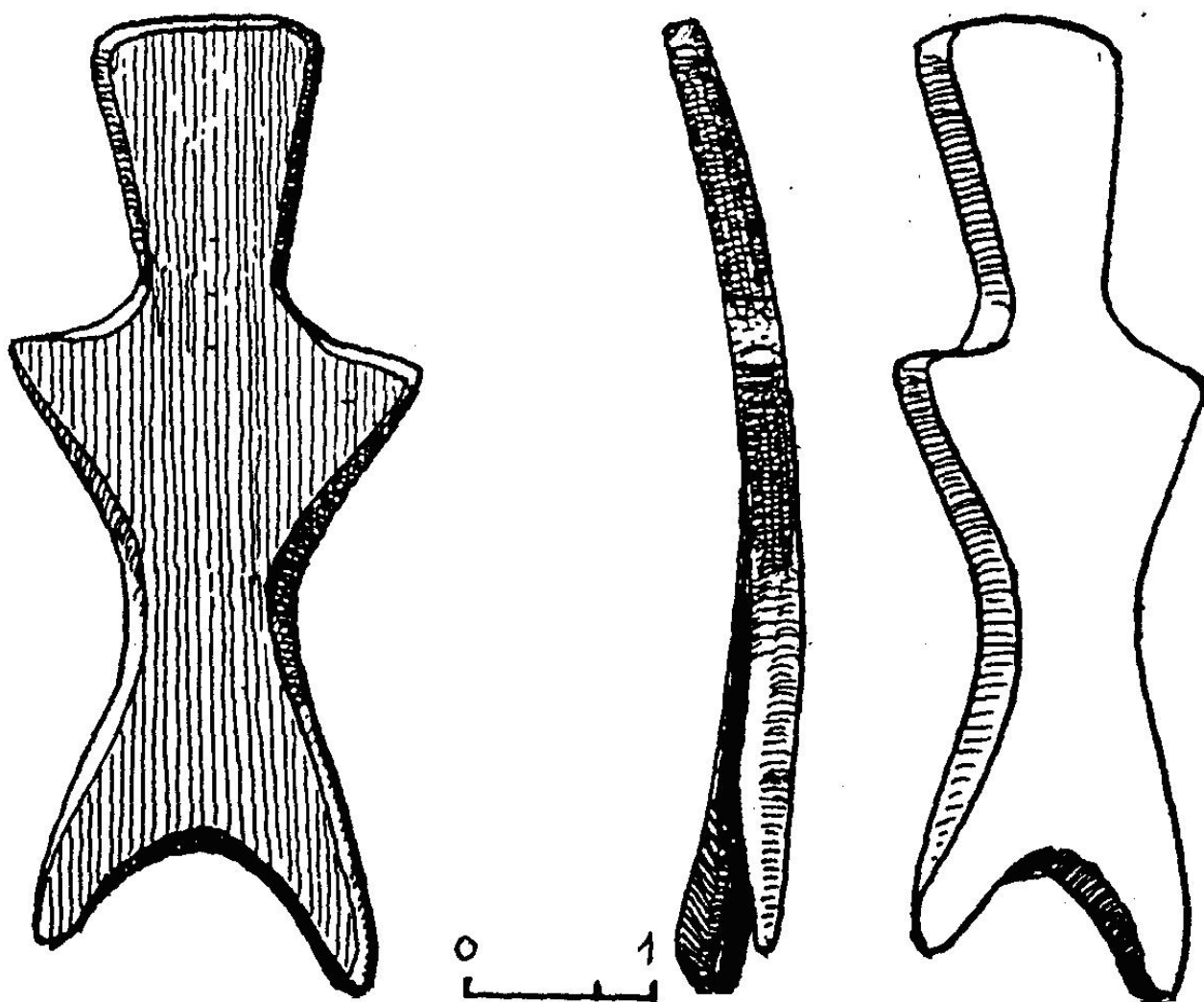
Таким образом, этот памятник среднекаменного века дает довольно обширную информацию о своей эпохе на территории города Майкопа средствами древнейшего пиктографического письма. Данный факт характеризует мезолитических майкопцев как коммуникабельное, организованное и для своего времени интеллектуальное общество.

Возможно, на левом берегу Шхагуаше в конце мезолита, в следующую неолитическую эпоху была охотничья – собирательская стоянка, о которой свидетельствует коллекция кремневых орудий. Орудия найдены под одним из 100 курганов хребта Нэгыеж, совпадающем с грунтовым некрополем IV-III вв до н.э. Десять кремневых орудий коллекции Пытапэ показывают скорее охотничье-скотоводческий характер хозяйства левобережной общины (таблица №V).

Можно представить стоянку Пытапэ докерамическим новокаменным веком.

**1 – концевой скребок, 2, 4 – пластинки, 3 – стреловидное изделие,
5-6,9-10 – фрагменты пластинок, 7 – нуклеус, 8 –остроконечный отщеп**

**Коллекция неолитических кремневых орудий
с Майкопского пытапэ (стокурганья).**

**Рис. 2. Амулет из рога оленя в виде антропоморфной статуэтки.
Унакозовская пещера №1 (ст. Даховская).
V тысячелетие до н.э. Неолит.**

Век каменной мотыги (VI-V тысячелетие до н.э.).

Миф о Кэтае и Кутае

В новокаменном веке в низменном Закубанье и особенно в предгорьях и низкогорье наблюдается сильное облесение, которое вынудило еще густое население, теснимое лесом отступить в среднегорье. Археология Западной Черкесии для VI-V тысячелетий до н.э., которыми на Северном Кавказе ограничивается неолит, зафиксировала только одну изученную стоянку новокаменного века у с. Нижнешиловка вблизи Адлера.

На территории современной Адыгеи и Мостовского района открыты и исследованы четыре пещерных стоянки – Каменноостская и Унакозовская пещеры в бассейне р. Шхагуаше; Барокаевская и Касожская пещеры в бассейне р. Лабы на ее притоке Гупсе. Все пещеры с неолитическим культурным слоем располагаются в пределах 700-900 м. высоты над уровнем моря⁵³. Возможно, в верхних голоценовых горизонтах пещер Мезмайской и Матузки тоже имеются культурные отложения новокаменного века⁵⁴.

Как будто там, в урочище Мезмай, правого притока р. Курджипс, помещает Брантэ Зачерий древнейших адыгов, которых он называет абадзехами, перешедших на Северный Кавказ из страны Кэтай семь тысяч лет тому назад⁵⁵. Страна Кэтай, как выясняется из самых ранних античных источников, это Западное Закавказье, тождественное Колхиде⁵⁶. Археологические материалы неолитических горизонтов пещерных стоянок Северного склона и древнейшие погребальные площадки с мегалитами с Усть-Сахрая как раз показывают плоскодонную керамику характерную для Закавказья. Но кроме пещерных стоянок местных (кавказских) родовых раннескотоводческих общин неподалеку от них замечаются сигналы более высокоразвитых земледельческо-керамических обществ, располагавшихся на склонах хребтов в укрепленных городищах, подобных Нижнешиловскому поселению. Такие

⁵³ Любин В.П. Местоположение и история изучения Баракаевской пещеры//Неандертальцы Гупского ущелья. Майкоп, 1994. – С.48.

⁵⁴ Там же. С.7.

⁵⁵ Брантэ З. Ук. соч.

⁵⁶ Аталиков В.М. Античные источники о Северном Кавказе. Нальчик, 1990. – С. 171-173.

городища разведаны на Богатырском хребте в 8 км. от ст. Новосвободной, и близ ст. Тверской Апшеронского района (поселение Фабров Бугор).

**Рис. 3. Золотая и серебряная скульптурки бычков из Майкопского кургана Ошад.
Конец IV тысячелетия до н.э. Энеолит.**

Технология изготовления и формы посуды этих памятников отличны и от местной, и от закавказской. Они близки к керамике переднеазиатских центров и особенно к неолитической культуре Анатолии Чатал-Хуюк. (Азиатская часть современной Турции).

Очевидно, более дальнее миграционное движение из Малой Азии всколыхнуло и увлекло за собой население страны Кэтай (Китей). Это был первый культурный импульс со стороны цивилизаций Переднего Востока на Северный Кавказ.

Брантэ Зачерий в своей книге пишет, что семь сыновей Адыга-Кумук, Кабертай, Карачай, Абэдзах, Кемиргой, Бжедуг и Шапсуг – расселились по всему Северному Кавказу от Каспия до Тамани, именно, в такой последовательности. Если учесть тот факт, что адыги всех дагестанцев называют «Кумук» (Къумыкъо), выходит, по Брантэ, расселение сыновей Адыга (Атыхэ),* как происхождение народов Северного Кавказа, которые объединяются лингвистами в одну языковую прасеверокавказскую семью⁵⁷.

И, конечно же, Майкоп входил в территорию «Абэдзаха», под которым мыслится племя абадзехов (абэдзах). Как пишет Брантэ Зачерий, через некоторое время после переселения на Северный Кавказ в конце VI-го тысячелетия до н.э., т.е. в разгар неолитической революции, в недрах автохтонного общества потомки Адыга достигли процветания. Но не так скоро получалось в жизни, как сказывает легенда.

Гончары, металлурги и ювелиры Мезмайской долины в эпоху меди (IV-е тысячелетие до н.э.)

Признаки процветания на базе синтеза местной и переднеазиатской культур замечаются только в раннем энеолите, в начале IV-го тысячелетия до н.э. Несмотря на тесное взаимодействие, протохаттские общины переднеазиатцев занимали укрепленные мысы на выходе рек из горных теснин

⁵⁷ Дьяконов И.М. Старостин С.А. Хуррито – урартские и восточнокавказские языки//Древний Восток. Этнокультурные связи. М., 1988. – С.164-165.

* Если опустить первое «а» как более древний абазинско-абхазский аффикс, и записать этноним «тыха» происходящим от солнца (солнцопоклонники – дети солнца) в виде двух слогов «ты» и «ха», то при чтении по-хеттски справа на лево получим этноним «хаты».

(поселение Ясенова поляна на р. Фарс, Мешоко и «Скала» в Хаджохе, Фабров бугор на Пщище) а местные скотоводы жили во внутренних горных долинах и сезонно продолжали использовать пещеры. *

В это время начинает устанавливаться «мягкий климат» как пишет Брантэ. Видимо, имеется ввиду переходный от влажного лесистого к сухому степному более холодному. Но тут случается стихийное бедствие – нашествие саранчи. Это происходит семь лет подряд с нарастающей силой. После этого наступил голод, за ним мор. Усадьбы «абадзехов» опустели. Надо полагать, это бедствие постигло, в основном, равнинное земледельческое население протохаттов. К тому моменту земледельческие общины переднеазиатцев, следуя за остепнением и появлением черноземов, покинули свои укрепленные горные мысы и двигались по долинам рек, спускаясь к их устьям. В устье Шхагуаше открыто и частично исследовано раннеэнеолитическое поселение Свободное близ с. Красногвардейского⁵⁸. На этом памятнике синтетически взаимодействовали две культурные струи – местная протомайкопская и какая-то северо-западная протоиндоевропейская. Получается, что энеолитическая община из гор прошла Майкоп, не останавливаясь, возможно, из-за задержавшегося здесь облесения.

На правом берегу Шхагуаше, на третьей террасе, исследовано одно энеолитическое погребение с оригинальным обрядом (таблица №VI): Костяк в согбенном положении с северо-западной ориентировкой черепа был придавлен пирамидой из булыжников. Инвентарь, сопровождающий покойника – две кремневых ножевидных пластины, три скребка и медное шило с обломанным концом – был сложен справа у плечевой кости и у ступней ног (шило). Может это было захоронение праиндоевропейца из числа Свободненских, которые, встретившись с протомайкопцами, были возвращены к устью Шхагуаше.

⁵⁸ Нехаев А.А. Некоторые вопросы изучения поселения Свободное//В.А.А., Майкоп, 1984. – С.69-70.

*Хаты – известное древнее население Анатолии бронзового века. Протохатты – население Анатолии дописьменного периода язык хаттов родствен современным языкам северо-кавказских народов – дагестанцев, Чеченов и ингушей: кабардинцев, черкесов, абазин, адыгейцев, абхазов.

ТАБЛИЦА №VI.

Погребение медно-каменного века на Тыгакочипэ (№24)

Протомайкопский материал пытапэ. 1. Венчик красноглиняного сосуда. 2. Концевой скребок (кремень). 3. Фрагмент серо-глиняного сосуда с жемчужным орнаментом. 4. Горло серо-глиняного сосуда с косыми насечками по венчику. 5. Раструб горла серо-глиняного сосуда. 6. Фрагмент ножевидной пластинки (кремень). 7. Ладьевидная зернотёрка (гранит).

Только в конце медно-каменного века на территории Майкопа появляются признаки (более) постоянной жизни. Среди случайных находок на Майкопской пытапэ – два классических концевых скребка неолитическо-энеолитической формы и обломки керамического сосуда с т.н. жемчужным орнаментом. Шишечки-жемчужины, продавленные, но не насквозь изнутри, мелкие, характерные именно для позднего энеолита, т.е. 1-ой четверти III-го тысячелетия.⁵⁹ Найдены две гранитных зернотерки ладьевидной формы, характерные для протомайкопской культуры и продолжающиеся в Майкопской ранней бронзы.

⁵⁹ Нехаев А.А. Некоторые вопросы изучения поселения Свободное//ВБА, Майкоп, 1984. – С.73.

Рис. 4. Н. Г. Ловпаче. Первая наковальня Тлепща. 2006 г.

Рис. 5. Фрагмент гравировки на первом серебряном кубке из Майкопского кургана Ошад.

Глава II

АШУЙЦЫ МЕЗМАЙСКОЙ ДОЛИНЫ В БРОНЗОВОМ ВЕКЕ (джерз заман)

1. Ошад и его соплеменники осваивают сплав меди с мышьяком (конец IV-го, III-е тысячелетие до н.э.)

Майкопский курган Ошад археологи обычно, тоже ставят по времени в конце этой эпохи, в начале раннебронзового века. Керамика с «жемчужным» орнаментом сигнализирует о местном, атыхском горноскотоводческом компоненте протомайкопской культуры, который сменяет на многих поселениях южный протохаттский. Последний, в свою очередь, замечен в нижнем предскальном горизонте культурного слоя южной цитадели Пытапэ в виде обломков сероглиняной и красноглиняной посуды, изготовленной по хаттской технологии. Курган мог быть насыпан над гробницей местного царя, хотя «жемчужника» в нем не найдено. Но это потому, что «жемчужный орнамент» символизировал культ плодородия и в могилы не попадал.

В деревянной (срубной) гробнице под курганом Ошад было три отделения. В большем из них были останки царя-жреца с многочисленными предметами из бронзы, меди, золота, серебра, полудрагоценных и драгоценных минералов, керамики, камня. Весь сопровождающий многочисленный богатый инвентарь описан во многих публикациях в том числе и в книге Н.В. Анфимова «Древнее золото Кубани»⁶⁰ и автора «Древнее золото адыгов»⁶¹. (Рис. 3, 4, 5).

В двух других отделениях были захоронены женщины: одна с вещами значительно менее роскошными; другая со скромным инвентарем. Первую обычно считают женой, вторую – рабыней⁶². Не обязательно в погребении жены царя видеть жестокий варварский обычай насильственного умерщвления супруги в качестве жертвы. Возможно, она добровольно последовала за своим хозяином, как спутник жизни на тот свет. Рабыня или наложница? Если первое, то она иллюстрирует классовое

⁶⁰ Анфимов Н.В. Древнее золото Кубани. Краснодар, 1987. – С.20-22.

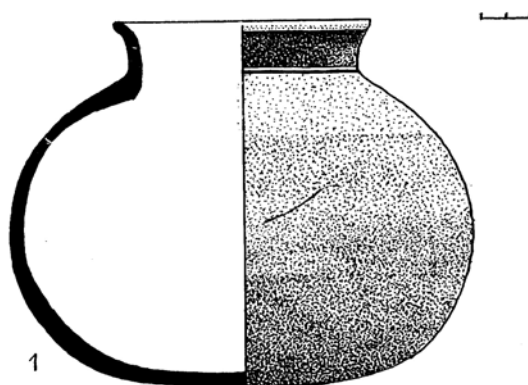
⁶¹ Ловпаче Н.Г. Древнее золото адыгов – Майкопа и Анатолии. Анкара, Находится в печати.

⁶² Анфимов Н.В. Там же. С. 22,26.

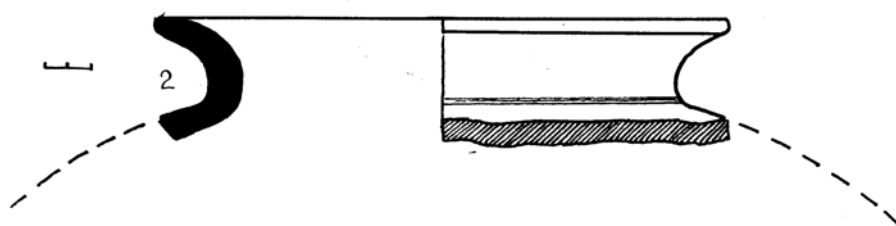
общество даже в случае домашнего рабства. Само богатое захоронение в Ошаде говорит, в первую очередь, о резкой имущественной дифференциации, если не о классовой.

Другое дело – захоронение очень бедного жреца в кромлехе под маленьким курганом на могильнике Кочипэ в километре на восток от Ошада. Здесь скорченный рослый мужчина, ориентированный головой на восток и посыпанный бурой охрой, имел у коленных суставов единственный сероглиняный сосуд типа кубышки.

ТАБЛИЦА №VIII.

погр. N3 сев. уч-ка м-ка Кочипэ

Майкопская керамика Тыгакочипэ.

1. Профиль сосуда серо-глиняного обжига из погребения майкопца в кромлехе.
2. Профиль верхней части красноглиняного сосуда из Майкопского культурного слоя на площади могильника Тыгакочипэ.

Но, зато, вокруг этого майкопца, по всей вероятности, по происхождению горца, атыха-солнцепоклонника, сооружен двойной кромлех из булыжников. Внешний круг кромлеха – тринадцатисторонний многоугольник; внутренний – разделен на четыре сектора по сторонам света и временам года. Похоже, что в этом сооружении диаметром 23 м., окруженном ровиком сочетался лунный календарь из 13 месяцев и «роза ветров» или «компас» (таблица №IX.).

Факт создания сложного мегалитического сооружения над могилой майкопца говорит о его уважительной, хотя не знатной должности, связанной с религией. Скорее всего, это был солнцепоклоннический жрец не первого ранга, обслуживавший кромлех – календарь.

На следующей террасе Шхагуаще, т.е. на хребте Махошкуша в трех километрах от Ошада и в двух километрах от кромлеха Кочипэ на восток, открыто еще одно святилище (таблица №X). Оно также, как на Кочипэ, состоит из круглого холма, окруженного у подножия кромлехом из галечника и булыжника диаметром 23 м. За кромлехом был вырыт ров, опоясывающий холм с трех сторон, в настоящее время, но в древности он окружал полностью. С трех сторон – с севера, запада и востока касательно рву, в 5 метрах от кромлеха и в 12 м. от рва – малые курганы 8-10 м. в диаметре. С юга, в восьми метрах от рва – обрывистый берег оврага с ручьем, стекающим ранней весной, поздней осенью и зимой по склону хребта с востока на запад. Судя по расчищенному участку кромлеха с восточной стороны, от вершины центрального холма к кромлеху спускались радиальные лучи из галечника и булыжника, возможно в количестве 12. Центральный холм, вероятно, в досоветское время нарушен большой грабительской ямой. В ней найдены фрагменты сероглиняного сосуда хаттской технологии переднеазиатского типа с двумя вертикальными ручками-трубками. (табл. X). Как видно, под холмом святилища Махошкуша тоже было совершено погребение майкопской культуры. Если нет, то фрагменты майкопского сосуда говорят о сооружении святилища в период ранней бронзы.

Погребение майкопца в кромлехе Тыгакочипэ.

1. План двойного кромлеха с захоронением майкопца. Под ним – профиль срезанного кургана. Внутри – геометризованная схема кромлеха, план и профиль могил.

2. План погребения майкопца в кромлехе III – го тыс. до н.э. (раскопки Ловпаче Н.Г. 1986 года).

ТАБЛИЦА №Х.

**Майкопское святилище на хребте Махошкуша в
астрологическом ансамбле кургана Ошад.**

Таким образом, от Майкопского кургана Ошад выявлен луч на восток, длиной в 3 км. с двумя высотными отметками 254м и 284м. в виде солярно-кромлешных святилищ, объединенных археологическими материалами Майкопской культуры раннебронзового века. Любопытно и важно еще то, что этот луч на восток сnivelирован в вертикальной плоскости. Если провести линию с бывшей вершины кургана Ошад на восток через вершину небольшого холма, насыпанного в свое время над кромлехом Кочипэ, и дальше на вершину центрального холма святилища Махошкуша, получается прямая линия, обеспечивающая зрительное сообщение и связь трех солярных святилищ (табл. X). Ведь курган Ошад у подножия тоже был окружен крепидой – кромлехом из известняковых плит. Он должен был подобно египетской пирамиде, выполнять функцию храма или святилища, воздвигнутого над могилой обожествленного царя.

Другая сторона луча «Восток-запад», проведенного через курган Ошад, упиралась в курганную группу х. Гавердовского, расположенную на расстоянии 7 км. от него. В кургане №1 экспедицией Адыгейского областного краеведческого музея в 1983 г.⁶³ выявлен интересный очень архаичный сосуд с классическим «жемчужным орнаментом», характерным для протомайкопской культуры. Перпендикулярная этому лучу прямая от кургана Ошад на север упирается в Коэщевское поселение с Майкопской плитой. В 2 км. от Ошада с другой южной стороны луч от Майкопского кургана проходит через курган с двойным кромлехом на пересечении улицы Подгорной с улицей Кирпичной в 1600 м. от Ошада и упирается в большой разрытый курган на левом противоположном берегу Шхагуаше, примерно в 3-4 км. от Ошада на юг. (Рис. I).

Следовательно, еще в эпоху ранней бронзы в горизонтальной плоскости был выполнен крестообразный план на территории современного Майкопа с радиусом в среднем 5 км.

Центром этого монументального ансамбля являлся курган Ошад. Возможно, в этом топониме кроется название «священная гора» (О-1уашъхьа, Шад-шат – священная по аналогии с Шат-гора, как иногда в фольклоре адыги называют Ошхомахо

⁶³ Нехаев А.А. Отчет о работе Адыгейской археологической экспедиции за 1985-1986 гг. Архив НМ РА.

(Эльбрус).⁶⁴ Не случайно, русское население Майкопа в начале 20-го века называло курган Ошад горой и улицу, на которой он оказался после раскопок называли Подгорной.

Хотя материалов, свидетельствующих о майкопской культуре по всем перечисленным объектам астрологически-культового ансамбля недостаточно, но уже можно с уверенностью заключить, что крестовая композиция ансамбля и особенно ее луч «запад-восток», несомненно, связанный с культом солнца, были выполнены в раннебронзовом веке.

На территории города Майкопа пока не найдено поселения с культурным слоем, современным Ошаду. В таком случае остается предположить, что здесь в то время был культово-астрологический центр, возникший после захоронения царя.

Но кто же это с такой пышностью был погребен под курганом Ошад?

Отвечая на этот вопрос, изображения на двух серебряных сосудах, обнаруженных в главной камере, Ленинградский палеограф Г.Ф. Турчанинов, опубликовавший книгу «Открытие и дешифровка древнейшей письменности Кавказа» в Иордании в 1997 г. предлагает прочтения гравировок серебряных сосудов способом силабо-пиктографического письма. (в Москве в 1999 г.)

На одном кубке, где изображена вереница зверей и горы, он читает по-ашуйски (по древне-абазински) три надписи. Верхний регистр с рисунком медведя, двумя деревьями и горами, согласно дешифровке гласит «Письмена имеющая ашуйских людей страна». (табл. XI).

Средний регистр со звериным шествием доносит: «Садзовский царь Лым Ачба рода мощного (могущественного) есть». Нижний регистр на дне сосуда, где изображены в круговом движении львица, тур, козел, кабан, читается: «Это сын Хуа Гяч сделал (создал)» Наконец, две полосы, заштрихованные в елочку и соединяющиеся на дне в кружке, эпиграфист читает как две реки (Кубань и Риони), впадающие в Черное море по разные стороны Кавказского хребта. Первая по-абазински должна была звучать «Пшъадз» (птичья река), в адыгейском зафиксирована в гидрониме Пшиз (древняя и старшая или главная река).

⁶⁴ Гиш Н.Т. Адыгейская лексикографическая практика и некоторые семантические наблюдения//Вопросы адыгейского языкознания. Вып. V, АНИИ ЭЯЛИ. Майкоп, 1985. – С.76-82.

Серебряный кубок из кургана Ошад.

- 1. Прорисовка с развёрткой гравировано-чеканных композиций.**
- 2. Один из боковых видов кубка.**
- 3. Донная часть кубка.**
- 4. Золотая бляшка в виде рельефной фигуры бычка.**
- 5. профиль серебряной фигурки бычка на шесте.**

Вторая, правая, по-Турчанинову в древности звучала как Пасас (Фасис), т.е. еловая с убыхского языка.

На втором серебряном сосуде Г.Ф. Турчанинов читает угрожающее предупреждение грабителям, т.е. своего рода охранную доску (таблица №XII): «Царской души вместилище есть. Душевора род проклят»⁶⁵.

По-Турчанинову получается, что территория г. Майкопа со всем горным и предгорным пространством северных склонов Одышъа (Кавказа) принадлежала абазинскому царю Лыму (Льву) из рода Ачба (Коневых) и была частью страны Ашуи.

Раньше было замечено по книге Брантэ З., что это место с эпохи неолита было заселено абадзехами*. В моменты соприкосновения отрядов российской армии под командованием Евдокимова и Вельяминова в 1823 и 1825 гг. с местным адыгским населением и во время русско-кавказской войны российская армия, в основном имела дело с абадзехами. Выходит, что и древнейшие сведения книги Брантэ З. и тексты серебряных кубков Ошада не противоречат, а подкрепляют друг друга. Это потому, что абадзехское племя своим происхождением и этнонимом неотделимо от абазин, называемых адыгами «абадзэ».* *

Наличие культовых, погребальных и культово-астрологических памятников*** при отсутствии бытовых поселений, говорит о том, что на территории Майкопа могла функционировать только часть древнего городского комплекса. Такой вариант возникновения города имел место в Передней Азии. Некоторые городские центры возникали вокруг культовых. Примером тому служит город Тапсак (Тхьапсэкъо) на р. Евфрат,

⁶⁵ Турчанинов Г.Ф. Открытие и дешифровка... С. 89.

*В.П. Левашева в книге «Белореченские курганы» (ТГИМ вып. 22, М., 1953), исходя из данных каталонской карты XIV в. где в этих местах указана область Альбазехия, связывает курганный некрополь XIV-XV вв. между ст. Ханской и Белореченской с племенем абадзехов.

*Абадзэх по-адыгейски означает – нижние абазины в отличие от верхних высокогорных «абадзэ эпшир».

** *Об астрологической функции Майкопского комплекса говорит форма расположения ближайших к Ошаду святилищ, напоминающая «Жъуагъозэшъиль» – созвездие «Большой медведицы», а по-адыгейски – семирратнее созвездие»

возникший в IV-м тысячелетии до н.э. как культовое место по отношению к городам Кархемиш и Халеп, т.е. «долина храмов».

Из эпохи средневековья подобным примером служат города Медина и Кааба – культовые центры ислама.

ТАБЛИЦА №XII.

- 1. Штампованные золотые бляшки-львы из кургана Ошад.**
- 2. Серебряный кубок из кургана Ошад с гравировано-чеканным изображением звериного гона – прорисовка.**
- 3. Профиль кубка (фото).**
- 4. Прорисовка кубка с орнаментом на фоне.**

Но северокавказский город древности не был сосредоточен на ограниченном пространстве, огороженном частоколом и рвами. Он был распланирован на большой территории. Так, бытовая часть, т.е. поселения земледельцев и ремесленников-прахаттов располагались на мысах левой древней надпойменной террасы Пшиза (Кубани). Это серия поселений майкопской культуры, открытых в последние 15 лет, и сопровождающихся небольшими грунтовыми могильниками (Псекупские №1,2,3, Нечерезийский №1,2, Тауйхабльский, Чишхо, х. Городского, три Красногвардейских)⁶⁶.

Некрополь аристократической части ближайшего окружения царя располагался на р. Фарсе, в урочище Хашпек (Клады) близ ст. Новосвободной. Культовый центр был в Майкопе. Он должен был называться «Тыгапса» – солнечный центр как средоточие солярных святилищ и, возможно, как город солнца. Здесь же была и крепость – Майкопский пытапэ с подъемным материалом майкопской культуры. Хотя для майкопцев крепостью служили все горы. Централизованные гончарные мастерские, производившие стандартизированную «городскую керамику», работали на Псекупсе и Марте нынешнего Теучежского района Адыгеи⁶⁷.

Возможно, на территории Майкопа была и резиденция царя. Отдельных находок и объектов майкопской культуры для такого предположения достаточно. Кроме описанных святилищ и погребений с археологическими материалами этой культуры, можно добавить следующие: бронзовый топор с территории городской больницы; фрагменты гончарно-штамповочных сосудов сероглиняного обжига и кремневые изделия раннебронзового типа с площади могильника Тыгакочипэ; фрагментированную керамику серо глиняного и красноглиняного обжига, сработанную по «хаттской технологии», которая попадает в шурфах Майкопского пытапэ. Очень яркой находкой оказался серпентинитовый скипетр в виде головы лошади, найденный в окрестностях города⁶⁸. Такой престижный

⁶⁶ Подготовлена статья автора «Майкопские памятники равнинной Адыгеи для сборника «Археология Адыгеи» АРИГИ.

⁶⁷ Статья автора «Майкопские памятники равнинной Адыгеи для сборника «Археология Адыгеи» АРИГИ

⁶⁸ Нехаев А.А. Домайкопская культура ... С.89.

предмет считается атрибутом правителя (царя, верховного жреца, вождя).

В горной части Западной Черкесии еще не найдено ни одно поселение майкопской культуры раннебронзового периода. Это говорит о том, что на время средней части III-го тысячелетия до н.э., видимо, из-за сильного облесения, население было вытеснено природой из гор. Смешавшись, или распределившись по этно-культурным признакам в левобережье Пшиза, горцы-атыхи, равнинные земледельцы хатты, проникшие в Закубанье степные скотоводы «ямники», какие-то представители переднеазиатских народов типа шумеров из Месопотамии, возможно, «праарии» из Северо-западных районов Восточной Европы, организовались в конфедерацию «Союз майкопских племен» и создали майкопскую культуру.

Рис. 6. Испыун – корытообразный дольмен в горной Адыгее. Период средней бронзы. (С картины Н.Г. Ловпаче. 2003 г.).

2. Эпоха развитой бронзы и мегалитической культуры. Сигналы дольменной культуры на территории Майкопа (рубеж III-II тысячелетие до н. э. – середина II-го тысячелетия до н. э.)

Следующий период средней бронзы на территории Майкопа по археологическим материалам так же, как и в ранней бронзе, замечается лишь фрагментарно.

Попадаются обломки керамических сосудов с рельефным орнаментом с Майкопского пытапэ, по которым можно восстановить облик керамической культуры конца III-го тысячелетия первой половины II-го века до н.э.

На правой третьей террасе Шхагуаше, в пределах кахатлежа* Кочипэ найдено несколько восстанавливающихся сосудов сероглиняного обжига, выполненных по хаттской технологии, но в формах и орнаментации более близких к дольменной культуре горного Закубанья. (nf,k. XIV)

Откровенных следов этой культуры в Майкопе не замечено, но чувствуется её «близкое дыхание». Есть подозрение, что в окрестностях города стояли когда-то «богатырские хатки», со временем демонтированные горожанами и использованные на строительство. В некоторых местах по улицам Майкопа до недавнего времени можно было видеть плиты с дольменов, уложенные в конструкцию входных ступеней. Под крыльцом одного дома по ул. Пролетарской лежала каменная плита с круглым отверстием, т.е. передняя плита дольмена. Проще представить добытой её в окрестностях города, нежели привезенной издалека, со стороны ст. Абадзехской, Хаджуха⁶⁹.

В период средней бронзы облесение гор сменилось остепнением. Безлесная часть дошла даже до Гузерипля. Там, где обнаружены и до сих пор находятся дольмены в конце III –го, в первой половине II –го тысячелетия до н. э. не было лесов. В последние два десятилетия в горах Западной Черкесии открыто несколько поселений дольменной культуры: три на Богатырском хребте над левым берегом Р.Фарс, одно – на правом берегу этой реки (поселение Старчики) в 5 км севернее ст. Новосвободной.

* Кахатлеж (къэхалъэжъ) – древнее кладбище, могильник.

⁶⁹Подтверждением факта наличия в прошлом мегалитов в окрестностях Майкопа служит естественный «испыун» (дольмен, в устье ручья Майкопки, что впадает в Шхагуаше выше Дубзавода.

На другом берегу, против «Старчиков» тоже обнаружен культурный слой того времени под курганом №40 урочища Хашпек (Клады). В двух километрах юго-западнее еще поселение «Осиновое». До этого, с 1971г. было известно одно поселение у ст. Даховской, открытое и исследованное московским археологом В.И. Марковиным.⁷⁰

Против п. Хамышки на хребте Дудугуш открыт сложный комплекс среднебронзового века, состоящий из Мегалитической крепости, пяти разрушенных дольменов и десятка небольших курганов.

В то же время в равнинном Закубанье, куда к рубежу III-II тысячелетий проникают племена северо-кавказской культуры, не найдено пока ни одного поселения этой культуры. Оставшееся, видимо, немногочисленное население хаттов-земледельцев левобережной низменности сконцентрировалось на указанных раннее мысах левой надпойменной террасы Пшиза и продолжало постмайкопскую культуру.

Как видно, эпицентр активной культурной жизни Западной Черкесии переместился в горы. Теперь урочище Хашпек на р. Фарс становится не только некрополем, но и долиной храмов – «Тхапсако».* На левом берегу р. Фарса в четырех-пяти километрах от ст. Новосвободной в конце III –го тысячелетия до н.э. создаются два сложных мегалитических ансамбля, открытых и исследованных в восьмидесятых годах ленинградским археологом А.Д. Резепкиным под курганами №11 и №39. Но поскольку Майкоп находился на границе гор и равнины и в очень выгодном месте, у входа и выхода из гор, т.е. служил воротами на входе в обширную плодородную долину р. Шхагуаще или древнего Мезмая, за ним осталась функция культово-астрологического центра.

Больше всего находок среднебронзового века сделано на территории кахатлежа Тыгакочипэ (табл. XIII-XIV).

⁷⁰ Марковин В.И. Дегуакско-даховское поселение дольменной культуры в Майкопском районе. //СТАА, Майкоп, 1977. – С.37-67.

* Тхьапсэ – буквально, душа бога, т.е. божественный центр. Это слово использовалось в древности атыхами и хатами для названия храма, как культового центра. Возможно, от этого слова образовалось адыгское «хьапсэ» - тюрьма. Известно. Что в хаттско-кеттских государствах Малой Азии в храмах держали осужденных.

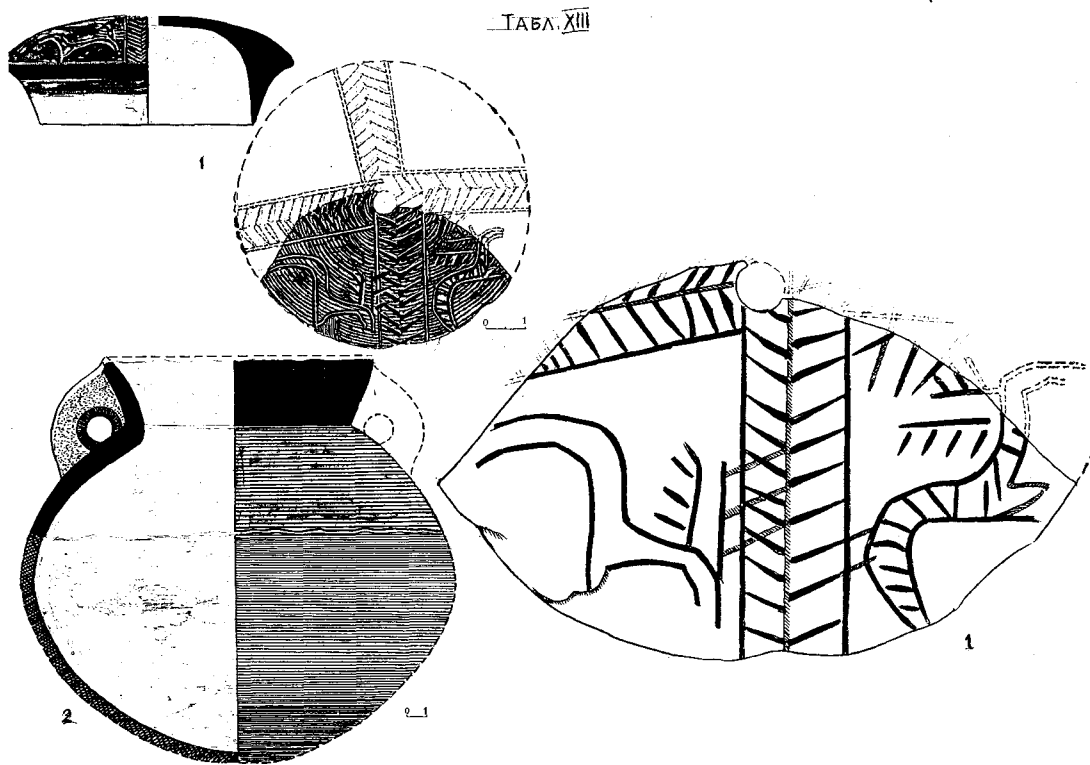
Погребения эпохи бронзы кургана №2 Тыгакочипэ.

Здесь даже признаки рассеянного культурного слоя – кроме керамики, найдена гранитная зернотёрка постмайкопского типа⁷¹, исследованы четыре погребения кургана №1, которые можно связать с северокавказской культурой. Но самой интересной находкой явилась часть сероглиняной крышечки сосуда, с изображением оленей (таблица №XIV).

Техника исполнения рисунка крышечки «клинописно-гравюрная». Т.е. рисунок частично вырезан на глиняной плоскости по-сырому, а частично оттиснут клиновидным торцом каламуса⁷². (таблица №XIV) На круглой выпуклой плоскости со сквозным отверстием в середине наштампован прямой крест из лучей-колосьев злака. В двух сохранившихся секторах круга выгравированы контурные изображения оленя с семьюветвистыми рогами, скачущего слева направо.

⁷¹ Ловпаче Н.Г. Майкопские памятники равнинной Адыгеи. Статья подготовлена к печати в 12-м выпуске Вопросы археологии Адыгеи. Табл.51-4.

⁷² Каламус – деревянная палочка из тростника для письма по сырой глиняной таблетке.

**Находки из культурного слоя на площади могильника
Тыгакочипэ вблизи погребения в кромлехе.**

- 1. Крышечка серо-глиняного кубка с гравировано-штампованными изображениями оленей.**
- 2. Профиль серо-глиняной амфоры.**

Левый олень с чистым контуром, правый заштрихован поперек полосы туловища.

Этот рисунок можно классифицировать как земледельческий календарь. Первым в глаза бросается крест в круге из колосьев, символически показывающий простейшее изображение солнца в виде колеса с четырьмя спицами-лучами. Колос это символ хаттского бога-зерно Хаяма, адыгского Созериса. Четыре реконструируемых сектора это четыре времени года. Олень с семьюветвистыми рогами это символ адыгского бога природы Мэзытха или как его в Хеттском царстве называли бог-олень.⁷³ Часто в качестве бога природы у хатто-хеттов Анатолии фигурирует Телепину. Как мы уже знаем, семерка

⁷³ Emanuel Laroche. Les Hieroglyphes Hittites. Paris, 1960. – С. 271.

связана была у адыгов с созвездием «Жъуагъозэшыл» (Большой медведицей) и символизировала плодородие. Поэтому в изображении оленя с семьюветвистыми рогами сочетается символы Мэзытха и Тхагалиджа – покровителя землепашцев, патриархального бога плодородия.

Почему же олени в двух соседних секторах нарисованы по-разному? Логично предположить, что и в двух несохранившихся секторах были различные заполнения контурной полосы их туловища при общей повторяемости всего изображения.

Можно, реконструируя весь рисунок крышки, предположить следующего за правым оленем, заштрихованным в елочку, а в четвертом, последнем секторе – татуировку «циркульным орнаментом» (кружочками). Тогда первый олень должен изображать зиму с заснеженной белой землей; второй олень – весну с пашней (поперечная штриховка), третий воображаемый олень олицетворяет лето с урожаем зерновых, четвертый воображаемый олень символизирует осень с урожаем плодов.

В результате такой реконструкции крышечки постмайкопского сосуда (кубка?) исполненной по хаттской технологии, возникает представление о ядре религиозного пантеона закубанского племени конца III го, первой половины II го тысячелетия до н.э., обитавшего вокруг Майкопа. Ядро языческих культов включало четыре божества: бог солнца – Эштан-Оштен, бог природы – Мэзытха (бог – олень), бог – зерно – Хаяма или Созерис, бог земледелия Тхагалидж.

Крышечка невольно напоминает двойной кромлех ранней бронзы вокруг захоронения солнцепоклонника – майкопца на могильнике Тыгакочипэ с лунным календарем – тринадцатигульным многоугольником.

Крышечка найдена на этой же площади в тридцати метрах от кромлеха. На правом олене крышечки нанесено тринадцать поперечных штрихов. На основании проведенного анализа можно заключить, что и в среднебронзовый период культово-астрологический ансамбль вокруг Ошада служил земледельческому обществу. Здесь не только исполнялись религиозные церемонии (жертвоприношения богам, ритуальные шествия и процессии, песнопения, религиозные круговые пляски «по солнцу» и др.), но и научные операции – математические расчеты и измерения, календарные вычисления с использованием

астрологических наблюдений. Жрецы-астрологи вычисляли, угадывали и объявляли сроки пахоты, сева, жатвы, отгона скота и другие хозяйственно важные пункты земледельческого календаря.

Поэтому ансамбль «Тыгапса» можно назвать аграрно-астрологическим и причислить к научным средствам производства постмайкопского общества Западной Черкесии.

Судя по археологическим материалам среднебронзового века с территории Майкопа, здесь синтезировалась культура постмайкопских хаттов и касков-северокавказцев. Последних можно представить как вторую волну возвратившимися из Малой Азии в конце III –го в начале I ой половине II –го тысячелетия до н.э. абадзехов Брантэ Зачерия.

Первая волна возвращения состоялась через 500 лет после ухода, т.е. в третьей четверти IV го тысячелетия до н.э. По сообщению Брантэ З. Абадзехи вернулись из Арапахпэ пять тысяч лет тому назад.⁷⁴

Теперь же в лице Касков, обитавших в юго-восточном Причерноморье, северокавказцы через Закавказье, а затем перевалы Дигории и Западного Кавказа – Клухорский, Марухский, Санчарский они появились в Верхнем Прикубанье и, двигаясь в обе стороны по Северному Кавказу, распространились вдоль гор. Часть Касков смешалась и синтезировалась с атыхами-дольменщиками Западной Черкесии. Другая часть на р. Псатий (Шхагуаше) вошла в соприкосновение с постмайкопскими хаттами на Закубанской равнине.

Сигналом северокавказцев-касков в Майкопе служат не только названные погребения Кочипэ, но и описанная крышечка сероглиняного сосуда. В ней как раз проявляется синтез двух культур. Технологическая и типологическая часть относятся к Майкопской культуре, а декоративная больше связана с анатолийской культурой Аладжа-гуюк. Для последней характерна клинописно-штамповочная техника исполнения и оленья сюжетики. Поскольку малоазийские каски граничили в районе Трабзона, Самсуна и Синопа с Хаттским царством, они усвоили немало культурных черт цивилизованных хаттов.

⁷⁴ Бранте З. Ук. Соч. С. 3.

Рис. 6 (а). Керамика поздней бронзы поселения Красногвардейского

3. Город Аха-Мае гомеровской эпохи (середина II – рубеж II-I тысячелетия до н. э.)

Во второй половине II-го тысячелетия до н.э. дольменная культура, самая яркая из среднебронзовых культур Северного Кавказа постепенно приходит в упадок. В середине II-го тысячелетия атыхи-дольменщики перестали строить испыуны, но продолжали хоронить родственников в них. Возможно, начавшееся облесение вновь стало выживать человека из гор, а так как только в горах строительный материал для мегалитических построек, то его отсутствие в предгорьях и на равнине привело к вырождению традиции. Но, даже переселившись из гор на равнину и в предгорья, атыхи продолжали использовать родовые усыпальницы и святилища, привозя своих усопших родственников на похороны и приходя на святилища и храмы для совершения молитв и других религиозных ритуалов в горы. Яркой иллюстрацией подобного случая служит захоронение позднебронзового покойника в Усть-Сахрайском дольмене №2 восточного сектора мегалитического некрополя. Костяк погребенного был наполовину всунут в камеру испыуна через лаз таким образом, что нижняя половина костяка находилась в камере, а верхняя снаружи, т.е. покойник был ориентирован головой на юго-восток.

Такая же картина наблюдалась и в ранней бронзе, когда майкопцы – атыхи приходили молиться с равнины на мегалитическое святилище в Усть-Сахрайском некрополе №2, оставшемся в лесу.⁷⁵

Но облесение Западной Черкесии в середине, третьей четверти второго тысячелетия до н.э. было кратковременным. Уже в последней четверти II-го тысячелетия наблюдается довольно широкое заселение Закубанской равнины и не только местными племенами-атыхами, хаттами, северо-кавказцами-касками, тореатами*, но и соседними народами: кобанцами из центрального Кавказа, срубниками из степей Подонья и

⁷⁵ Джанхот И.Ю., Ловпаче Н.Г. Новые дольменные памятники Западной Черкесии. Майкоп. 1999. – С.17, рис.13.

* Это племя появилось в Причерноморье со стороны Средиземноморья, примерно, на рубеже III –II го тысячелетия до н.э. и к середине его диффузировало по всему массиву атыхов и апсуа (абхазов)- дольменщиков.

Прикубанья, колхами из Закавказья.⁷⁶ Этот факт косвенно говорит о наступлении степи и аридизации Предкавказья (осушение климата). Как раз в Майкопе наблюдается контакт перечисленных археологических культур. На территории современного города и его ближайших окрестностей разведано не менее семи «хаблей» позднебронзового века. Разнообразный материал собран и исследован на площади могильника Кочипэ. Следы разрушенного стрельбищем поселения зафиксированы у подножия юго-восточного мыса с дачами. На четырех объектах Майкопской Пытапэ добыт материал этого периода бронзового века. Подъемный материал финальной части эпохи бронзы имеется со святилища 10-го совхоза северной окраины города. Керамический материал позднебронзового времени исследован на святилище Махошкуча. В семи километрах от центра Майкопа доисследовано Курджипское поселение на правом берегу реки. Позднебронзовый материал найден на северной оконечности хребта Нэгыез над п. Краснооктябрьским в устье р. Курджипс.

Но, самое, конечно интригующее место в Майкопе это объект, на котором найдена Майкопская плита, т.е. район Северо-Восточных садов (Табл. №XV).

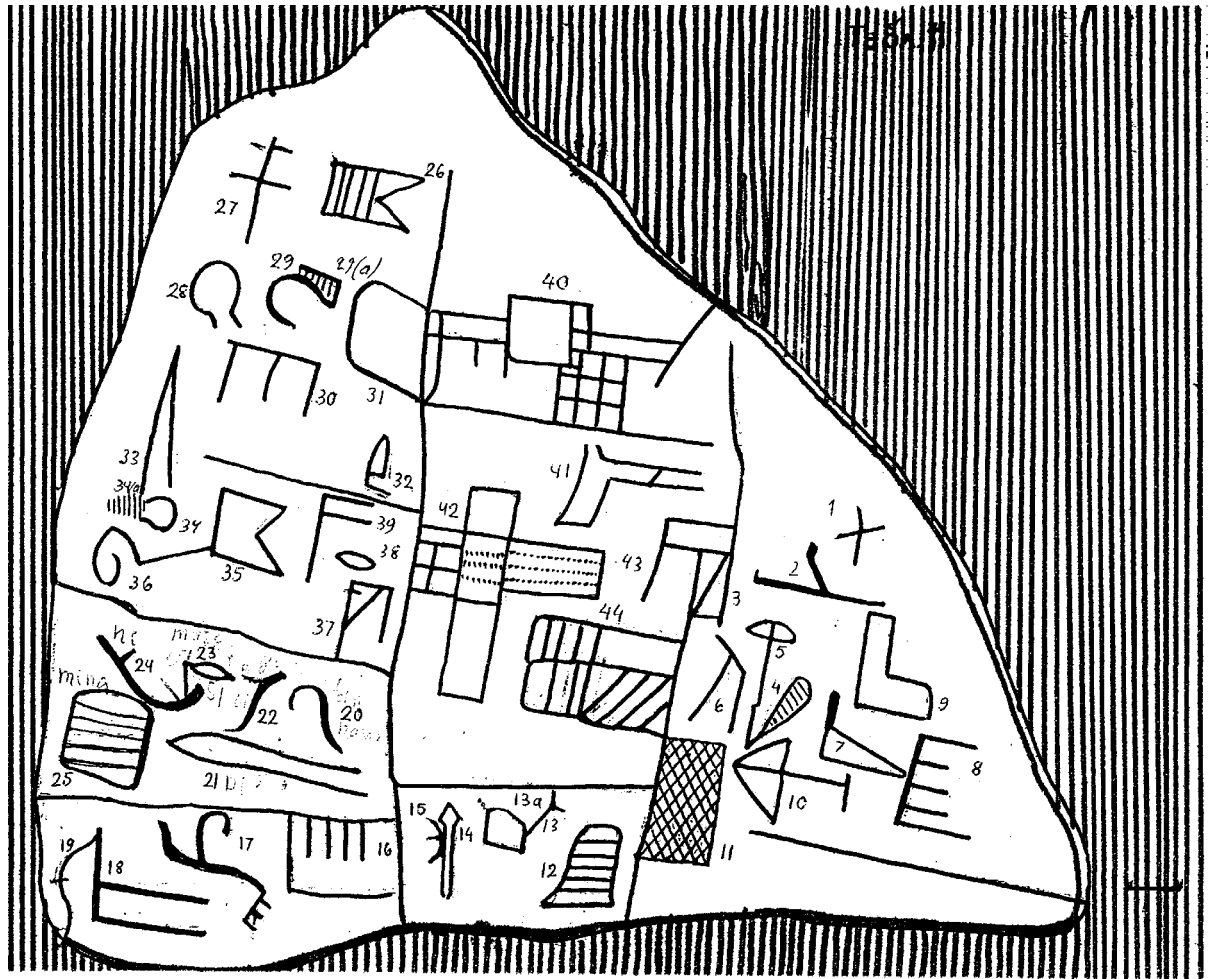
В начале древней истории города было записано, что совместной экспедицией Адыгейского и Абхазского НИИ в 1964 году на месте находки, т.е. на усадьбе гр-на Вишневого, были проведены раскопки и частично исследовано поселение меотской культуры IV–III вв. до н.э. Но Г.Ф. Турчанинов, выполнив дешифровку надписи и палеографический анализ, датировал плитку XIII–XII вв. до н.э., то есть определил её возраст в 3200 лет.⁷⁷ Таким образом, получается, что хронологической связи между поселением и памятником письма нет. Казалось, нет и стратиграфической связи, потому что плитка найдена недалеко от поверхности на уровне верхних штыков античной эпохи.

Хотя П.У. Аутлев и П.А. Дитлер возражали против такой древности надписи⁷⁸, но Г.Ф. Турчанинов убежденно, уверенно и настойчиво утверждал именно такой возраст в книге 1971 года изданной в г. Ленинграде.

⁷⁶ Содержание текста Майкопской плиты с комментариями Г.Ф. Турчанинова в Ук. сочинений 1971г.

⁷⁷ Турчанинов Г.Ф. Открытие и дешифровка. С.169-176.

⁷⁸ Аутлев П.У., Дитлер П.А., Трапш М.М. Раскопки в районе г. Майкопа в 1964г.

Прорисовка надписи Майкопской плиты.

Однако, если согласиться с ленинградским учёным, то, естественно, возникает вопрос: А где же признаки города «Ах-Айя», об основании которого идет речь в тексте Майкопской плитки. Ведь в окончательной редакции дешифровки надпись гласит:

1-я «фраза: Этот азецкого царя великого Мараны его потомок есть (букв. сын)

2. (крепость) Айя* (его) собственность есть

3. Пагя (из) Хизы (он) сюда выйдя.

4. Сева месяца начале (голове) в

5. (Он) соорудил (построил) крепость году 21 в

6. Скалистой стране в золотой (золотоносной) земле (в) Пах (у) долине (в).⁷⁹

* В первом варианте чтения Майкопской строительной надписи Г.Ф. Турчанинов писал «город» Ah(=A(i)ā)

В середине плитки дан чертеж, очевидно, воспроизводящий план города. Может, фундаментальные остатки этого ансамбля и покоятся под усадьбами жителей кварталов Северо-восточных садов, прилегающих к перекрестку улицы Садовой и переулка Родникового.

По отчету П.А. Дитлера о раскопках Коэщевского поселения видно, что ниже основания культурного слоя шёл полуметровый стерильный слой, который лежал на галечной вымостке с прямоугольным краем. Археолог предполагал, что это мог быть пол какого-то жилища. На глубине 1,5-2м культурные отложения содержали керамику протомеотского периода IX-VIII вв. до н.э. (специфические гончарно-штамповочные корчаги Майкопского гончарного центра, рельефно-реберчатые чёрнолощенные миски, сосуды с валиками на горле, днища горшков с чётко выступающими закраинами) (Табл. XVII-XXI), а на глубине 2-2,5 м малое количество невыразительных находок по технологическим признакам полностью укладывается в характеристики кухонной посуды позднебронзового времени.*

Следовательно, признаки культурного слоя эпохи финальной бронзы, которой датирована надпись Майкопской плитки, в этом месте есть. На семьсот метров юго-восточнее, на третьей террасе Шхагуаше – хорошей сохранности солярное святилище. Оно состоит из центрального круглого холма диаметром 30м и высотой 5., окружённого довольно широким рвом. За рвом просматривается едва заметный вал, совершенно сглаженный с напольной стороны.

Подъёмный материал и фрагменты посуды из шурфа у подножия холма также содержат материал поздней бронзы, в частности, внутреннюю «расчесанную» поверхность.

В настоящее время больше всего и самых интересных материалов времени Майкопской плиты найдено на площади кахатлежа Кочипэ и вокруг него.

На могильнике в его грунтовой части, на кургане №1 и на кромлехе расчищено четыре погребения и два разрушенных зафиксировано. На соседней с юга площадке открыты посудо-хозяйственные ямы.

⁷⁹ Турчанинов Г.Ф. Там же.

* Материалы коэщевского поселения хранятся в отделе археологии АРИГИ. В 1999г. они прошли вторичную камеральную и научную обработку (пересмотрены с более свежих археологических представлений).

Без всякого сомнения, гончарная мастерская Майкопского центра работала на правом берегу Псатия (Шхагуаше) и использовала более тощие глины третьей надпойменной террасы, а может и второй. Свидетельством тому является масса керамического материала высокого класса выделки, горнового обжига столовая посуда кружального изготовления, типология из 12 типов (пифосы, корчаги, горшки, чаши, миски, ковши-черпаки, кубки, котловидные сосуды, кружки, миски-черпаки, бокалы, цедилки), эксперименты по усовершенствованию гончарного круга. Особенно заметными выглядят гончарные красноглиняные, стройные, узко-высокогорлые корчаги Тыгакочипэ. Они характерны только для Майкопского гончарного центра и могут ярко характеризовать прикубанскую культуру поздней бронзы. Эти корчаги реконструированы из фрагментов керамики Коэщевского поселения, Кочипэ и Майкопской Пытапэ (таблица №XVI).

И, конечно же, много разнообразных материалов поднято и раскопано на Пытапэ. Хотя отчёт об археологических разведках на этом памятнике сдан за 1985 год, но, как сказано, разведочные работы на Пытапэ ведутся с 1983 года. За это время удалось выявить общий план и конструктивные особенности северной и южной цитадели, выполнить реконструкцию северной части. Обе цитадели были окружены в первую очередь, естественными преградами – обрывистым, местами скалистым 25 метровым берегом реки, болотом, оврагами. К ним добавлены искусственные элементы фортификации: стены, сложенные из плитняка и больших квадров насухо, рвы, валы с каменными башнями и бастионами, которые сохранились в фундаментальном виде. Между северной и южной цитаделью имеется промежуточная возвышенность, отделённая от южного укрепления глубоким рвом. Видимо, она служила священным местом и одновременно некрополем для избранных. На площади южной цитадели тоже было святилище.

Если допустить неточность в пропорциях чертежа на плитке, можно разглядеть общую форму и основной план Майкопской Пытапэ.

Археологический материал поздней бронзы обнаружен в шурфах по всем объектам Пытапэ.

ТАБЛИЦА №XVI.

**Профиль чёрно-глиняной кружально-штамповочной корчаги из
посудно-хозяйственного комплекса поселения Тыгакочипэ .
X в. до н.э.**

Особенным богатством отличается керамика. Здесь насчитывается тоже 12 видов глиняной посуды, но она отличается большим процентом кружальной, лощением до блеска при светлых мягких оттенках горнового обжига. На левобережной мастерской заметный процент керамики составляют сосуды гончарного изготовления на скрытом поддоне. Это также говорит о техническом прогрессе в гончарстве прикубанской культуры (Табл. №XVII-XVIII).

В этот период продолжает функционировать культово-астрологический комплекс вокруг кургана Ошад, запущенный ещё во времена садзовского царя Лыма Ачба. Он ещё больше расстраивается. На Махошкушховском святилище к основному центральному холму добавляются малые курганы по сторонам света, кроме южной. Строится солярное святилище на этой третьей террасе Псатия на Северной окраине котловины над нынешним поселком 10-го совхоза. На этом «тхалеупэ» (адыгск. святое место) найдена керамика поздней бронзы и интересными признаками технического эксперимента.

Такое же солярное святилище основано на северной оконечности хребта Нэгыез над п. Краснооктябрьским. Вблизи него найдена целая кружка позднебронзовой формы и технологии с техническим браком (Табл. №XIX).

На могильнике Кочипэ исследованы погребения с признаками срубной культуры из Прикубанья, а в керамике имеются сигналы Кобанской и Колхидской культур. Но основу Прикубанской культуры, конечно же, составляли традиции дольменной культуры горцев-атыхов и присоединившихся к ним в средней бронзе касков-северокавказцев. Здесь же замечается и местный равнинный элемент кубанско-донского синтеза культур, который Санкт-Петербургский исследователь Э. С. Шарафутдинова назвала Кобяковской культурой. Однако гончары на всех поселениях прикубанской культуры, крутившие посуду на станке из глиняного теста, приготовленного по майкопскому рецепту, думается, были хаттские чирги*.

* Чирг- предполагаемое древнеадыгское название гончара-керамиста. «чирг-сырг» название гончарного круга.

Керамика Майкопского Пытапэ.

- 1. Чёрно-глиняная лепная миска (реконструкция по фрагменту).**
- 2. Профиль красноглиняного гончарного кувшина из разрушенного погребения.**
- 3. Красноглиняная гончарная миска (ранний железный век) – реконструкция.**
- 4. Красноглиняная гончарная миска с рельефным орнаментом (срезы под чечевицу) – реконструкция.**
- 5. Серо-глиняная лепная чаша с поддержкой древнемеотского периода – реконструкция.**
- 6. Красноглиняная гончарная миска с рельефно-срезанным орнаментом – реконструкция.**

Миски и вазочки Майкопского Пытапэ.

- 1. Красноглиняная лощёная рёберчатая миска – реконструкция.**
- 2. Черно-глиняная вазочка.**
- 3. Поддон красноглиняной вазочки.**
- 4. Черно-глиняная лепная миска – реконструкция.**
- 5. Серо-глиняная (пятнистая) лепная ваза.**
- 6. Серо-глиняная лощёная рёберчатая миска – реконструкция.**
- 7. Черно-глиняная лепная чашка.**
- 8. Серо-глиняная миска с валиком на бортике – реконструкция.**
- 9. Серо-глиняная лепная миска – реконструкция.**
- 10. Чёрно-глиняная штамповочная миска – реконструкция.**

**Керамика поселения Драгунского протомеотского периода
(IX-VIII вв. до н.э).**

- 1. Красноглиняная гончарная корчага.**
- 2. Профиль красноглиняной гончарной чаши.**
- 3. Налепной поддон красноглиняной гончарной вазы.**
- 4. Красноглиняная лепная вазочка.**
- 5. Красноглиняный лепной горшочек.**
- 6. Донце красноглиняного лепного горшочка.**

ТАБЛИЦА № XX.

Профиль серо-глиняной корчаги с рельефным орнаментом с крепости «Скала Гуамка» (поздняя бронза).

Поскольку не найдено еще ни одного выразительного могильника прикубанской культуры* (Табл. №XXI).пока имеется недостаточно металлических предметов, чтобы судить о бронзово-литейном металлургическом ремесле майкопских прикубанцев.

Но из кладов случайных находок А.А. Иессеном составлено довольно ясное представление о «Прикубанском очаге металлургии»⁸⁰. Это представление можно распространить и на г. Мае на территории Майкопа. Имеются отдельные находки из бронзы и непосредственно в Майкопе (наконечник копья, найденный между Коэщем и Кочипэ, топорик прикубанского типа из разрушенного погребения Кочипэ, бронзовый браслет с Майкопской пытапэ и др., бронзовый серп с дачного участка майкопчанина Кузнецова, который сигнализирует о финале северокавказской металлургии в середине II-го тысячелетия до н.э.

О торговых связях не только с соседними кавказскими культурами, но с Закавказьем и Анатолией, свидетельствуют, хотя не многочисленные находки импортной керамики и бус из полудрагоценных камней.⁸¹

После констатирования всех этих признаков позднебронзового века на территории столицы Адыгеи можно подвести итоги и взглянуть на это место иным взглядом.

Принято считать городом поселение которое включает такие объекты, как крепость-акрополь, храм, ремесленные посады, торговые ряды (рынок). Иногда к этому списку добавляют некрополь. Так, характеризуя древнерусский город Б.А. Рыбаков пишет: «Типичным следует считать сочетание в городе следующих элементов: крепости, дворов феодалов, ремесленного посада, торговли, административного управления, церквей»⁸²

** Но признаки могильника над Майкопской пытапэ замечены. Видимо его накрыли, а частично разрушили при строительстве ретранслятора. Там обнаружены плиты разрушенной каменной гробницы.

⁸⁰ Иессен А.А. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века. // МИА, 1976, 1978.

⁸¹ Ловпаче Н.Г. Разведочные работы... // Археологические открытия в СССР за 1985г. С. 152.

⁸² Древняя Русь. Город, замок, село. М., 1985. С.94.

Керамика с городища Майкопского Пытапэ. Подъёмный материал из оврага с ручьём.

- 1. Фрагмент красноглиняного ковша-черпака.**
- 2. Фрагмент серо-глиняного кружального черпака.**
- 3. Фрагмент лепной чаши с гравированным шевроном.**
- 4. Фрагмент серо-глиняной лощёной миски.**

ТАБЛИЦА №XXII.

**Бронзовый серп, найденный на дачном участке Кузнецовых
северной окраины Майкопа.**

Если всмотреться повнимательнее в чертеж на плитке, можно найти почти все компоненты города и именно нашего города, который Г.Ф. Турчанинов прочитывает «Ах» – «Айя». Верхняя часть изображает северную цитадель Майкопской Пытапэ с двухпанцирной стеной с западной и южной стороны. Посреди стены до сих пор сохранился холм, под которым, видимо, залегают фундаментальные остатки башни.

К башне примыкает жилое помещение, обозначенное прямоугольной решёткой. С восточной стороны нет стены, поскольку там крутой обрыв к реке, он обозначен линией. С севера виден вход с подъёмом от реки. С этой стороны в то время стены не было, так как река Псатий, круто поворачивая на запад, омывала крепость и служила естественным надежным препятствием. Тогда не было ещё нижней террасы с огородами, и северная сторона представляла собой скальный обрыв.

В центре чертежа и слева изображена крестовидная фигура, сориентированная лучами по странам света. Это, несомненно, храм. Во-первых, описанный выше культово-астрологический ансамбль в плане имеет крест. Во-вторых, в хеттском иероглифическом письме имеется логограмма слова «храм» под названием «хата».* Другой знак крестовидной формы называется «хатама», видимо, изображающий храмовый штандарт.⁸³ Между крепостью и храмом с правой стороны изображена фигура пистолетной формы, сравнимая с хеттским иероглифом кузнеца, силабой «да», «ди», «ду»* и с тамгой адыгского бога-кузнеца Тлепша. Поэтому можно представить этот знак как иероглиф кузницы. Под ним против иероглифа Храма начертана фигура, напоминающая иероглиф писца «ашъхъапала». Возможно, это «дом человека деревянной таблички», как в хеттском государстве называли библиотеку. Ведь если встретились надписи на камнях (Майкопская плитка и Маххошкушховские петроглифы), на керамике (фрагмент сосуда из Унакозовской пещеры и с поселения «Скала Гуамка»), то можно допустить письмо на

* В северном луче чертежа храма поставлено три ряда точек по 13 в каждом, (ряды деревянных колонн), что напоминает 13 сторон внешнего кромлеха Кочипэ.

⁸³ Emanuel Laroche С.276.

* Кузнец звучал по-хеттски Дим- Дим (звукоподражательное), а кузнец по железу – худим. Последнее название отразилось в нартском имени легендарного кузнеца Худымыжъа.

деревянных дощечках, исполняемое кистью и краской, подобно хеттам II-го тысячелетия до н.э.⁸⁴

В нижней правой части чертежа изображен прямоугольник, разнообразно заштрихованный параллельными линиями. Это, несомненно, иероглиф дворца, усложненного служебными помещениями – амбаром, помещением для женщин и, возможно, торговой площадью.

Прямоугольник, примыкающий к северо-восточному углу дворца, заштрихованный в косую мелкую клетку, должен обозначать сад или пашню. Из-за дефицита места на плитке её максимально ограничили, указав лишь место расположения по отношению к другим объектам городского комплекса.

На этом чертеже не хватает только гончарен, которые были по обеим берегам реки, но прежде всего на северной оконечности хребта Нэгыеж.

Крепость города Аха, условно, расположена по чертежу на левом берегу Псатия, а все остальные объекты – на правом. Дворец мог быть на месте Коэшевского поселения на промежуточной террасе, а сады или пашня над ним на третьей надпойменной террасе р. Псатия. Вероятно, тот галечный пол жилища в основании культурного слоя поселения, обнаруженный археологической экспедицией 1964 г, указывает на одно из помещений дворца.

Как видно, и по археологическим данным, и по тексту надписи плитки, и по чертежу на ней все основные элементы городского центра на месте Майкопа в период поздней бронзы существовали.

Далее необходимо обозначить хронологическую позицию города Аха в пределах позднебронзового века. Хотя палеограф датирует плитку XIII-XII вв. до н.э., но делает оговорку, что миф об аргонавтах передан Гомером в VIII-VII вв. до н.э. С этим мифом Г.Ф. Турчанинов связывает название города Айя, похожее на г. Эя в Аргонавтике и имя царя Мрана, совпадающее с именем абхазского божества солнца «Амра» так же, как в Аргонавтике имя Колхидского царя Ээта с именем греческого солнечного бога Эоса.⁸⁵

⁸⁴ Дунаевская И.М. Ук. соч. С.31.

⁸⁵ Турчанинов Г.Ф. Памятники письма и языка народов Кавказа и Восточной Европы. С.29.

Видимо, первое предложение Г.Ф. Турчанинова об имени города – «Ах» – ближе к исторической истине, как культового (жреческого) центра. Город же с названием Айя-Эя, по мнению многих древних авторов, мыслится в пределах исторической Колхиды. Абхазский археолог Георгий Шамба в книге «Древний Сухум» этой теме посвящает целый параграф. Он приводит сведения Геродота (V в. до н.э.) – «эллины на военном корабле прибыли в Эю в Колхиду»; греческого поэта и ученого Каллимаха (IV-III вв. до н.э.), считающего Айю городом Колхиды; эпического поэта Аполлона Родосского (III в. до н. э.), который писал: «Колхидский город Айя лежит на самом краю Понта и суши»; римского ученого грамматика Гелия Геродиана (II в. н. э.), оставившего запись: «Себастополь есть остров в Понте; он же Диоскуриада и раньше – Айя – город Колхиды». Под Колхидой мыслится, обычно, территория от современной Аджарии до Пицундского мыса на севере, а иногда с включением Сочи Адлерского района.

Георгий Шамба приводит убедительный факт связи древнего города Айя с городом «Сухум», опираясь на вычисления выдающегося картографа Римской эпохи Клавдия Птолемея, (90-160 гг. н.э.) определившего местоположение города Айя ($-72^0 - 45^0 30$).

Яркую характеристику города Айя дал Стефан Византийский (485-565 гг.): «Айя – город колхов, построенный Ээтом – царем колхов»... «Диоскуриада... город Понта, названный также Севастополем, прежде, по свидетельству Никанора, он назывался Эей».

Автор книги «Древний Сухум» приводит еще одну тираду Аполлония Родосского: «Айя стоит и теперь твердо и внуки живут в ней тех мужей, коих он (Айэт) посадил поселенцами Айи и хранят они отцов столбцы (по греч. «кирбы» – Г.Ш.), а на столбцах начертаны пути и пределы моря и суши, пути для всех, кто вокруг света»*. Между Сухумом и Псоу в последние 30-40 лет выявлено несколько памятников древнего письма, подобного Майкопской плите, в которых неоднократно упоминается город Айя.

Согласно приведенной информации Г. Шамба, нет оснований относить имя Айя к городу Ах-Мае в Майкопе.

* Шамба Г.К. «Древний Сухум», Сухум, 2005. – С.91.

Между походом аргонавтов в последней четверти XIII го века и гомеровской «Одиссеей» большой временной промежуток. В пределах этого разрыва можно двигать Майкопскую плитку. Однако стиль письма не позволяет палеографу датировать её поздним временем.

Но, для того, чтобы уточнить время использования или, правильнее, написания строительной надписи, надежнее опереться на археологические материалы позднебронзового века, добытые на памятниках Майкопа. В этом плане самым информативным является Кахатлеж и поселение Тыгакочипэ. Типологически, технологически и декоративно керамика этого поселения очень близка к материалу Красногвардейских поселений, относимых Э.С. Шарафутдиновой к Кубанско-Кобяковской культуре. Нижние горизонты поселений исследователь датирует XI веком до н.э., т.е. определяет их возраст в 3100-3000 лет, а верхние горизонты относит к протомеотскому периоду и датирует IX, серединой VIII века до н.э., т.е. 2900-2150 лет тому назад.⁸⁶

Однако, материалы г. Мае или Ах, как прочитывал Г.Ф. Турчанинов его название в первом чтении,⁸⁷ настойчиво требуют удревления. Это не только архаизм силабо-иероглифопиктографического дукта надписи, но и целый ряд археологических признаков. Фрагмент постмайкопской зернотёрки из культурного слоя Пытапэ и профиль импортного светложгущегося пифосоида с широко отвёрнутым до горизонтали венчиком. Такие Пифосоиды были характерны для керамики Хаттусы* до 1200г. до н.э. В керамике Кочипэ очень заметное место занимают узковысокогогорлые корчаги с такими же горизонтально распластанными венчиками. Здесь же распространены реберчатые миски типа «Гавур-кале» в Центральной Анатолии, миски с вертикальным бортом типа, Алишар-хуюка, Гяльмэ-тепе Северо-восточного Причерноморья, плоские горизонтальные и наклонные ручки-ухваты черпаков. Эти сосуды в Малой Азии широко бытовали на хронологическом

⁸⁶ Шарафутдинова Э.С. Двуслойное поселение Красногвардейское – памятник эпохи поздней бронзы – начала раннего железа на Кубани // Меоты – предки адыгов. Майкоп, 1989. – С.59.

⁸⁷ Турчанинов Г.Ф. Памятники письма и языка. С.22.

* Хаттусас – город в северной Анатолии в причерноморском районе современной Турции, столица Хеттского царства II-го тысячелетия до н.э.

уровне Троя VII а и Троя VI в, которые Карл Бледжен датирует 1300-1190 гг. до н.э., т.е. 3300-3190 лет тому назад.⁸⁸

Таким образом, по палеографическим и по археологическим соображениям город Ах-Мае существовал с конца XIII-го века, рубежа XIII-XII вв. до н.э., т.е. не позже 3200 лет тому назад. Но до 21-го года с начала правления потомка азегского царя Мараны он так не назывался. Если учесть, что Хеттское царство пало в 1200 году до н.э. под ударами «народов моря», в основном, микенцев-ахиява, а также касков, мушков и других народов с северо-востока, то основание крепости города Ах-Маэ становится своеобразным логическим результатом событий на Малоазийском полуострове.

Разгром Хеттского царства породил два динамических процесса: волну переселения народов, входивших в Хеттскую империю, и суверинизацию её провинций, областей, городов. Так образовались малые государства, носившие в разное время название «Великий Хатти», в Кархемише, в Сирии, в Мелитене.⁸⁹

Часть племен передислоцировалась и потеснила хеттов-несситов и хаттов. К примеру, каски с северо-восточного Причерноморья передвинулись на юго-запад к Табалу; древнеармянское племя Аци-хаяса расширилось так же на запад; мушки тоже потеснили хатто-хеттов с северо-запада, Племя Аххиява после падения Трои заняло северо-западный угол Малой Азии, а после 1050 г. до н.э. греки широко расселяются по Западной Анатолии.

Естественно, население Хеттского государства, особенно хаттское было сильно стеснено территориально и, помня свою первую Родину Одисс отдельные общины, роды и даже племена двинулись через Колхиду или через Понт (ХышІуцІэ) на Северо-западный Кавказ. Возможно, была миграция и с берегов Средиземного моря (по адыгски Хыфыжь – Светлое, Белое море или Хышхор – Великое море).

Миграция со стороны Анатолии ощущается на таких значительных памятниках, как «Скала Гуамка», Тыгакочипэ, Майкопский Пытапэ в горной части; Псекупское поселение №1 и Нечерезийское поселение №1 в равнинной части. Это читается

⁸⁸ Blegen Karl W. Troy The seth Settlement. Paris, 1953.

⁸⁹ Seton Lloyd. Turkye nin Tarihi. Ankara, 1989. – С. 67-76

по типологическому влиянию в керамике и по импортному материалу.

В надписи плитки Г.Ф. Турчанинов читает имя строителя крепости Ах, потомка царя Мараны Пагя из Хизы. Хиз может означать то же самое, что Хышхо, т.е. Хыжъы древнее море или «морище». Прибыв сюда во главе переселенцев из Малой Азии, этот царственно-солнечный отпрыск первым делом позаботился о безопасности своих людей. В ту беспокойную гомеровскую эпоху не только греки-ахейцы бороздили воды Средиземного и Черного морей на своих «пентеконтерах» и «триерах». Совершали походы на колесницах и с пешими отрядами кочевые и полукочевые народы степей Северного Причерноморья и Предкавказья – срубники и белозерцы, соседние кобяковцы, кобанцы. Воинственные ахейцы со времени троянской войны тоже, колонизуя побережья Средиземного и Черного морей, не ограничивались морскими операциями. Так, некоторые древнегреческие историки описывают легенду о происхождении причерноморского племени ахеев, обитавшего на полосе между Сочи и Туапсе. После окончания Троянской войны некоторые отряды пожелали продолжить военные приключения. Аскалос – вождь фесалийцев (видимо, в его войске было немало греков из соседней области Ахайи) посадил воинов на корабли и отправился на восток странствовать по Понту Эвксинскому. Но тут разразилась страшная буря; она разметала и погубила корабли и почти все войско. Но какая-то часть воинов была выброшена на восточный берег Понта. Поскольку там жили аборигены-кавказцы, предки адыгов и абхазов, пострадавшие были оттеснены на скалистые горы и в скором времени так одичали, что превзошли в этом местных варваров.⁹⁰ Естественно, соседи подобного происхождения были очень беспокойными и агрессивными.

Всё описанное характеризует политическую обстановку гомеровской эпохи на северном Кавказе не столько героическую, сколько беспокойную, драматическую. Поэтому, оправдывается первое действие Пагя (Багъя) из Хизы* по строительству крепости.

⁹⁰ Аталиков В.М. Ук. соч. с.165.

* Топоним с таким названием существовал на побережье Черного моря в пределах общества Вардан.

Имя Пагъя Багъя вполне совместимо с древним эномастиком Переднеазиатско-Кавказского региона. В хеттской иероглифике имеется логограмма, совпадающая с символом бога (слова бог – Bogw) Тешуба или Тарху, Тамма(ха). Если слово «Bogw» написать по хаттски, получится «бэгуа» или «бэгъяуа» со смыслом «дающий урожай» (адыгейское). Сама же логограмма «W» очень напоминает силлабу, «W» - уа, которое происходит от слова «Washa» – гора или «Wassa» – небо, т.е. обозначающее высокое небесное, возвышенное, всевышнее (см. Washa). Сирия была южной Хаттско-хеттской провинцией, за обладание которой постоянно боролись Хеттское и Египетское царства. В северной Сирии, возле устья р. Оронт была гора Хаззи. В хеттской письменной традиции сложные согласные звуки прасеверокавказских языков передавались удвоением. Поэтому Хаззи должно звучать как Хажъы.* Возможно Багъя выходец из окрестностей Хажъи в Северной Сирии, прибыл со своей общиной или родом или племенем в Западную Адыгею после ахиявско-хеттской трагедии. Но чтобы повелевать божественным центром «Аха» необходимо быть самому божественным. Если даже такого не было, следовало объявить себя «Бэгъяуа» - божественным, дающим плодородие.

Вот поэтому Пагъя – Багъя Майкопской плитки есть потомок Мараны – царя-бога солнца «Амра». На абазинском языке Багъя этимологизируется как «жесткий». Близкое по значению слово имеется и в современном адыгском языке («Пагэ» – высокомерный, надменный, спесивый).

Первую дешифровку надписи Майкопской плитки, предложенную Г.Ф. Турчаниновым в советской науке, фактически, не приняли. Так, один из крупнейших российских языковедов Н.М. Дьяконов, очень критически отнёсся и к связи надписи с современным абхазским языком, и к связи дукта надписи с библейским письмом. В статье 1966г. он писал: «...можно при известном трудолюбии получить осмысленную фразу на любом языке, в том числе, и на абхазском».⁹¹ И.А. Дьяконов, в первую очередь обратил внимание на довольно хаотичный порядок расположения знаков в сегментах плитки, что

* К примеру «Лупаккэ» - имя в хеттском , двумя кК передает кавказский полуабрунтив «пакIэ»(усы или верхняя губа)

⁹¹ ВДИ №2, 1966, с.-104.

нехарактерно для библейского письма, но характерно для более раннего хеттского. Г.Ф. Турчанинов, как сообщала Адыгейская правда (перепечатка из АПН) за 21 февраля 1965г., не смог прочитать по-хеттски, хотя усмотрел часть знаков плиты из хеттского письма, и вынужден был прочитать по-абхазски».

Но почему же нельзя читать по-хеттски? Если учесть более позднюю трансформацию хеттской иероглифики и силабария по типу сравнения монументального силуэтного «Кархемиш» и ассирийского курсива, а также действие этногеографического фактора, можно получить вполне логичную информацию, исторически связанную с хеттской культурой эпохи поздней бронзы. Естественно, как выразился И.А. Дьяконов, необходимо затратить для этого немалое трудолюбие. Но зато устраняется основная претензия в языковой натяжке продолжительностью в 3200 лет.

Надпись на Майкопской плите можно прочитать ещё тремя способами, кроме протобиблейского по И.А. Дьяконову и псевдоирроглифического (колхидского), а в последнем варианте «ашуйского» по Г.Ф. Турчанинову.

Во-первых, напрашивается иероглифическо-пиктографический вариант, который подразумевает 6 сегментов иероглифических и один (центральный) пиктографическо-иероглифический. Последний уже выше кратко рассмотрен и определен как карта-схема города Аха-Мае. В периферийных сегментах встречаются силабы, которые Г.Ф. Турчанинов охарактеризовал как знаки линейного письма.

Помня о правилах чтения письма у хеттов сверху вниз и справа налево, следует начать с крайнего правого сегмента треугольной формы. Не вдаваясь здесь в подробности эпиграфического разбора, который требует отдельной публикации, есть возможность прочитать следующий текст пока раздельно (без смысловой связи) по сегментам.

Но предварительно необходимо кратко сравнительно с хеттской иероглификой и силабарием описать знаки.⁹²

Самый верхний крестообразный знак под номером 1 скорее всего представляет собой линейное начертание знака жреца «лууа» (luwa). Это служит детерминативом титула. Под №2

⁹² Наиболее полный перечень иероглифов и силаб, доступный российскому читателю, опубликован в книге Гнацио Гельба «Опыт чтения письма». М.19.

читается «Гасу», что может быть произношением этнонима или имени прапредка Касса (Гас-у-человек Гаса-Каса-Кеса). Под №3 – логограмма названия помещения для женщины – тувана (tuwana). Под №4 изображена логограмма слова чиновник (правитель). Под №5 – логограмма слова бог (bogw) под №6 – логограмма имени Хебату. Под №7 – северокавказский (древнеадыгский или протомеотский) вариант логограммы слова человек – мужчина (1уун – luun). Под №8 – возможно, написание числа 51. Под №9 – несомненно, логограмма слова постройка – строить (маи – mai). Под №10 – повернутая на 90° до горизонтали геометризованная логограмма глагола «идти» (ху-хуа; hu-hya), приходить. Под №11, вероятно, изображен иероглиф сада или пахоты, являвшийся символом земледельческого плодородия, плодородности. (tana, ḥyatana или хатэ).

Следует отметить две важные особенности Майкопской надписи. Во-первых, пять знаков в сравнении с хеттской иероглификой, повернуты на 90°; в пяти случаях с горизонтального положения в вертикальное (№№3,6,16,32,37), а в семи случаях, наоборот, с вертикального в горизонтальное (№№10,15,17,20,23,36,38). Во-вторых, три иероглифа – бифункциональны (№№3,11,31). Являясь пиктографически элементами городского ансамбля на карте-схеме они участвуют иероглифически в тексте.

Далее идет влево второй сегмент или графа надписи. Под №12 значится логограмма слова город (мина). Под №13 – «отпрыск» в виде ростка с раздвоением на конце. Под №13(а) – логограмма слова дом (парна – parna) в смысле парной царской семьи.* Под №14 изображена логограмма слова супну (suppu), а рядом с ней №15 – повернутая логограмма слова войско (ла – la).

В третьем сегменте – четыре знака. Под №16 – стилизованная логограмма слова крепость (харнаса – harnasa). Под №17 – повернутая до горизонтали стилизованная логограмма имени бога-оленья «Туват» или «Руват». Под №18 – сильно стилизованная логограмма слова «анда» (anda). Под №19 – слаб «на» (na).

В четвертой графе ещё 6 знаков. Под №20 – повернутая логограмма числа тысяча (бин – bin). Под №21 – логограмма

* В данном случае хеттское слово «рага» совпадает по значению и по звучанию с русским, что не является редкостью.

слова рука или силаб пу (pu), нэ (pe) или за-нэ (ea-pe). Под №22 – логограмма слова доставлять, посылать (харвана – harwana). Под №23 – логограмма слова «матала» (matala), что может означать породу камня. Под №24 – логограмма породы дерева «агари» (agari) –граб. Под № 25 изображена логограмма слова город – мина (mina).

Сегменты пятый и шестой полностью не разделены и поэтому их надо читать вместе, непрерывно, скорее всего, сверху вниз. Под №26 начертано число 25 (две горизонтальные черты, символизирующие десятки и пять вертикальных линий, обозначающих единицы; вся эта фигура ещё соединена и замкнута острым углом).

Под №27 изображена логограмма слова «процветание» (хатама – hatama). Под №28 – перевёрнутый и схематизированный знак года (уса – usa) в виде монограммы «у» (u). Под №29 – логограмма слова месяц (арма – arma), а с ним плотно соединена (слита) логограмма числа 7. Под №30 начертана логограмма слова «властитель» (тапариа́ли – tapariali). Рядом, под №31 – элемент оборонно-дворцовой части городского комплекса, выступающий из карты-схемы и обозначающий крепость (харнаса – harnasa). Под №32 – силаб «ма» (ma) по Г. Гельбу, повёрнутый до горизонтального положения. В левой нижней части 4-го сегмента, как бы соединяя его с сегментом 5 расположена монограмма гласной «а», под №33. Она почти соединяется со сложным знаком, включающим логограмму слова женщина (нати – nati) под №34 и семь вертикальных черточек, которые, видимо, упрощенно изображают логограмму божества зерно (Хаяма – Haiama) - ↓, которая, обычно, в хеттской иероглифике представляет собой рисунок колоса с 7 усиками (№34 а). Под №35 – логограмма числа 21; от неё отходит в сторону упрощённое изображение логограммы жертвенной овцы (№36 –ма-та-mouton-адыгское мали).

Под №37 – знак, похожий на часть логограммы слова дома для женщин (тувана – tuwana) с косой перекладиной. Если продолжить знаком под №38, обозначающим силаб «ла (la)», получим славянское (а) «рало». Под №39 – силаб «па» (pa) или фа (fa). Под №40 центрального сектора – сложная пиктограмма древнемайкопской крепости с дворцом. Под №41 – предполагаемая логограмма слова «кузница». Под №42 –

несомненно, пиктограмма крестовопланового храма (хата – hata), видимо выстроенного вокруг Майкопского кургана «Юшъад» из деревянных конструкций.

Под №43 изображён иероглиф имени Арара, совпадающий с логограммой названия писца (тупала – tupa^{la} или по адыгски «ашъхъэпала») и в связи с этим, вероятно, символизирующий «дом деревянной таблички» (библиотека).

Под №44 – пиктограмма большого и сложного здания административно-хозяйственного назначения. Видимо пол этого сооружения с галечной вымосткой обнаружили адыгейско-абхазские археологи в 1964г., выявившие меотское поселение «Коэщ». Под №11 уже за пределами центрального сегмента, но соприкасающихся с ним, в правом нижнем углу – уже упомянутый иероглиф сада, входящий в план города.

Теперь можно прочесть следующий текст, соединяя описанные 42 знака. Вначале двигаясь, справа налево и сверху вниз вокруг центрального сегмента, а 5 и 6 графы – сверху вниз.

«Гасутава – жрец бога Хебату*, пятидесятиоднолетний муж осуществил постройку, придя в местность «Сады», города отпрыску царского дома Супуле – младшему брату царя Арнуванды. Тысячу рук (строителей) доставил он, камень и граб в город. В 25-й год процветания в его седьмой месяц властитель освятил дворцовую крепость «Ма–е» в честь женского божества Хаяма (Најама)⁹³ 21-ой жертвенной овцой и плугом (ралом) обпахал».

Поскольку логограмма имени жреца Хебату очень близка логограмме слова «писец», можно предположить, что элемент городского комплекса под №43 в карте-схеме центральной графы означает «дом деревянной таблички», т.е. библиотеки и, следовательно, местопребывание Гасутава. Поэтому логично предположить, что автором надписи на Майкопской плите был сам жрец бога Хебату, хотя исполнителем был один из членов его учреждения.

Иероглифический вариант дешифровки позволяет более определённо датировать время Майкопской надписи. Во второй графе явственно читается имя Суппула, полученное от

* В хеттском религиозном пантеоне Хепату фигурирует в функции бога-меча.

⁹³ Вяч. Иванов считает Хаяму богиней-зерно. См. Иванов В.В. «Луна, упавшая с неба» М.1997. с.307.

соединения двух соседних иероглифов «суппу» – хеттское ударное орудие и «ла» – войско. Помня о том, по какому принципу древние адыгские хаты (хатууны) согласно книги Нинуа, анализируемой в издании Цунатоко Юсуфа Изат-паши «Кавказ итхыд»⁹⁴ упрощали имена хеттских царей, логично в слове Суппула прочитывать имя царя новохеттского царства Суппилулеума, которого хатууны называли Сапалул, а северокавказский вариант – Супула.

Далее в 3-ей графе тремя иероглифами формируется имя другого хеттского царя Арнуванды. Левый иероглиф представляет собой схематизированный вариант (видимо более поздний) логограммы слова «крепость» «Harnasa». Далее следует повернутый и трансформированный в сторону геометризации символ бога-олени «Туват» или «Руват» (Tuwat, Ruwat). В самом левом нижнем углу – геометризованная логограмма слова «анда» (anda) и слаб «рё», соединенный с предыдущим знаком.

Таким образом, расположив хеттские слова, получим композицию Harnasa – Руват – анда – пё. Если представить, что первый согласный слова «harnasi» слабый, что характерно для прасеверокавказских и семитских языков, обычно в индоевропейском произношении и написании опускается по принципу Хаммурапи-Амурапи, и последние части слова, следующие за корневой, тоже в таких случаях опускаются, останется «арн(а)». Во втором слове первая согласная, как переменная (Tuwat, Ruwat) не является влиятельной и тоже безболезненно может быть удалена. Остается «ува(т)». Соединение даёт «Арна-уват-анда-пё».

То есть, получено имя одного хеттского царя. Последний слаб «ре», слитно начертанный с логограммой «анда», вероятно, передает характер родственности между царями. Дело в том, что в династической периодизации Хеттского государства значатся рядом два имени Суппилулеума два имени Арнуванда. После великого Суппилулеума (1-го), царствовавшего до 1345г. до н. э., а вернее одновременно с ним соправителем его в последний год жизни был его старший сын Арнуванда II. Но он из-за болезни тоже отошел в том же году, а на престол воссел его младший брат Мурсили (Муршил).

⁹⁴ Цунатоко Ю.И. Кавказ и тхыд (История Кавказа). Стамбул. 1912. Перевод Эльбердова Х.Ч. с арабской графики на адыгскую. Нальчик. 1961.

Второе историческое соседство этих имен состоялось в самом конце существования Хеттского царства. С 1220 по 1200 гг. царствовал Арнуванда III. Но когда дела в государстве после нашествия народов моря с запада пошли плохо, и поскольку у Арнуванда не было наследников, его отстранил в 1200г. до н. э. его младший брат Суппилулеума II, который правил до 1190г. до н.э. Во время его правления Хеттское государство продолжало разваливаться и окончательно прекратило свое существование из-за постоянного беспокойства со стороны агрессивных соседей Касков, мушков, ассирийцев и др.

Древние Суппилулеума и Арнуванда в Майкопской надписи едва ли уместны, поскольку не подкрепляются археологическими материалами. Логичнее представить двух братьев – последних хеттских царей.

Вполне возможно, что Суппилулеума II со своими соратниками и частью хаттского племени (народа «Hatti») спасаясь от губительных набегов и погромов, мигрировали на Северо-западный Кавказ, пройдя через Колхиду, или переправившись на кораблях по морю.

К сожалению, неизвестен возраст Суппилулеума II при начале его правления в хеттском государстве. Но есть намек о том, что он был очень молод. Если представить его 14-летним, то 25-летний возраст нового властителя в плодородной долине садов на месте Майкопа, освятившего дворцовую крепость «Ма-ае» (яблоновск), вполне реален. Возможно даже, что жрец Касутавана получил приказ от Супулы, заранее подыскать и подготовить более спокойное место для продолжения жизнедеятельности где-нибудь на периферии царства, куда могли входить и районы Северного Кавказа. Поэтому Суппилулеуме II требовалось время лишь для преодоления расстояния от Хаттусы до древнего Майкопа. Касутава мог и сам закончить и освятить крепость в честь 25-летия царя ещё до окончания его царствования в Хатти.

В любом случае это событие в истории древнего Майкопа произошло в начале XII в. до н.э. и датировка Г.Ф. Турчанинова Майкопской плиты XIII – XII вв. не противоречит истине. Но на основании иероглифической дешифровки возможно гораздо точнее определить её время, а именно 1200-1190 гг. до н.э.

В итоге, получается более-менее конкретная информация о начале городской жизни и истории древнего Майкопа.

Известно, что в этом месте до основания города была плодородная долина с садами и культовый центр. После разгрома Хеттского царства здесь нашел убежище последний его царь Суппилулеума II (Суппула), для которого один из его соратников (возможно воспитатель и учитель) святой человек 51-летнего возраста из касков Касутува, заложил здесь, на северной периферии Хеттского государства, город с крепостью Ма-аз или Ма-е в первое десятилетие XII-го века до н.э. Город и крепость Суппула был освящен в честь богини-зерно Хаямы в год 25-летия (год процветания, а может быть в цветущий год от рождения, т.е. в год мужской зрелости – «хатама»), по современному календарю в июле месяце. Это произошло примерно в начале середины 2-го десятилетия 2-го тысячелетия до н.э.

Как видно, такая хронологическая привязка вполне согласуется с вышеописанной характеристикой данного исторического периода по археологическим и историческим данным.

Дело, вернее заключалось не в основании города и крепости, а в усовершенствовании оборонительных возможностей существовавшего до этого природного укрепления на левом берегу Псатия, т.е. Турчаниновский Багъя укрепил и расстроил город. Г.Ф. Турчанинов читает место древнего города в виде поляны или долины Пах(у) и соотносит этот топоним с этнонимом «убых» (Пёх). Это палеограф, таким образом, пытается связать Пагъя (Багъя), вышедшего из Хизы с убыхским обществом Вардан на Черном море. Но такая операция излишня. Долина реки Шхагуаще (Псатия) издавна была населена абазинами и убыхами. Этот факт подтверждают открытые в конце 1998г. в с. Хамышки петроглифы, среди которых имеются силлабические надписи и полсотни тамг, в т.ч. убыхов Бэрзэджи и Берсеев. Самые древние надписи и отдельные тамги абазин и убыхов на хамышкинских скалах поставлены в середине, третьей четверти II-го тысячелетия до н.э. и связаны с дольменной культурой.⁹⁵ В самые поздние времена, в середине XIX века долина Шхагуаще от Хамышков до Майкопа включительно

⁹⁵ Ловпаче Н.Г. Петроглифы Хамышей // Вестник – история, этнография, археология. Майкоп. 2000, с.69.

также была заселена абадзехами с активным участием убыхских родов. Не только селение Ордане среди мамхегского племенного куста,⁹⁶ но и Берсэхабль в окрестностях Майкопа были известны во время русско-кавказской войны. Вся эпоха средневековья, начиная с VII в. до н.э., в долине р.Шхагуаше протекала с активным участием абазин, убыхов и абадзехов, о чём можно судить по разновременным тамга на хамышкинских скалах.

Название города Ах прочитанное Г.Ф. Турчаниновым в 1971 году на Майкопской плитке, кажется, больше соответствует историко-археологической ситуации позднебронзового времени на территории Майкопа, нежели «Маэ» 1991 года. В хеттской иероглифической традиции имелась логограмма слова жрец, которое звучало как «Аха»⁹⁷. Если учесть, что Майкоп был культовым центром (солнечным центром «Тыгъэпса»), то возникшее подле него поселение жрецов вполне логично было назвать жреческим. Поэтому правитель Пагъя-Багъя не основывал поселение в Майкопе, а лишь укрепил, расстроил и превратил в город, оставив давно существовавшее название Ах-Аха.

Что же собой представлял город Аха в гомеровскую эпоху? Как уже отмечено, на территории этого центра, в основном по полям, окружающим обширную 2-ю надпойменную террасу с кургано-астрологическим комплексом, были расположены «хабли». Они различались по профилю ремесленной или идеологической деятельности. Так, на Коэщевском поселении с дворцом, очевидно, был административный центр и, возможно, располагалась жреческая братия. К этому располагает самое крупное и монументальное солярное святилище, хорошо сохранившееся до сего времени. Там же были согласно чертежу и современному названию,* сады. На террасе у кромлеха Кочипэ должна была быть гончарная мастерская. Хотя она пока не найдена. Об этом можно судить по большому разнообразию и количеству керамической посуды.

Гончарня была и на другом берегу Псатия, близ святилища над п. Краснооктябрьским. На северной оконечности хребта

⁹⁶ Дьячков – Тарасов. Абадзехи, карта.

⁹⁷ Emanuel Laroche. ук.соч. с.277

* Эта третья терраса вся была в довоенное время занята садами.

Нэгыеж мощные обнажения глин. А находка технически бракованного сосуда говорит о близости гончарного горна.

Поселение «Полигон» под мысом на юго-восточной окраине, возможно, было занято рабочими-заготовителями сырья для керамической мастерской правобережья. В послевоенное время здесь был разработан карьер майкопского кирпичного завода №2.

Поселение около святилища п.10-го совхоза занимали сельскохозяйственные рабочие. Поблизости от него берет начало речка Джаджа, что по абхазски означает имя богини плодородия. В долине этой речки – самые мощные залежи черноземов на территории Западной Черкесии, отложившиеся ещё в эпоху энеолита.^{**}

Вокруг Майкопского пытапэ должны были располагаться жилища и хозяйства воинов, главный некрополь^{***}, левобережная кузница, технологическо-металлургическая база и посад «гучетлей» – димдимов (кузнецов).

В горах и, конкретно, в верховьях Псатия добывалось золото^{****}, в верховьях р. Лабы – серебро,^{****} в верховьях же р. Шхагуаще, по одному сигналу с притока её Бирюзовой добывали медь.

Организация добычи и поставки металла (сырья) к ремесленным мастерским Аха должна была серьезно занимать правителя Пагъя (Багъя). Ведь надо было ещё снабжать кузницы и гончарни дровами, которые тоже давали горы. С другой стороны, необходимо было обеспечить горское население (горняков, дровосеков, золотоискателей, охотников, скотоводов) зерном и другими продуктами земледелия с равнины. В свою

^{**} Культурный слой Майкопской археологической культуры на разведанных поселениях окрестностей ст.Гиагинской залегает над погребенными черноземами.

^{***} Между ретранслятором и водозаборником расположен некрополь из 100 курганов. Все они раскопаны кладоискателями судя по скудным остаткам археологического материала, курганы были небедные и есть основание предполагать их захоронениями знати города Аха.

^{****} Золото намывочным способом и поныне добывается на р.Белой в районе Хамышков – Даховской.

^{*****} Об этом свидетельствует случай с Магомед Амином во время кавказской войны // Дубровин А. Ф. Черкесы (адыге). Краснодар, 1997., с.

очередь, жителей Закубанской равнины надо было снабжать металлургическим сырьём и изделиями этого ремесла, регулировать прогон скота с равнины на горные отгонные пастбища и обратно.

Кроме этого, необходимо было организовать массовые народные празднества и религиозные действия (жертвоприношения, шествия, моления и др.)

Политико-организационные вопросы, т.е. отношения между племенами Западной Адыгеи – атыхами, хатами, касками, тореатами, протоахеями, протокеркетами (киркаш), кобяковцами, белозёрцами, срубниками, общинами кобанцев и колхов, проживающих в Закубанье.

Как видно, занимая положение ворот в горы, город Аха-Мае исполнял функции идеологического центра и экономического координатора, а может и резиденции правителя всего Закубанья* Правителя в данном случае правильнее представлять как руководителя конфедерации племён.

Ко всему этому надо добавить торговую миссию, которую исполнял Аха. Экстраполируя данные раннего и позднего средневековья, когда по Закубанью функционировал торговый путь (в раннем средневековье – закубанская ветка «Великого шёлкового пути», а в позднем средневековье – «Генуэзская дорога»), можно представлять роль этого города в торговле Северного Кавказа.

В обоих случаях караванный путь проходил либо вблизи Майкопа, либо непосредственно через него. Видимо в древности, особенно во времена остепнения, обмеления рек и оживления коммуникаций между народами, тоже торговые пути, связывающие Прикубанье с портами Понта Эвксинского, с одной стороны, с Закавказьем через перевалы Псеашхо, Маруха и Клухора, с другой, центральную и восточную часть Северного Кавказа с гаванями Северо-восточного Причерноморья, с третьей, проходили мимо или через Аха.

Таким образом, древний Майкоп гомеровской эпохи, называемый в тексте плитки по Турчанинову – Ловпаче Ах-Мае, играл роль столицы древней Адыгеи, был типичным

* Г.Ф. Турчанинов представляет город Ах-Маэ как периферийный центр по отношению к колхидской метрополии за хребтом, но археология не подтверждает этого.

северокавказским (и одним из немногих) городом и продолжал свою древнейшую функцию культового и даже научного центра.

В связи с перечисленными ремёслами можно приблизительно реконструировать основной состав главных богов азегского общества Западной Адыгеи. Конечно, главным богом в то время был солнечный. Но как он назывался, неизвестно. Толи это был абхазский Амра-Марана, толи это был хаттский Эштан-Оштен, то-ли Шибле – громовержец, подобно хеттско-хуритскому Тешубу. На втором, (вернее, на третьем вслед за Шибле) месте, стоял бог земледелия Тхагалидж, тесно связанный с созвездием «Жъуагъозэшыл», а может быть Созерис, но не абхазская матриархальная богиня Джаджа. За ними следовал Мэзытха – божество природы (бог-олень). Большое место в жизни и в религии, судя по соседней родственной культуре кобанцев в центральном Кавказе, занимало у азегов-атыхов божество загробного мира Псатха (бог души). Все более важное место стал занимать Тлепш или Худим – Бог-кузнец.

Поскольку, в городе Аха разводили сады и, очевидно, огороды, должна была быть почитаемой богиня Хатэгуаше. В связи с садоводством появляется пчеловодство. Неизвестно имя богини покровительницы пчёл. У хеттов Малой Азии эту функцию исполняла Камрусеп (хаттская Катахцифури), а у позднесредневековых черкесов – Мариамгуаше или Параскева – пятница.

Через город Аха протекала главная водная артерия Адыгеи и множество мелких притоков Лабы, Псатия, Пшиша, Псекупса. Поэтому видное место в пантеоне должна была занимать богиня вод речных Псыхогуаше.

Перечисленные десять божеств распознаются по символам, отраженным в декоративном искусстве. К сожалению и об этом виде художественного творчества приходится судить только по керамике и единичных примерах бронзолитейных изделиях с декоративными элементами.

Но вот, к примеру, о культе громовержца Шибле имеется достаточная информация. Во-первых, крестообразная монументальная композиция ансамбля вокруг кургана Ошад и изображение крестовидного храма на чертеже Майкопской плитки (своеобразного храма креста). Это говорит о том, что культ Шибле поглотил древнейший языческий культ огня

«джора» и заменил в какой-то мере культ солнца, вписавшись в его круг. Во вторых, все чаще на керамических сосудах встречается крутая волна или ярко выраженный зигзаг – главный образ молниеносного Шибле.

На металлических изделиях, особенно, бронзовых кинжалах культ солнца вне конкуренции. Обычно, это двенадцать впаянных колец с рельефными концентрическими окружностями на рукоятке. Культ плодородия большей частью выражается в земледельческих символах – сетки, решётки, параллельная штриховка, елочно-колосковый узор, число семь в разном начертании. Один из вариантов – семиколенный шевронный зигзаг по экватору керамической чаши.

Но есть случаи выражения антропо-материнского плодородия. Бронзовый топорик, видимо, из женского разрушенного погребения Кочипэ, служивший по всей вероятности, в качестве скипетра военачальницы, на втульчатой части украшен рельефной концентрической чечевицевидной фигурой, напоминающей деторождающий орган.

Зооморфные скотоводческие и охотничьи символы редко встречаются в орнаментике керамики. Это парные рожки или ушки в качестве ручек, поддержек, ухватов, парные «пуговичные налепы» и пр.

Декоративная сторона керамического производства города Аха очень рациональна и аскетична. Попрежнему, как и в Майкопскую эпоху, чирги используют рельефные и графические мотивы орнамента, но не с эстетической целью, а либо с конструктивной, либо функционально-символической, либо с религиозной. Для первой идеи примером служат расчлененные валики на плечиках и энтазисе Прикубанско-майкопских корчаг. Валики с косыми чечевицеобразными вдавлениями образно ассоциируются с веревкой, стягивающей корпус по экватору и служащими швами жесткости от ударных соприкосновений (Табл. №XX).

Для второй идеи иллюстрацией является внутренняя или внешняя «расчесанная» поверхность сосуда, образно напоминающая пашню и настраивающая на использование для продуктов из злаков.

Третья идея разъясняется, кубком, украшенным по плечикам зигзагом и предназначенным для возлияний в честь громовержца Шибле. (Табл. №XXI)

Другие искусства и элементы культуры неизведанны. Исправить такое положение может археологическая наука и палеография. На территории Майкопа большая часть памятников древности не только не исследована, но и не разведана и даже еще не открыта. Вот только эпос Нартхэр способен пролить какой-то свет на далекие события гомеровской эпохи.

По мнению советского кавказоведа Е.И. Крупнова, соседние археологические культуры западного и центрального Кавказа – Кобанская, Колхидская и Прикубанская, сложившиеся в период поздней бронзы, были близки и сходны в силу этнической родственности носителей этих культур и единства природных условий Одышгъа. На основе этих культур и их родственности возник и нартский эпос адыгов, осетин, абхазов⁹⁸. В эпосе один из древнейших циклов о «Насрен жаче» адыгском Прометее. Древнегреческий Прометей действовал за поколение до троянской войны.⁹⁹ Подобный прометееву сюжету, адыгский Насрен, которого злой Пако приковал на Ошхомахо (Эльбрусе), должен был быть во времена города Аха. Если Прометея освободил Геракл, то адыгского Насрена освобождает нартский герой Патэроз. Выходит, что и цикл Патэроза тоже должен был существовать в позднебронзовом веке.

Итак, описана гипотетическая во многом история возникновения города Аха-Маэ на месте города Майкопа приблизительно около рубежа XIII-XII столетий до н.э.

⁹⁸ Крупнов Е.Н. Древняя история Северного Кавказа. М.1960. с.376.

⁹⁹ Аталиков В.М. УК. соч. с.77

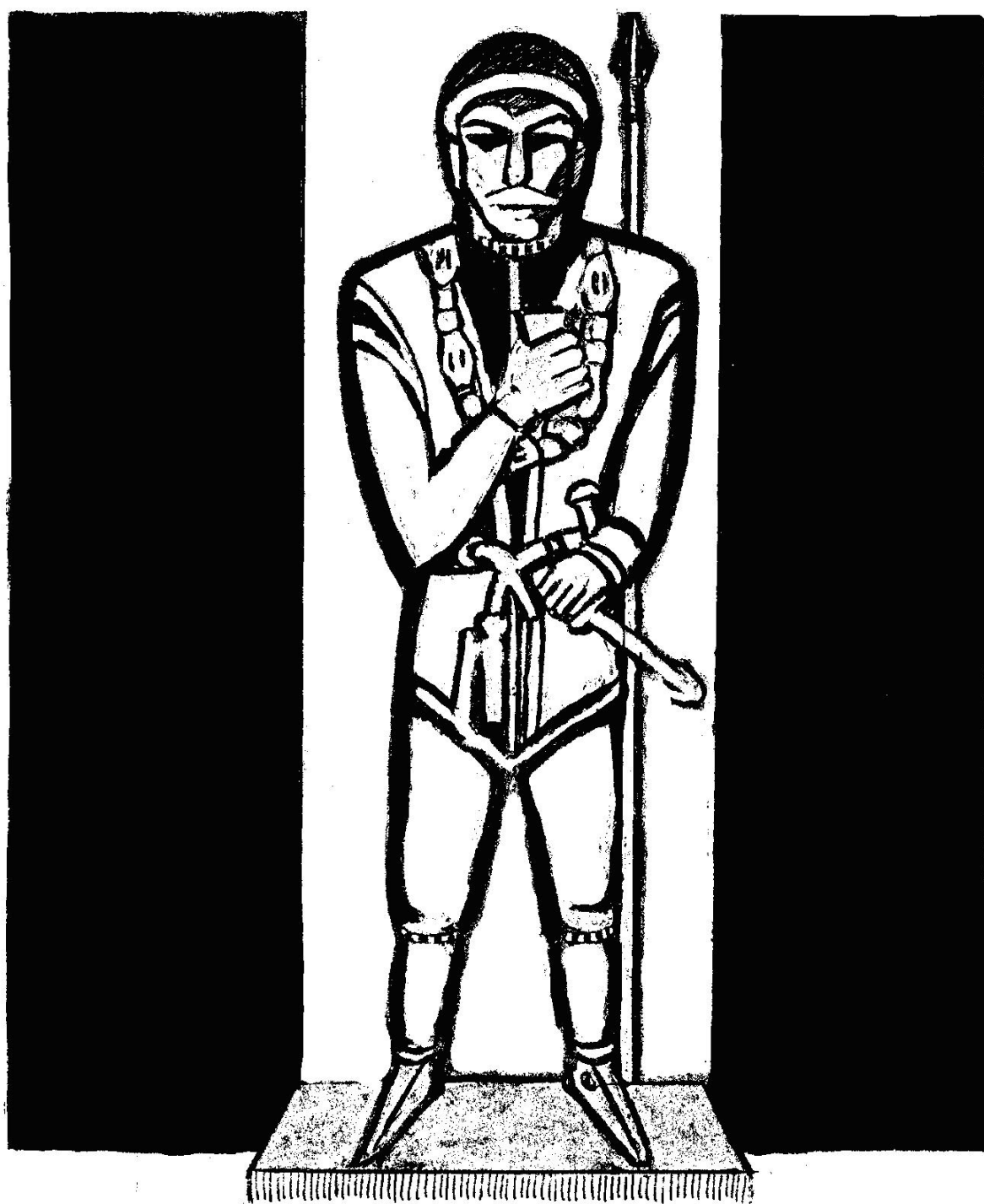

Рис. 8. 1. Реконструкция костюма нартского вождя дзепша
VIII- VII-го вв. до н.э. могильника Тыгакочипэ.

4. Военно-демократическая дружина Нартов протомеотского периода

Заключительный период позднебронзового века на территории г.Аха и его окрестностей был полон драматизма. В это время в Северо-Западном Причерноморье появилась грозная сила в лице киммерийцев. Эти полумифические легендарные воинственные кавалеристы, которые первыми в мире оседлали лошадь и благодаря ей сделались очень мобильными и непобедимыми, двигались по Северному Причерноморью на восток. М.И. Артамонов гипотетически выводил их из Малой Азии.¹⁰⁰ Это вполне логично, потому что эти степняки-кочевники-скотоводы в конце концов, почему то, закончили свою историю в центральной Анатолии. Если предположение ленинградского археолога и историка, верно, этот народ, вероятно, после развала Хеттского царства в 1200г. тоже был вытеснен вначале на Балканы, затем через Фракию они прошли в Северное Причерноморье.

Здесь они постепенно изменили образ жизни на кочевой, занялись скотоводством и, опираясь на хеттский опыт коневодства, приспособили лошадь для верховой езды; вывели степную, выносливую породу лошади и превратили ее в мощное боевое средство. Видимо, уже с IX-го века до н.э. они начали совершать набеги в окружающие земли. Киммерийцами их называли соседи, когда они, откатившись к военной демократии, организовались в агрессивную очень беспокойную силу.¹⁰¹ В IX веке до н.э. они уже в походах достигали Дона и тревожили в его низовьях население Кобяковской культуры. Поначалу кобьяковцы составляли заслон для своих кубанских родственников, в частности, жителей Красногвардейских поселений в устье рек Лабы и Псатия (Белой).¹⁰² Но когда набеги участились, донские кобьяковцы не выдержали и, наверное, стали отходить частью в лесную зону на север, частью на юг за Пшизэ (Кубань) к своим «сокультурникам». Можно предположить, что сюда, мигрировали какие то общины Белозерцев, потесненные киммерийцами из Северо-западного Причерноморья.

¹⁰⁰ Артамонов М.И. Киммерийцы и скифы. Л. 1974, с.55-68.

¹⁰¹ Аутлев П.У. Из адыгской этнонимии.// Сборник статей по этнографии Адыгеи. Майкоп. 1975.

¹⁰² Шарафутдинова Э.С. УК. соч. с.59.

Поскольку кобяковцы освободили путь киммерийским отрядам через Тану (р. Дон), последние могли беспрепятственно достигать земель, занимаемых народами Северного Кавказа. С рубежа IX-VIII веков до н.э. «железные камиры» нартского эпоса адыгов начали постоянно тревожить своими набегами население Закубанья. Но вначале, конечно, они должны были достигать низовий Пшиза, двигаясь вдоль Меотиды, т.е. Азовского моря. Население этих мест, потревоженное разорительными набегами, стало подвигаться на юг, в страну Апсны (Абхазию) или на восток и концентрироваться вокруг города Аха, где можно было найти защиту.

По археологическим данным на указанных раннее поселениях – Коэщевском, Кочипэ, Полигон – жизнь в этот период интенсифицируется. Вокруг города появляются новые населенные пункты: Трехреченское в 15 км на северо-восток от Майкопа при слиянии рек Фарса, Кетла и Надзорки, у х. Грозного с северо-восточного угла города, в 15 км на юг на р. Мыекопс. Тогда же поселилась на правом берегу р. Курджипса, в 7 км. от центра г. Майкопа община Курджипского поселения. Оно возникло раньше, в конце X-го, в начале IX в. до н.э., и, возможно, основано донскими кобяковцами, бежавшими с Таны от киммерийских набегов. В Закубанье заходят некоторые общины Прикубанских срубников.

И, конечно, же, уплотняется население на левом берегу Псатия, вокруг крепости Мае-Ах на хребте Нэгыежъ. Наибольшая масса керамического материала хаблей города Аха относится именно к протомеотскому периоду. Керамика в это время заметно мрачнеет, но качество и типологическое богатство сохраняется, хотя и черепок и форма грубеют. Очевидно, постепенно ремесленники-чирги перебираются за реку. Ведь гончарное производство требует незыблемой оседлости, стабильности, которые в правобережье были уже под угрозой.

Памятником культуры этого времени, судя по стилю письма и его развитости, является поздняя аннотация мезолитических галек с петроглифами Махошкушховского санктуария. Ахавские писцы подписывали древние изображения, разобравшись в охотничьих пиктограммах, шрифтом, принесенным людьми Касутава из Малой Азии типа силабо-иероглифического. Для того, чтобы выразить фонетическое богатство ашуйско-абадзехского языка, они использовали пиктограммы

мезолитического времени. Таким образом, они использовали стрелку, ромб, нижнюю часть фаллического изображения человеческой фигуры. Своими подписями они усиливали религиозную направленность петроглифов.

Например, гальку с изображением слона и колоса пшеницы сопровождал горизонтальной письменной строкой, отграниченной от пиктограмм линией (Табл. №II). Если древний пиктографический текст разъяснял ту истину, что слон является травоядным зверем, то протомеотский писец повернул смысл надписи в сторону определения количества и качества жертвоприношения главному богу. Иероглиф слона сделался логограммой слова «великий»; При чтении надписи справа налево, что типично для хеттской иероглифики, первый знак в виде ромба с секущей вертикалью служит геометризованной логограммой хаттского «бога». Слева от логограммы слова «тхья» начертана логограмма числа 100. далее влево – два знака «ти» и «да», видимо составляющие слова, обозначающего меру веса или количества зерна. Иероглиф последнего стоит слева под чертой против пиктограммы слона. Теперь, в новом написании текст читается, примерно так: «(Для) Тхьяшхо сто (мер) зерна».

Другая надпись под сценой, видимо, первоначально охоты лучников и копейщиков на слона, в новом чтении кажется, называет сцену поклонения воинов богу в образе слона наподобие Будды словом «уадкупатна»/

Поздние надписи к петроглифам Махошкуча важны тем, что показывают методику приспособления какого-то письма, заимствованного извне к особенностям очень сложного древнего абазино-атыхского языка.

Г.Ф. Турчанинов предположил, что силабо-пиктографическое письмо появилось в древней Ашуре в III-ем тысячелетии до н.э., было увезено в Вавилон на берег «Хышхо» и там развивалось бурно и множественно, а в какое-то время было возвращено на родину.¹⁰³

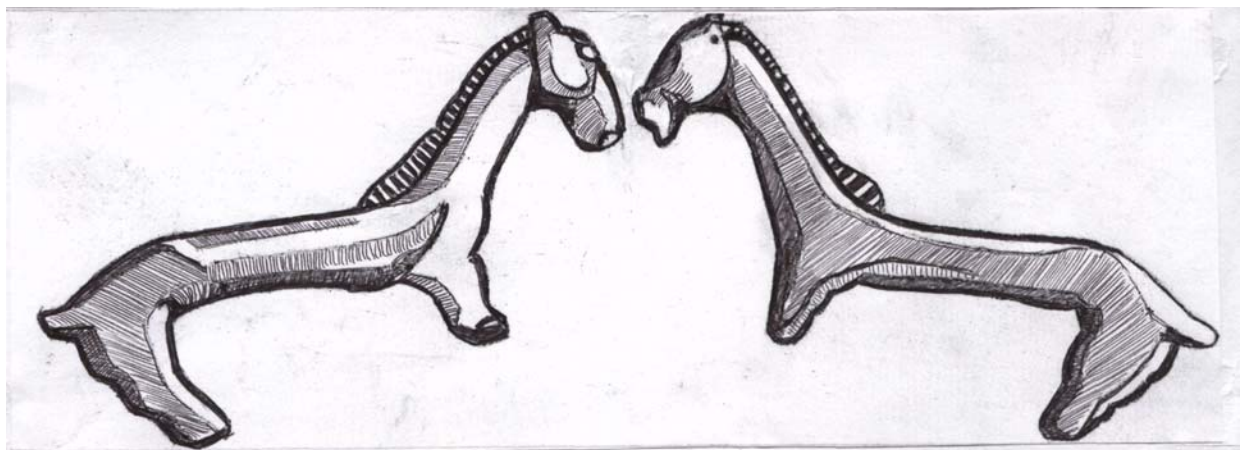
О том, что махошкучовские аннотации протомеотского периода не случайный и не единственный памятник палеографии, говорит факт находки культового керамического комплекса на

¹⁰³ Турчанинов Г.Ф. Открытие и дешифровка...с.42-58.

поселении Пшиш.¹⁰⁴ На фрагментах сосудов комплекса в большом количестве выгравированы знаки, в письменной функции которых трудно усомниться.

Само место находки Махошкушховского санктуария оказывается тоже в северо-восточной части Майкопа. И Коэщевское поселение, и петроглифы Махошкуша, и святилище Махошкуша составляют довольно компактный жреческий куш.

Следовательно, в протомеотский период, т.е. в финальной части бронзового века, этот сектор города Аха-Мае продолжает оставаться самой интеллектуальной частью городского центра.

**Рис. 7. Бронзовые псалии из погребения VIII-VII в.в. до н.э.
Псекупского кахатлежа №1.**

¹⁰⁴ Сазонов А.А. Протомеотский культовый комплекс в урочище Ленинхабль на р. Пиш // Археология. Майкоп, 1995, табл. 3.

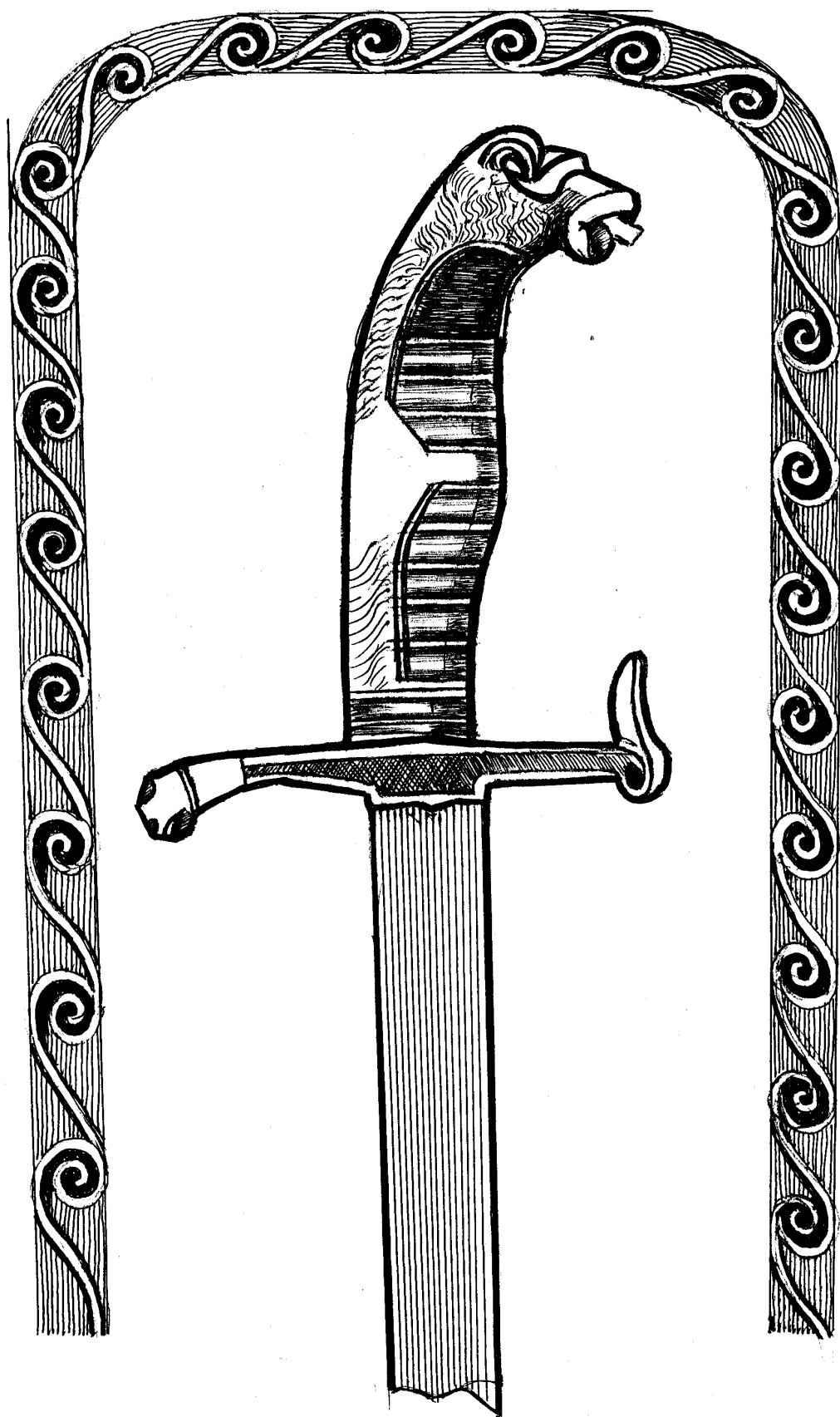

Рис. 9. Фрагмент биметаллической вотивной сабельки из музея пос. Тульского.

Глава III.

ОСВОЕНИЕ ЖЕЛЕЗА ОБЩЕСТВОМ МЕЗМАЙСКОЙ ДОЛИНЫ

1. Культура майкопских нартов древнемеотского периода (VIII-VII вв. до н.э.)

И вот, наконец, массы номадов-киммерийцев, окончательно определившие для себя направление динамики жизни, никем и ничем не удерживаемые устремились в степи Предкавказья. По мнению кавказоведа-археолога Е.И. Крупнова, киммерийцы основали свои базы в восточном Приазовье и даже на Тамани для походов в Переднюю Азию.¹⁰⁵ По мысли этого ученого, киммерийцы при этом пользовались меото-колхидской дорогой. Но другой кавказовед-этнограф Л.И. Лавров, критикуя версию Е.И. Крупнова, доказывал, что такой дороги не могло быть по трем причинам: Во-первых, это очень сильно пересеченная высокогорная местность. Вдоль берега Черного моря на лошади проехать невозможно (тем более отрядам по несколько сот всадников) из-за глубокой и частой обрывисто-каменистой изрезанности этой полосы поперечными балками, щелями, ущельями, реками и ручьями. Во-вторых, на пути киммерийцам препятствовали бы враждебные горские племена – протокеркеты, ахеи, гениохи, колхи. В-третьих, киммерийские степные лошади не приспособлены к длительным горным переходам, не выдерживали таких переходов.

Ко всему этому, следует прибавить незнание дорог. Не случайно, по Геродоту, скифы, преследуя киммерийцев, почему-то пошли через Кавказские горы не по кратчайшей «меото-колхидской» дороги, а окружным путем через Дербентский проход, «оставляя Кавказскую гору по правую руку».¹⁰⁶ Это потому, что скифы столкнулись со всеми перечисленными препятствиями. А киммерийцы к рубежу VII-VI вв. до н.э. преодолевали их. Они в течение полутора веков (первая половина VIII, VII вв. до н.э.) сблизились и породнились с местными кавказскими, в основном, протоадыгскими, племенами; ознакомились (изучили) горы, перевалы и тропы Западного Кавказа; имели опытных проводников из местных горцев;

¹⁰⁵ Крупнов Е.И. Ук. соч. с.145.

¹⁰⁶ Аталиков В.М. Ук. соч. с.17.

наконец, сидели на лошадях северокавказской породы типа современной кабардинской породы лошадей, выведенной совместно с северокавказцами. По предположению Е.И. Крупнова, эта порода лошадей выведена в VIII в. до н.э.¹⁰⁷

К середине VIII века до н.э. набеги киммерийцев вынудили оседлое население левобережья Пшиза племени хаттов, протокеркетов Причерноморья, касков покинуть закубанскую равнину и, частью, уйти под защиту горных ущелий и лесов, а частью, перевалить через хребет и расположиться среди родственных колхов-апсуа, в стране Апсны, частью же, перейти в Малую Азию, к родственным постхеттским этно-культурным образованиям.

А что же город Аха-Маэ?

Конечно, население в его правобережной части вначале сильно поредело, а впоследствии полностью покинуло правый берег Псатия. Но зато теперь на поселении «Скала Гуамка» в горах Адыгеи появляется горизонт культурного слоя с материалом древнемеотского периода.¹⁰⁸

Большая часть населения перебирается на противоположный берег, под защиту акрополя и в долину р. Курджипс. Об этом свидетельствуют материалы Курджипского поселения и Гуамского грота.¹⁰⁹

Но вот что удивительно. Именно на правом берегу, против крепости Аха-Маэ обнаружено наибольшее количество археологических материалов древнемеотского периода. Кахатлеж Тыгакочипэ, который функционировал непрерывно с середины VIII-го века до н.э. по V век до н.э. Рядом обнаружены отдельные, в т.ч., курганные захоронения и находки того времени. Южнее, в пойме р. Псатий – еще один некрополь «Полигон».

Подобная ситуация оказывается характерной для древнемеотского периода Закубанья. Повсюду, на местах поселений поздней бронзы или по соседству с ними найдены грунтовые могильники полукочевого населения.

¹⁰⁷ Крупнов Е.И. Ук. соч. с.145.

¹⁰⁸ Ловпаче Н.Г. Древняя керамика Северозападного Кавказа. (Докторская диссертация), с.219-232.

¹⁰⁹ Трифонов В.А. Гуамский грот – новый многослойный памятник на Северозападном Кавказе. // Древние памятники Кубани. Краснодар. 1990, с.23-28, рис.8-10.

Это подтверждает Николаевский могильник, открытый и исследованный непосредственно на площади Красногвардейского поселения №1.¹¹⁰ Такая же ситуация в устье р.Псекупса, где по соседству с позднебронзовым хаттским поселением исследован Псекупский могильник №1 древнемеотского времени.¹¹¹ Восточнее – еще два пункта: на берегу рукава Р.Марты и на левом берегу р.Пшиша вблизи и по соседству с поселениями поздней бронзы Чишхо и Пшиш открыты и частично исследованы кахатлежи VIII-VII вв.¹¹² Фарсовский могильник в низкогорной части Восточного Закубанья с двух сторон фланкирован поселениями финальной бронзы. Юго-западнее его – поселение Осинового кургана, на котором верхний слой продолжается в этот период. С восточной стороны, на противоположном берегу Фарса – поселение «Карьера у фермы». Этот случай основания кахатлежа в горах особый. Он показывает тот факт, что в жизни мобильных «нартских» отрядов на Закубанской равнине в VIII-VI вв. до н.э. участвовали и горные атыхи.

Признаки древнемеотского кахатлежа замечены на поселении Трехреченском, где нижний горизонт культурного слоя так же основан носителями прикубанской культуры.¹¹³

Могильник Кочипэ располагался по соседству и частично на площади поселения позднебронзового и протомеотского периода.

Все эти случаи объясняются своеобразной партизанской тактикой борьбы с киммерийцами древнеадыгских племен. Поскольку оседлое население не могло проживать в условиях постоянной угрозы разорительно-истребительных набегов «чинтов» (врагов адыгских Нартов), на местах бывших поселений остались мобильные отряды молодежи хаттского, протокеркетского, каскейского, атыхского племен, ведущие полукочевой образ жизни и возглавляемые старшими опытными военачальниками. Эти мобильные отряды, чтобы выстоять

¹¹⁰ Анфимов Н.В. Протомеотский могильник села Николаевского. // СМАА, I, II. Майкоп, 1961.

¹¹¹ Ловпаче Н.Г. Могильники в устье р.Псекупс. // ВАА, Майкоп, 1985, с.17-19.

¹¹² Лесков А.М. О хронологическом соотношении памятников начала железного века на юге европейской части СССР. // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984. с.147-152.

¹¹³ Поселение Трехреченское было исследовано экспедицией АРИГИ в 1991 году.

против грозного врага, постарались перенять у него все передовое: верховую езду, конскую сбрую, оружие, тактику кавалерийского боя.

Эти своеобразные казаки архаического периода жили в легких чумообразных портативных жилищах и лагерях, построенных и организованных военно-демократическим образом. Они были всегда готовы к бою; всегда готовы к передислокации и реактивному маневру; часто меняли места лагерей и баз отдыха. Но хоронили они своих погибших товарищей и умерших родственников возле своего древнего поселения. Они, таким образом, как бы держали память предков и, заодно, держали землю для потомков будущей мирной жизни.

А в Майкопе, в этом стратегически важном месте Древней Адыгеи, где всегда были врата в горы, в сердце Адыгеи, в то время был главный опорный пункт. В археологических материалах кахатлежа Тыгакочипэ просматриваются черты местной прикубанской культуры, черты влияния киммерийцев, признаки позднебелозерской культуры, соседней с востока кобанской культуры и даже сигналы далекой гальштадской культуры Западной Европы.

Реконструкция характера отношений нартской военной базы Кочипэ с руководством и населением города Аха-Маэ, полностью перебазировавшегося на этот период на левый берег, приводит к следующему: на правом берегу, фактически, базировалась военная дружина Нартов города Аха-Маэ, охранявшая город от неожиданного нападения и вход в горы, где жили и трудились скотоводы, земледельцы, охотники, лесоводы, горняки и каменотесы.

За рекой жили ремесленники (гончары, кузнецы, ткачи), земледельцы и скотоводы, управляемые царем или князем и организованные по принципу классового общества, т.е. рабовладельческого или феодального города. Об этом можно догадаться и по информации нартского эпоса, где повествуется о нартском селении на одном берегу реки и общества земледельцев, руководимых князем, который сидит в крепости на другом. Нарты не любят этого князя и иногда даже штурмуют его

крепость, но вынуждены защищать и сотрудничать с ним и его народом, потому что они кормят и одевают нартскую общину.¹¹⁴

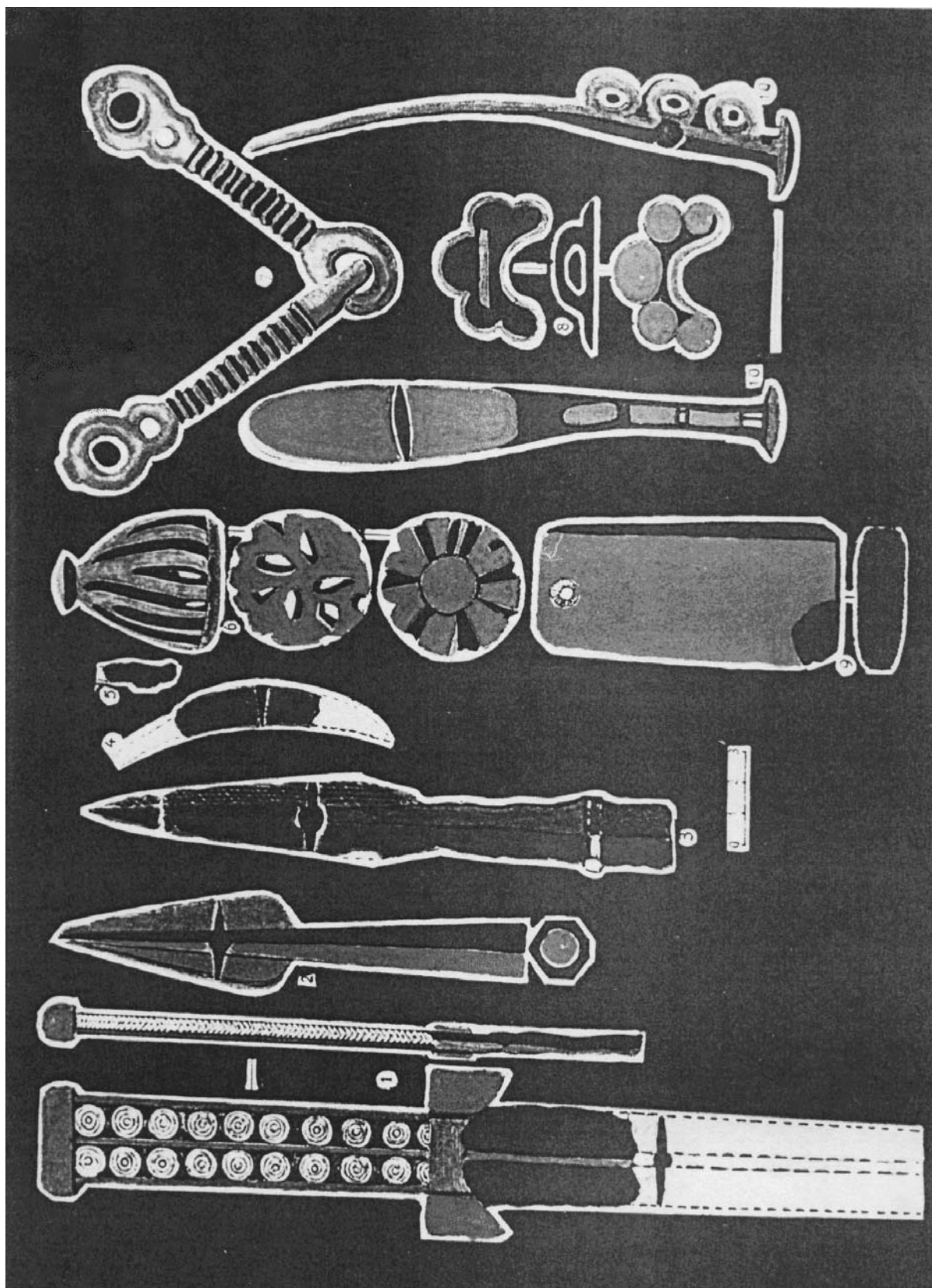
Хотя материальная и духовная культура могильника Тыгакочипэ во многом совпадает с прочими памятниками древнемеотских кахатлежей Закубанья и составляет с ними, вроде как бы отдельную «нартскую культуру» полную дыхания, киммерийской степи, но, в тоже время, в ней явственно ощущается близость оседлой прикубанской культуры древних адыгов.

На примере погребального обряда могильника Кочипэ отчетливо прослеживается сильное влияние степняцкой воинской культуры на нартскую часть закубанского (кавказского) общества во второй половине VIII в. до н.э. Порой возникает сомнение: кто же здесь похоронен – кимеризованный кавказец или степняцкий воин. Но все-таки полного репрезентативного погребального обряда киммерийского типа нет ни в одном погребении. Большинство погребений раннего периода представляют синтез обрядов и характеризуют местных конных дружинников, которые взяли на вооружение от киммерийцев верховую лошадь со сбруей, возможно, вытянутое положение погребенного на спине. Видимо, к этому нартов скорее всего принудило копье, положенное, как правило, слева от костяка без боевого коня и справа, когда боевая лошадь положена слева от хозяина.

Самым содержательным на этом могильнике выглядит погребение №33, которое относится к первой половине VII в. до н.э. Здесь воина сопровождал боевой конь с бронзовыми деталями сбруи, бронзовый ажурный бубенчик и украшение коня в виде бронзовой лунницы.

Из оружия – фрагментированный биметаллический меч т.н. двуручного типа, т.е. с длинной рукоятью, и два наконечника копья киммерийского типа (бронзовый и железный) (Табл. №XXIII).

¹¹⁴ Ловпаче Н.Г. Киммерийцы в Северовосточном Причерноморье. // Известия СКНЦ ВШ. №2, 1987, Ростов на Дону, с.80-86.

Оружие и детали конской сбруи из погребенья дзепца №33

ТАБЛИЦА №XXIV.

Оружие, керамика и оселок из погребенья дзепца №33.

Копье в обычном положении отсутствовало, а отсутствие наконечников стрел и прочих признаков лука характерно для погребального обряда местного воина. Кроме того, местными чертами считается булыжная наброска над могилой, возможно даже, курган, распаханый, а впоследствии срезанный отвалом бульдозера при вскрышных работах, относительно большое количество керамической посуды (4 сосуда) и обычай ставить ковш-черпак в горло корчаги (Табл. №XXIV). Степных черт в этом погребении больше: северная ориентировка головы, обычай сопровождения покойника боевым конем, меч киммерийского типа очень редко встречаемый в погребениях нартвов древнемеотского периода, копья киммерийского типа с длинными втулками.

Судя по тому, что ажурный бубенчик встречен в кургане хаджохского Ошхиту этого же времени¹¹⁵, а меч в кургане на этой же террасе за несколько сот метров на юг от Кочипэ,¹¹⁶ а, также учитывая большое количество металлических предметов (9) и особенно, оружия, это было погребение военачальника. Как можно предположить, военачальник был киммерийского происхождения, приглашенный командовать местной дружиной. Впоследствии он, видимо женился на местной девушке и, как зять, став своим, воспринял обычаи адыгских Нартвов. Поэтому его похоронили как аристократа под курганом, но по синтетическому обряду. (В курганах хоронили знать.)

К этому времени киммерийские и нартско-адыгские дружины совершали совместные походы через семь хребтов на юг, в страны Переднего Востока, на север за Тану (Дон), на запад, за семь морей, на восток, за Индыль (Волгу).¹¹⁷

Во второй половине VIIв. до н.э. на могильнике Кочипэ наблюдается спешивание воинов и частичная демилитаризация нартской общины. Это значит, что киммерийская угроза миновала, нарты уже не воевали с чинтами, а имели дружеские отношения и роднились. Видимо, большая часть киммерийцев ушла в Малую Азию, а те, которые остались, либо ассимилировались в местной этнической среде, либо представляли дружественных соседей.

¹¹⁵ Сазонов А.А. Хаджохские курганы – некрополь древнемеотских вождей. // Вестник АРИГИ. История, этнология, археология. Майкоп. 2000. рис.8.

¹¹⁶ Эта находка хранится в частной коллекции ювелира Евтых Аси.

¹¹⁷ Такие направления походов неоднократно встречены в «Нартхэр».

Поэтому на могильнике Кочипэ погребения второй половины VII в. до н.э. не имеют никаких признаков киммерийского влияния. Костяки опять скорченные по древнему местному обычаю эпохи бронзы, лошадей нет, оружие встречается крайне редко, увеличивается процент женских погребений без оселков, а только с керамикой и железными ножечками. Несколько поодаль от основной массы северного участка могильника, в его северной части – группа могил ориентированных головой на север или северо-запад, с вытянутыми костяками на спине сопровождающихся одним сосудом за головой. Очевидно, это ассимилированные киммерийцы, оставшиеся после ухода своего народа за хребет.

В поздней части могильника, относящейся к первой половине VI в. до н.э., уже не заметно никаких степных признаков. Это скорченные костяки с керамикой и, иногда, железными ножичками. Но кости совсем истлевшие, что говорит об увлажнении климата.

В это время появляются могильники древнемеотского типа на правом берегу Пшиза. Поскольку киммерийская угроза миновала, появилась возможность вновь оседло освоить территорию равнины Закубанья. Но почему-то протоадыгские племена не спешили возвращаться из гор на свои прежние места поселений. Теперь появилась угроза набегов со стороны донских скифов, занявших место киммерийцев, и, наверное, савроматов, подвинувшихся от Индыля в Прикубанье.

И вот многочисленные воинские дружины, несшие в древнемеотский период караульную службу в закубанской равнине от «злых камиров», после ухода последних остаются без работы. Перед этим воинством встает дилемма: то ли переходить к мирной жизни, то ли искать приключений и работу на стороне. Часть нартских общин форсирует Пшизэ и основывает свои базы на его правом берегу. Об этом свидетельствуют могильники Усть-Лабинский №2, могильник ст. Тбилисской, Пашковской, Старокорсунской.¹¹⁸

Таким образом, эти общины образовали пограничный заслон. Они вели полукочевой образ жизни, но базировались,

¹¹⁸ Каменецкий И.С. Меоты и другие племена Северо-западного Кавказа в VII в. до н.э.-III в. н.э. // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М. 1989. с.231. 10-ый том многотомника АН СССР. Археология СССР.

видимо, неподалеку от кладбищ, на которых постоянно хоронили своих родичей и боевых друзей. В результате всех этих перемен стратегическая роль заградительного отряда города Аха-Маэ понижается и база Кочиповской общины, видимо перемещается поближе к Пшизу или даже на правый берег Лабы.

Наверное, в это время жители Аха используют опять участки земли на третьей террасе правого берега Псатия под пашни и сады, но, еще не живя там.

Однако, вернемся в VII век до н.э., к культуре нартской дружины Кочипэ. В чем проявлялось «дыхание» прикубанской археологической культуры на этом памятнике?

Во-первых, здесь, как нигде, самая обширная типология керамики, состоявшая из 10 вариантов посуды. Во-вторых, здесь посуда формируется, как видно, с помощью шаблонов (корчаги) и поворотной доски (ковши-черпаки). Встречаются сосуды из довольно тонко отмученной глины (ковши-черпаки). Возможно, лепщики нартской общины использовали готовый клинкер, приготовленный правобережными чиргами.

Отдельную область культуры Кочипэ составляет декоративное искусство керамистов и металлургов. Последние, несомненно, базировались на левом берегу Псатия.

Особенно обильно, разнообразно и интересно декорировались ковши-черпаки. Они, как было раньше замечено, часто находились на горле корчаги, стоявшей на подиуме за головой нартского воина. Невольно вспоминается сюжет нартского эпоса из цикла Патэрэза, когда он и другие нарты клянутся над кадкой или гочэсом белого сано (вина).¹¹⁹

Орнаментация ковшей представлена устойчивой композиционной схемой: верхний регистр на венчике сосуда занят гравированным фризом из геометрических мотивов (зигзаг, косая сетка, пучки радиальных лучей, щетки и гребешки, заштрихованные треугольники и трапеции, фестоны вершинами вверх) Фриз всегда отделяется горизонтальной линией от нижнего регистра. На корпусе, т.е. нижнем регистре располагаются зооморфные мотивы: стилизованные изображения рогов барана, козла, оленя, ушей зайца, астрального барана. Имеется группа сосудов этого типа, на корпусе которых начертаны тремя или четырьмя группами по кресту или под 120°

¹¹⁹ Нарты. М. 1974, с.27, 112 и др.

гравюры геометрических знаков — в виде окружности со вписанным крестом, перевернутого дубль «W», строенных ромбов, квадратов, прямоугольников и пр. (Табл. №XXV-XXVII).

ТАБЛИЦА №XXV.

План погребения №15 и ковши из погребений №15 и №9 могильника-кахатлежа Тыгакочипэ.

На одном ковше трижды повторена сложная орнаментальная крестовидная фигура композиционно-замкнутого стиля с мотивом «тыбжъэ» (бараньих рогов) и лунницы. На другом ковше — так же трижды повторен контурный рисунок странного четвероногого — не то козла, не то оленя — важно с гордо поднятой головой шествующего или стоящего слева направо.

На третьем ковше во множестве изображены какие-то непонятные знаки, хаотично разбросанные по корпусу сосуда.

Этот композиционный принцип представляется образным изложением миропонимания древних лепщиков, соответствующим двухчленному миру. Верхний регистр изображает «белый свет». Это горы, пашни, солнце, реки, дороги, струи дождя, холмы и впадины, орудия труда. Т.е. это окружающая человека реальная природа и жизнь человека в ней.

Нижний регистр символизирует «тот свет», «царство мрачного Аида», или адыгского Псатхья – повелителя душ. Туда уходят люди в результате смерти и превращаются в символы-орнаментальные мотивы.

ТАБЛИЦА №XXVI.

Ковши-черпаки из погребений VII-го в. до н.э. Тыгакочипэ.

- 1. Черно-глиняный ковш из комплекса северного участка Тыгакочипэ – реконструкция.**
- 2. Иероглифическая надпись на ковше из погребения №17.**
- 3. Серо-глиняный ковш из комплекса северного участка Тыгакочипэ.**
- 4. Серо-глиняный ковш из погребения VII-го в. до н.э. №16 Тыгакочипэ.**

Материально они исчезают, но воплощаются в символах зооморфного стиля. Анимализм этих символов объясняется родом занятий членов общины Кочипэ (охота и скотоводство). Зооморфные мотивы орнамента на корпусе ковшей это тамги – родовые знаки умерших. На ручках двух ковшей поставлены родовые знаки в виде косо́го креста с щетками, подобно ремесленным клеймам древнегреческих гончаров. Родовые гербы, надо полагать, идут от тотемов (охранителей рода).

Поскольку символы нижнего регистра этих двух ковшей разные (один – стилизованные рога оленя, другой – уши зайца), а на ручке тамги одинаковые, можно заключить, что на ручках клеймо чирга, лепившего керамику Кочипэ в первой половине VI в. до н.э. Этот ремесленный знак ближе всего к тамге абхазов Хагба (Ахагба).

На ковше из погребения №33 трижды начертана тамга кабардинцев и бесленей Есаней и Саншоко (винодел), что очень логично для застолья адыгских Нартов с санопитием. Как раз эта тамга и обычай ставить ковш на горло корчаги подтверждают ритуал санопития. На том свете, по представлениям Нартов воин тоже будет пить вино и поэтому в могилу ставили корчагу, видимо, с каким-то количеством вина и ковш-черпак. (Табл. №XXIV).

В унисон с этими элементами обычая можно рассматривать изображения на ковше VII в до н.э. из погребения №17. Используя хеттский силабари́и, иероглифику и ашуйский силабарий Турчанинова, три группы знаков на корпусе этого сосуда представляют в виде трех слов – «бахъуц» («хмельная трава»), «чъыуд» («колдовское дерево»), «уакъха» (что-то небесное). (Табл. №XXVI) Этот ковш стоял рядом с корчажкой.

На ковше того же времени из погребения №15, по корпусу награвированы три окружности со вписанными в них крестами. Если учесть декор верхнего регистра, где изображены семь пучков семилучевых, то логично видеть в знаках нижнего регистра символ солнца в виде колеса с оптимальным количеством спиц-лучей. Но в то же время этот знак совпадает с тамгой знатного абхазского рода Чачба, который Г.Ф. Турчанинов нашел на серебряном сосуде III-го тысячелетия до н.э. из кургана Ошад.¹²⁰ (Табл. №XXIV).

¹²⁰ Турчанинов Г.Ф. Открытие и дешифровка. С.72-76.

Принцип деления изображения на два яруса, видимо, занесли в г. Аха-Маэ художник Багъя или Гасутава из Хыжъя в Малой Азии. Например, ортостат из Аладжа-гуюка, таким же образом представляет сцену хетто-хаттского охотника. В верхней половине изображен в профиль охотник, стреляющий из лука с колена в вепря. Внизу, под разделительной горизонтальной линией изображен расстрелянный олень. Живой вепрь нарисован очень экспрессивно, реалистично. Убитый олень изображен с сильной орнаментацией, фактически денатуризирующей форму.¹²¹

К декоративным мотивам ковшей, корчаг и чаш можно добавить пластические: сосцевидные налесты, рожковидные и ушковидные завершения ручек ковшей, рогатые ручки-поддержки корчаг и другие зооморфно-скульптурные элементы. Среди них чаще встречаются уши лошади и собаки (волка) и сосцевидные налесты на плечиках чаш в числе 4 по кресту, двойные или одинарные (Табл. №XXIV- XXVI)

Уже тогда, в VIII-VI вв. до н.э. намечалась функционально-декоративная символика в древнеадыгской керамике.

На керамическом погребальном материале Кочипэ можно рассматривать языческие религиозные культы, которым поклонялись нартты. Кроме загробного культа мертвых, распознается солярный и огнепоклоннический культы «Тыгъэ» и «джора», культ луны, культ плодородия, природы и охоты, культ громовержца Шибле, культ покровителя всадников Заокотха или Зекотха, выразителем которого в эпоху средневековья стал обожествленный нарт Саусрыкъо.

Неясно, использовали ли нартты древние солярные святилища Ошада Кочипэ и Махошкушха. Логично предположить, что эти культовые сооружения продолжали функционировать, поскольку защищались нартской дружиной. К тому же, перерыва жизни, как будто не было, во время которого кромлех Кочипэ мог быть занесен песком или замыв илом и покрыт почвой. Ведь нартская община сразу поселилась после перехода населения Аха-Маэ на левый берег.

¹²¹ Anadolu Kultur Tarili. Ankara, 1998, Res. 53(b).

**Керамика из погребения №31 кахатлежа Тыгакочипэ
(VIII-VII вв. до н.э.)**

- 1. Тёмно-серая (пятнистая) корчага с петлевидной ручкой.**
- 2. Чёрно-глиняный ковш-черпак.**
- 3. Тёмно-серый кувшин.**
- 4. Фрагментированный железный нож.**
- 5. Черно-глиняный чашеобразный горшок с парными
«пуговичными» налечами.**

На Майкопской пытапэ с трудом вычленяется древнемеотский период и поэтому в настоящее время охарактеризовать культурную и трудовую жизнь города нартской эпохи не представляется возможным.

Но правый берег Псатия, живший иной жизнью, по материалам кахатлежа показывает варваризованную культуру военной дружины.

Но, как видим, анализ материалов этого памятника выявляет и интеллектуальные моменты воинского общества. Это декоративно-прикладное искусство керамистов и металлургов бронзолитейщиков, религиозные верования, национальные обычаи, фольклор и даже письменность* (Табл. №XXIV).

Особенно следует отметить обычай класть в могилу с воином-нартом каменный оселок, который он носил при жизни на поясе с правой стороны.

Этот атрибут ярко отражен «Нартхэр» в цикле Патэрэза. В нем рассказывается о том как старейшина (тхаматэ) Орзамэддж (Орзамэс) наградил нарта Патэрэза тремя полудрагоценными оселками «мыжьоупцІэлапэ».

Вот как звучит этот пассаж из Нартхэр в переводе на русский язык.

«Три камня-оселка мы имеем – говорит Орзмэддж.

Вот какие чудо – свойства они имеют:

Один острее меча разящего,

Другой еду нужную приносит,

Лучшую женщину добыть

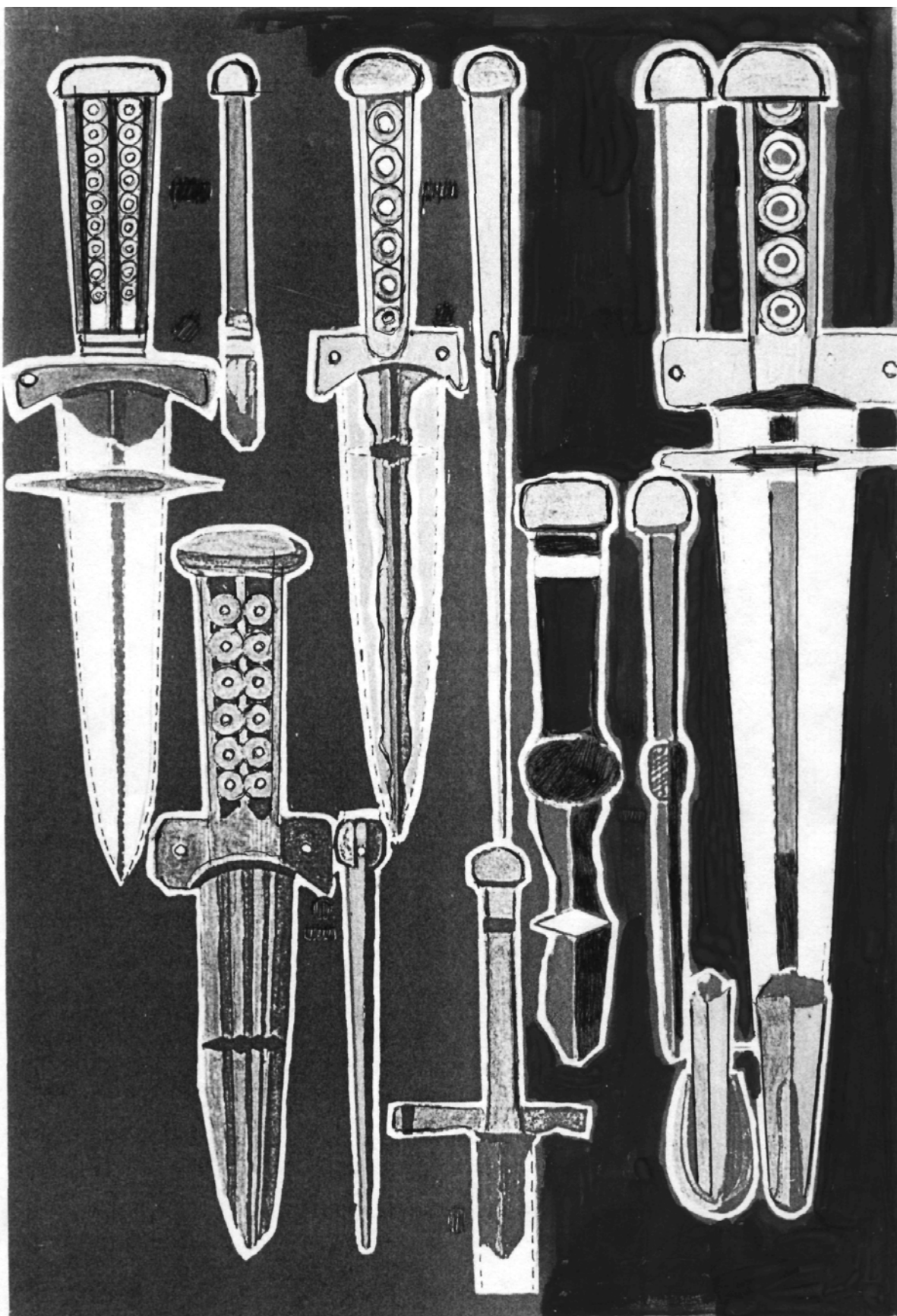
Тебе поможет третий камень.

Один мы отдадим тому из нартов, кто мужественнее всех. Другой тому из нартов, кто в пище воздержаннее. Оставшийся – тому из Нартов, кто женщину уважает больше всех.

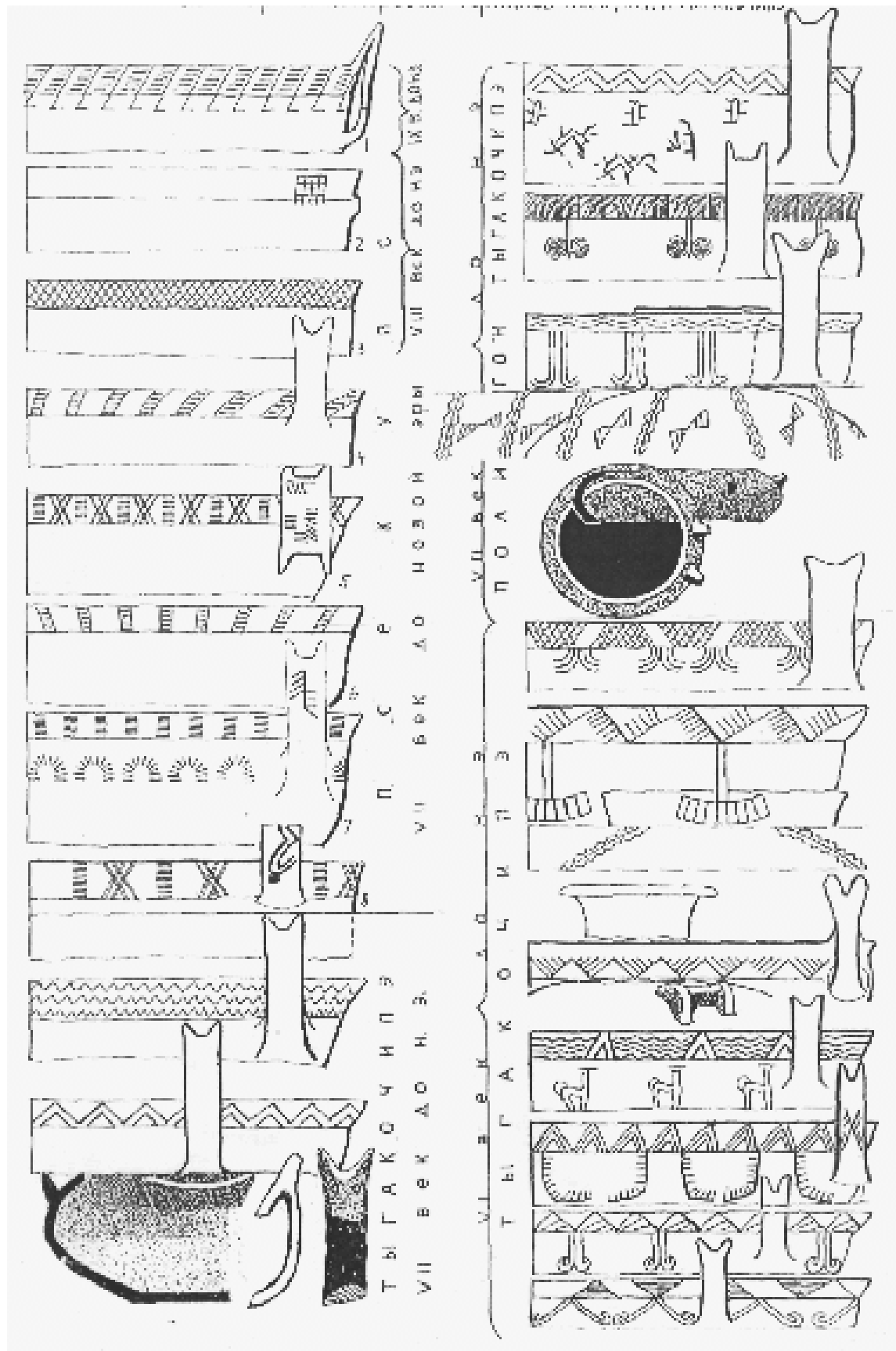
Если один человек получит все три, он станет первейшим. Если это не удастся, им будет тот, кто получит два камня-оселка. Если один человек не сможет получить два камня-оселка, первым будет тот, кто отличится мужеством.

Нартские тхаматэ-старейшины, согласившись, в определенный день созвали всех нартов. Пришел Хымышыко.

* Кроме надписей на ковше погребения №17, иероглифы награвированы на сильно фрагментированном ковше из погребального комплекса №1 первой половины VIв. до н.э. (рис.)

Бронзовые и биметаллические кинжалы Нартов
древнемеотского периода (VIII-VII вв. до н.э.).

Орнаментировка черпаков Псеупса и Тыгачипэ.

С ним пришел его воспитатель – овцевод (Хьамышь). Тогда Орзэмэдж, так как он у нартов тхаматэ, встал и показал первый камень.

Этим удостою того из нартов, кто мужественнее, – сказал.

Каждый нарт рассказал свои чудо-приключение.

Когда Хьмыщико стал отделяться молчанием, Хьамышьэ сказал: этот камень заслуживает мой сын Патэрэз. Сто вражеских всадников он один одолел. Мужественнее его из нартов не найдется! – всем здесь сидящим он сказал...

...Нартские тхаматэ – старейшины спросили Хьмыщико: «Каким образом ты, встретив сто всадников, один сразил их» – сказал:

Этому научила меня моя гончая собака. В какой-то день, возвращаясь из странствия, я миновал какое-то селение, из которого выбежали сто собак и погнались за нею.... Моя собака оглядывается назад и видит, что из ста собак есть могущие еще бежать и те, которые не могут бежать – что они поодиночке, разбросано растянулись. Тогда повернувшись, по одной она стала их травить (убивать), удавила всех. Я понял так, что если врага растянуть, то легче одолеть. После этого, когда меня встретило сто всадников, я их растянул и по одному одолел всех.

Нартский тхамата встал и один камень-оселок ему отдал.

Из-за второго камня – приза также нарты посостязались. И тогда Хьамышьэ, встав, сказал:

Моего сына Патэроза

Более воздержанного в пище вы не найдете.

Сидя за накрытыми едой столами,

Семь дней он с нами был,

Ни кусочка не взяв в рот,

Из всех нартов присутствующих

Был проворнее.

Был веселее, не проявлял грусти.

Мы, кушая, устали (надоело нам есть).

Когда встали из-за стола, он к пище не прикоснулся,

Чуть-чуть отведав,

Встал и пошел.

И этому нарты удивились: «А с чего это взято?» – Хьмыщико они спросили. Он говорит им:

Находясь в походе, нартские тхаматэ меня послали за водой. Я был сильно обеспокоен тем, что не мог найти, в чем принести воду. Тогда я какой-то кожаный мешочек нашел, подошел к горному источнику. Наливаю-наливаю, но не наполняется. Утомился, устал. Вода дошла до предела, но наполнить его я не смог... Тогда то, что было уже налито, я взял и возвратился. Всех тхаматэ я напоил водою, рассказал им о свойстве этого кожаного мешочка. Посмотрели и так и эдак: «Это человеческая натура. Вот поэтому и не насыщается», — сказали.

С этого периода стал воздержано относиться к своему желудку и приучил себя так, чтобы в день, съедая немного, хватало мне.

Нартский тхаматэ встал и второй камень-оселок Хымыщико подарил.

Когда речь зашла о третьем камне, о том, кто достоин его получить, также Хымышьэ встал и сказал:

Этот камень я ни одному нарту не отдам.

Моего сына Патэрэза лучше

Никто не относится к женщине.

Из странствия этот мой сын превосходный

В полночь вернулся домой,

Жену с одним пастухом

Лежащую он застал.

Взяв бурку свою, вышел из дома.

Всю долгую холодную ночь во дворе проводил.

Когда расцвело, как доброго гостя,

С почтением проводил (пастуха).

К своей жене он вернулся

Шутки, прибаутки говоря ей, заставил свое сердце забыть обиду».

И этому нарты удивились: «А с чего это взято?» — они Хымыщико спросили.

Тогда Хымыщико рассказал о том, что случилось в одном из походов, в котором он понял, как много приходится терпеть женщине. «И я приучил себя красиво обращаться с ней» — сказал Хымыщико Патэрэз.

Нартский тхаматэ встал и третий камень — драгоценный оселок, Хымыщико отдал.¹²⁸

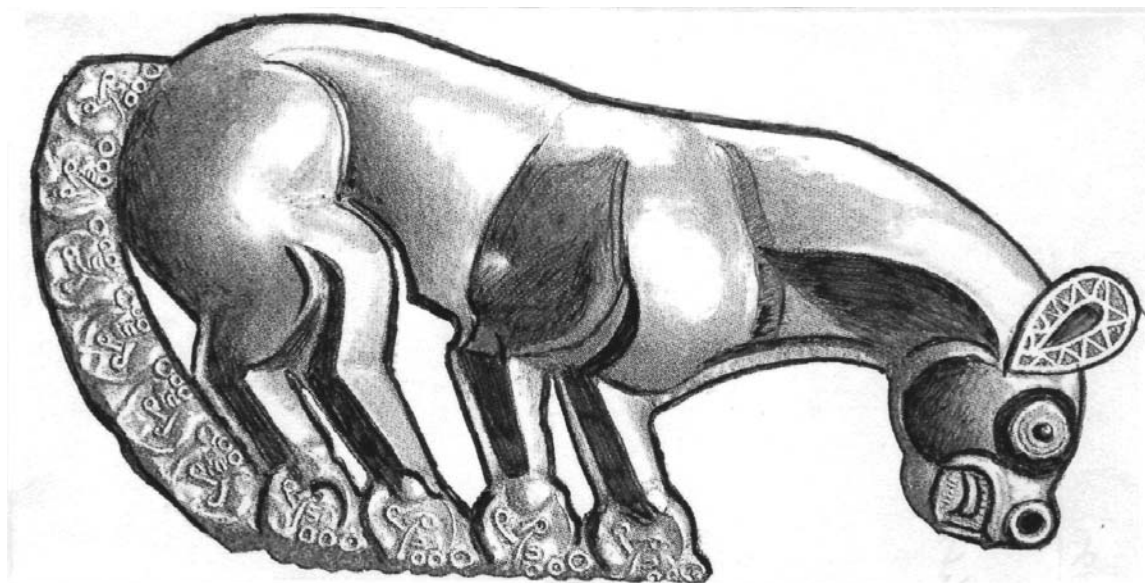
¹²⁸ Нартхэр, T.V. С. 281-284.

В осетинском нартском эпосе тоже имеется подобный рассказ, но там призами служат питейные чаши, что (больше) характерно для скифов.

Оселки же характерны для древнемеотских предков адыгов и для киммерийцев.

Из этого факта напрашивается вывод, что нартский эпос адыгов формировался в героическую киммерийскую эпоху при тесном взаимодействии с легендарными «камирами», а нартский эпос осетин формировался несколько позже при тесных контактах кобанцев со скифами.

В следующую за киммерийской скифскую эпоху раннемеотского периода такие каменные оселки, аккуратно обточенные, шлифованные а иногда полированные, без следов использования не наблюдаются в погребениях закубанских воинов. Это может свидетельствовать о заимствовании обычая с оселками у киммерийцев.

Золотая пластина с изображением пантеры из Костромского кургана VI в. до н.э. (Лабинский район)

2. Аухатский центр на р. Псатий раннемеотского периода VI-V вв. до н.э.

Примерно, на рубеже VII и VI вв. до н.э. киммерийцы в массе освободили Западный Кавказ и переселились в малую Азию, а равнинное Закубанье вновь стало постепенно заселяться возвратившимися с гор хаттами, касками, пракеркетами, авхатами. Да именно в этот период, «отец истории» древнегреческий историк Геродот впервые называет «скифское племя авхатов».¹²⁹

Более поздние авторы настойчиво указывают, что именно в землях этого племени авхатов (авхетов) берет свое начало р. Гипанис (Кубань).¹³⁰ (Публий, Овидий Назон, Плиний Секунд, Клавдий Птолемей, Гай Юлий Солин). Но что, Гипанис начинается в горах западной части Северного Кавказа – истина, даже если его начинать с современного Краснодара, что иногда ошибочно показывает античная письменная традиция.¹³¹

А что собой могло представлять «скифское племя авхатов (авхетов)», можно судить по следующему отрывку из «комментария Евстафия, митрополита фессалоникийского, жившего в XII в. н.э. к «Землеописанию» Дионисия: «Говорят также, что и следующие за ними скифы прежде когда-то питались хлебом и занимались земледелием, но потом, переменив образ жизни, сделались кочевниками, стали жить особняком и без городов, о причине этого будет сказано после».¹³²

Это значит, что прав Граков Б.Н. один из главных советских скифологов, когда называет «скифоидными» культуры местных северокавказских народов скифской эпохи*. В связи с этим, правильнее рассматривать захоронения в больших кубанских курганах VI-IV вв. до н.э. погребениями местных кавказских вождей а не скифских.

Еще меньше располагает к мысли о скифах этноним авхаты (авхеты), потомки Липоксая по Геродоту. Имя прапредка этих «скифов» Липоксая и сам этноним, в первую очередь ассоциируются с северокавказскими хаттами, т.е. адыгами.

¹²⁹ Аталиков В.М. Указ. соч.... С. 20.

¹³⁰ Там же. С.97, 105, 155.

¹³¹ Там же. С. 105.

¹³² Там же. С.126-127.

* Граков Б.Н. Скифы. М., 1971.

Как уже было показано, после ухода киммерийцев часть закубанских дружин нартов переселилась на правый берег Пшиза (Вардана, Гипаниса, Антикита). Они составили буфер в Прикубанье между царскими скифами в низовьях правого берега Таны (Дона). В дальнейшем эти военизированные подразделения хаттов, касков, керкетов и авхатов все больше отрывались от Кубани, уходя в степь и вот к V-му веку до н.э., ко времени Геродота окончательно превратились в номадов по образу жизни, хозяйственным занятиям и общественно-политическому строю.

О хаттах сигнализирует гидроним «Аттикит» или «Антикит», который означает «место проживания племени хьаттов или хьантов – аттов, антов».¹³³ О касках сигнализирует город «Гаргаза» (Каркаса) в устье р. Аттикита,¹³⁴ а также ольвийские надписи II-го в. до н.э., сообщающие о «Каскене сыне Касага».¹³⁵

Более точная географическая привязка авхатов содержится в «Географическом руководстве» Клавдия Птолемея, жившего в I – II-м вв. н.э. Этот автор указывает “город Геруса (по другим источникам Гаргаза) в устье р. Аттикит, город Матета в устье р. Псатия и по этой же реке г. Авхиду».¹³⁶ При анализе географической информации Клавдия Птолемея выясняется, что древнегреческие информаторы Аттикитом называли р. Кубань или Лабу до нынешнего Усть-Лабинска, а нижнее течение до устья – Гипанисом или Варданом. Корреляция сведений различных авторов приводит к заключению, что р. Псатий это р. Шхагуаше (Сагвашэ – Белая), а г. Авхида был расположен выше по течению, у выхода реки из гор, на месте нынешнего Майкопа.

По названию видно, что этот город находился в земле племени авхатов (авхетов) и был его племенным центром. На древнеадыгском языке этот город должен был называться аухатыпса. Первая часть слова «Авхиды» (Аухида) возможно означает «опорный пункт» в хеттском – “augi”¹³⁷ Для сокращения вторая часть опущена. Тогда этноним «аухаты» произошел от

¹³³ Турчанинов Г.Ф. памятники, письма и языка ... С. 31, 32.

¹³⁴ Аталиков В.М. Указ. соч. С. 87. Его же. Страницы истории. Нальчик, 1987.

¹³⁵ Надписи Ольвии (1917-1965) под ред. Книппович Т.Н. и Леви Е.Н. Л., 1968, с. 72.

¹³⁶ Аталиков Н.М. С. 150.

¹³⁷ Emanuel Laroche. Указ. соч. С. 355.

крепости на Псатие – опорного пункта, каким служила крепость г. Аха-Маэ против киммерийцев в древне-меотский период, а в VI-V вв. против скифов и синдов (чинтов). То есть, «аухаты» означает – опорные хаты.

По всему видно, что этот опорный пункт выстоял против киммерийцев, а после схода их с исторической арены Северного Кавказа стал центром возрождения большого городского комплекса.

Об этом говорят памятники археологии на территории Майкопа, относимые к раннемеотскому периоду. Из бытовых археологических памятников, в первую очередь следует назвать сам Майкопский пытапэ, в культурном слое объектов которого и даже на склонах южной цитадели находится керамика VI-V вв. до н.э. (Табл. №XXXI). На правом берегу в V в. до н.э. возрождается жизнь Коэщевского поселения, о чем говорит материал пятого, шестого штыков культурного слоя с импортной керамикой (фрагменты) расписанной черным лаком. Также подтверждают факт возрождения жизни в правобережье Псатия поселенческие слои раннемеотского времени Махошкуша, Грозного, Майкопки, в окрестностях Майкопа, Трехречного¹³⁹ (Табл. №XXX).

Из погребальных памятников материал VI-V вв. обнаружен на Тыгакочипэ. На южном участке этого могильника исследовано пять погребений, в которых датирующие материалы – акинак, железные наконечники стрел скифского типа, обряд погребения, типы и формы керамики – указывают на раннемеотский период, а точнее, на конец VI-го, V вв. до н.э.¹⁴⁰ (Табл. XXXI)

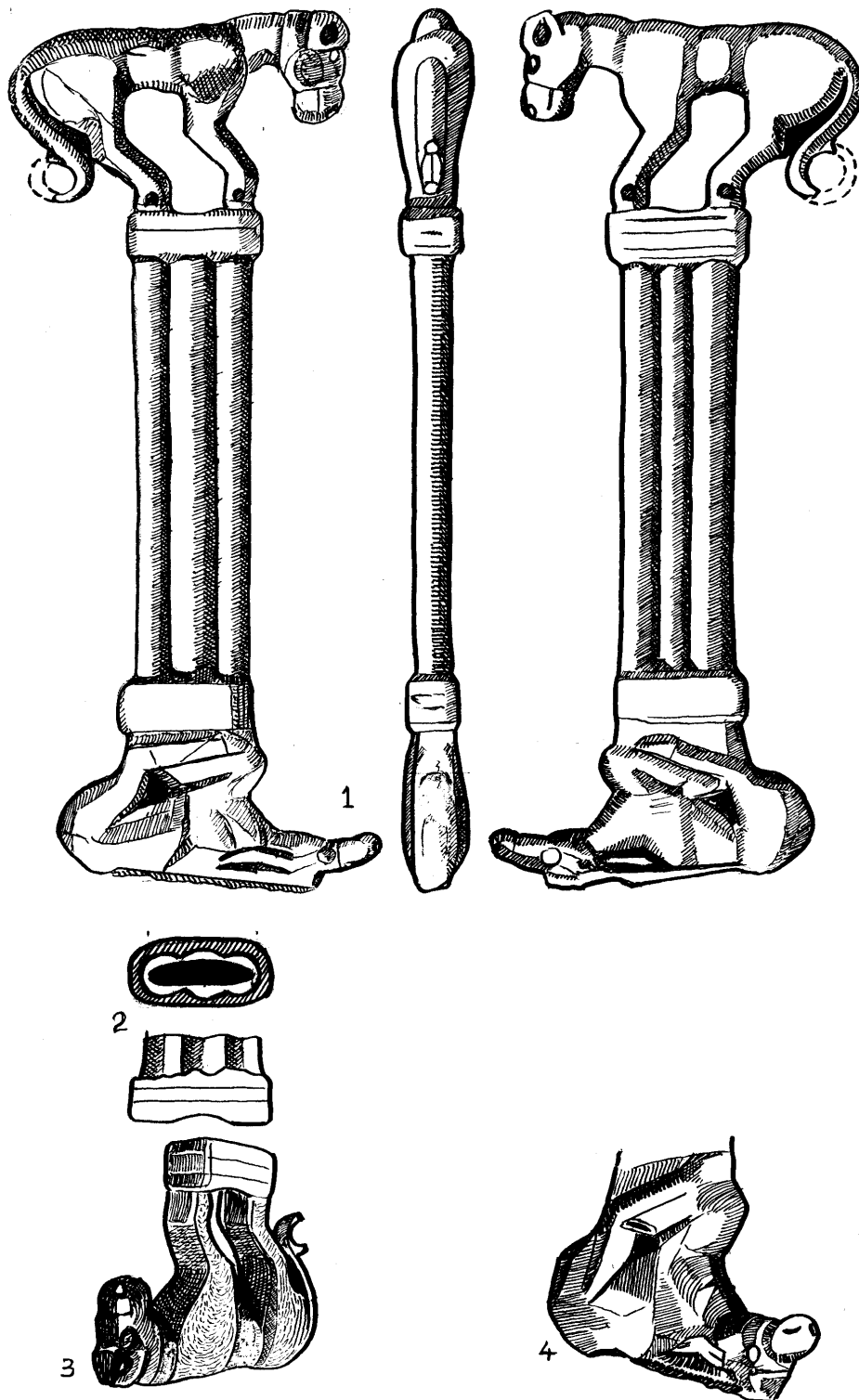
Но видно, что жизнь на правом берегу по-настоящему в скифскую эпоху еще не возрождалась. Факт возведения каменного сооружения оборонительного характера поблизости (в полукилометре) от Кочипэ говорит об отсутствии стабильности в этих местах.

Речь идет о каком-то загадочном строении на третьей террасе р. Шхагуаше типа нартских конюшен. Между Кочипэ и прудами на северо-северо-восток от инфекционной больницы.*

¹³⁹ Черных Е.Н. Новые памятники бронзы в Закубанье//Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа. М., 1996. С. 155-156.

¹⁴⁰ Ловпаче Н.Г. Могильник Кочипэ (Восточный) в Майкопе//Культура и быт адыгов. Майкоп, 1991. С.85-93. Табл. III.

* Ныне это место занято частным строительством.

Ручка бронзового зеркала VI в. до н.э. из с. Трёхречного
(случайная находка А.Кушнарёва)

1. Рукоять со скульптурными окончаниями (пантера и олень).
2. Сечение стержня рукоятки.
- 3, 4 – отдельные прорисовки скульптурок.

Комплекс керамических сосудов из погребения №4 V-го в. до н.э. южного участка кахатлежа Тыгакочипэ.

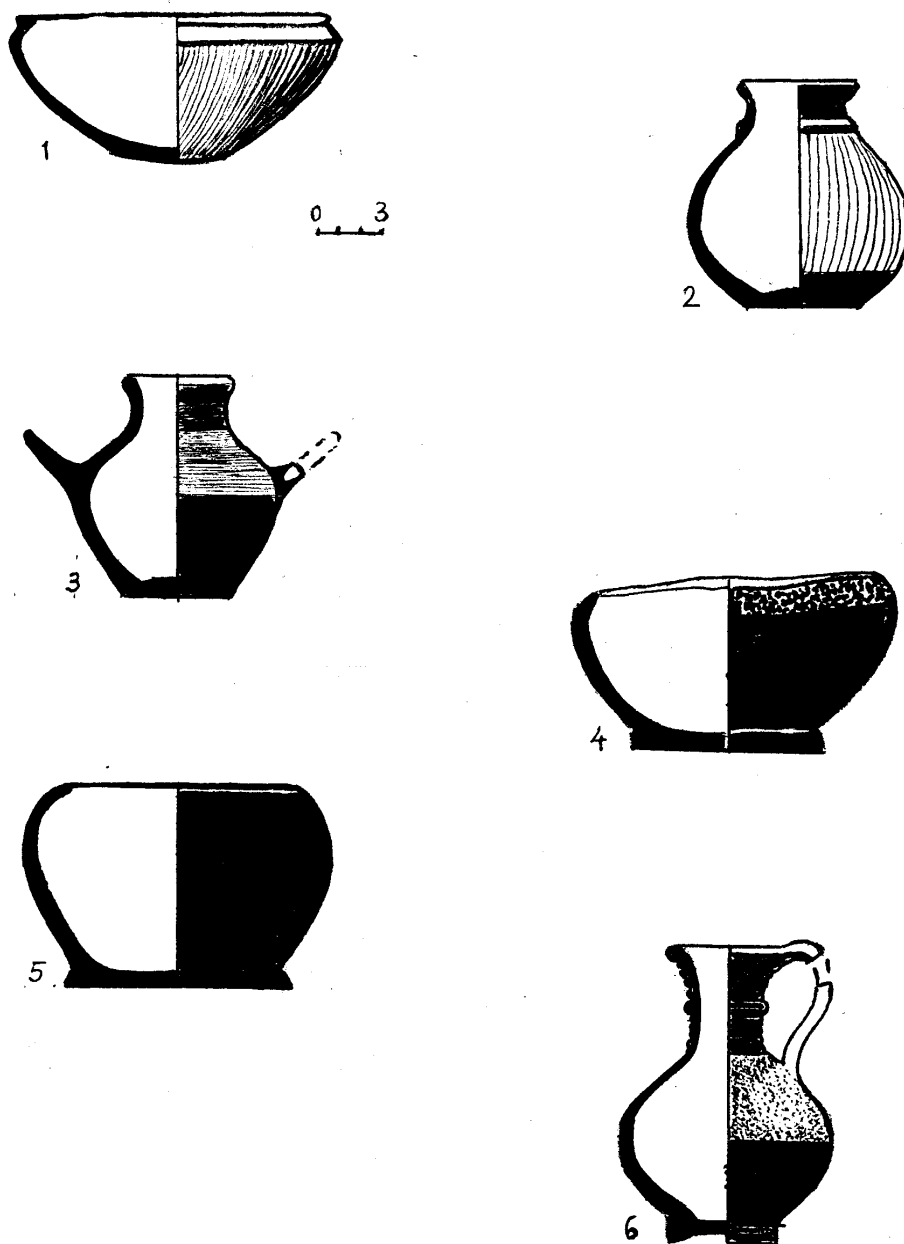
- 1. Чёрно-глиняный гончарный кувшин – реконструкция.**
- 2. Серо-глиняный гончарный кувшинчик.**
- 3. Чёрно-глиняная гончарная миска на ножке.**
- 4. Серо-глиняная кружка с витой ручкой.**
- 5. Красноглиняная крынка.**

Материал погребений Кочипэ и Шунтука (Табл. №XXXII) раннемеотского периода свидетельствует об активных связях с кобанской культурой Центрального Кавказа и даже, может быть, появления здесь кобанской общины.* Погребальный инвентарь раннемеотской части кахатлежа активно отражает влияние «скифской моды» в оружии и конской сбруе. В погребениях нет ни одного ковша-черпака с высокой ручкой. Но зато в курганных захоронениях этого времени в степях Северного Причерноморья этот элемент древнемеотских □асков и хаттов Закубанья, очевидно распространяет ставшее скифским племя авхатов.¹⁴¹

Возможно, в этот период было поселение на горе с юго-восточного угла города, укрепленное каменными стенами но этот памятник лишь разведан. Более детальное исследование его затрудняется дачами. Вблизи цитадели рассмотренной по каменным блокам из стен краеведом В. Горбачевым доисследован разрушенный курган, содержащий, по рассказу дачников – владельцев участка, предметы (наконечник копья, керамику, браслет) скифской эпохи, и показывающего соответствующий погребальный обряд.

* В погребении №1 «амазонки» могильника Кочипэ найдена каменная плита и пряслице, что характерно для кобанских погребений.

¹⁴¹ Смирнов К.Ф. Меотский могильник у ст. Пашковской//МИА, №64. М. 1958.

Керамика из погребений VI-IV вв. до н.э. шунтукского
грунтового кахатлежа.

1. Серо-глиняная гончарная миска.
2. Чёрно-глиняная гончарная аррибалическая вазочка с
линейным орнаментом.
3. Чёрно-глиняный двуручный сосуд гончарного изготовления.
4. Серо-глиняная лепная чашка.
5. Чёрно-глиняная лепная чашка.
6. Серо-глиняный гончарный кувшинчик.

Развертка курджипского колпачка с пуантильной надписью.

3. Расцвет города Авхиды в эпоху эллинизма (IV-I вв. до н.э.).

О том, что стабильности в Закубанье не было не только в раннемеотский период, но даже и в начале среднемеотского периода, говорит факт военного эпизода, датируемого, примерно, серединой IV –го века до н.э.

В верховьях р. Псатия в то время произошла битва между двумя племенами. Предположительно, это была война между авхатами и синдами.

Об этой битве сложена песня, дошедшая в фольклоре адыгов до наших дней. иллюстрацией к этой битве явилось изображение на золотом колпачке Курджипского кургана, раскопанного преподавателем Екатеринодарской гимназии В.М. Сысоевым в 1896 году.

Третьим источником информации об этом событии является довольно обширная надпись, пуантильно исполненная древним ювелиром на костюмах четырех фигур воинов. Л.К. Галанина, опубликовавшая материалы Курджипского кургана в отдельной книге, вышедшей в Ленинграде в 1980 г., пишет: «Одежда отделана мехом (штриховая кайма на бортах кафтана), вышивкой или бляшками (узоры из точечных наколов на шароварах, полах и рукавах кафтанов)».¹⁴² Но внимательное рассмотрение и искусствоведческий анализ «узоров из точечных наколов» убеждает в том, что пуантильное изображение на кафтанах воинов не является ни деталями одежды, ни декором. Против деталей – количество и расположение изображений, а против орнамента – отсутствие необходимого количества раппортных повторов, формирующих декоративный ритм.

Имея ввиду содержание песни о Шхагоще, в которой поется о битве между двумя адыгскими племенами в верховьях реки, можно предположить изображения на костюмах как родовые тамги участников сражения. В самом деле, среди пуантильных знаков замечаются тамги – больше всего абазинских родов: Балловых, Батырби, Биджевых, Лаказовых, Лоовых, Куловых, Кульбек, Пшимаковых, Трамовых, Фотовых, Хачуковых; шапсугов Тлепщуко; бжедугов Кучук и Пчехатлук; кемиргоев Болотоковых, Хахушк; кабардинцев Дурдымовых; черкесов Астемир; махошей Мафедли и др. Однако эти тамги изображены

¹⁴² Галанина Л.К. Курджипский курган. Л. 1980. с. 93.

не в случайной последовательности. Они вплетены в единый текст исторической песни или легенды. В расположении знаков по четырем фигурам воинов можно увидеть хеттский бустрафедон по вертикали, т.е. глаз должен двигаться сверху справа и вниз влево. К такому прочтению подсказывает разделение костюмов на две вертикальные половины каждой фигуры, разграниченные треугольным разрезом кафтанов. Скорее всего, надписи следует читать автономно на каждой фигуре.

К надписи располагает и принцип сочетаний соседних знаков представляющих довольно сложные соединения для тамг, а также сама форма начертаний. Видимо надпись выполнена не известным арамейско-финикийским дуктом, по которому она никак не читается, а хеттским силабарием, усложненным иероглифами, т.е. местным кавказским письмом, о котором Г.Ф. Турчанинов писал в опубликованных им в России и Иордании книгах¹²². Если отталкиваться от хеттского силабария с коррективами знаков на меотских «таблетках», удастся прочесть строку на правой вертикальной половине воина в шлеме по хеттско-абазински «п(и)-шъуа-(хъа)-ти-я «аха» –«Лу»-ла* «арами» Хъацукъо» что можно перевести на русский язык как «Псатия (в) верховье бурлящем глазами на запад люди рода Хачуко».

Суть исторической песни о Шъхъагощэ в том, что с целью исполнения похорон погибших воинов пришлось отрубить всем головы, сложить в один курган, чтобы каждый полководец взял столько голов, сколько у него нехватило воинов от доратного числа¹²³. В связи с таким исходом битвы река получила название «Шъхъагощэ» – т.е. «дележ голов». Естественно, позже, уходя от неприятной ассоциации, гидроним переименовали в «Шъхъагуащэ» (голова княжны), что гораздо благозвучнее.

Старинная песня о Шхагоще, хотя интригующе интересна, но во многом загадочна и непонятна. Во-первых, неизвестно, из-за чего произошла битва. Во-вторых, неизвестно, между какими племенами или народами велась война. В-третьих, неизвестно, как называлась река Шхагоще до битвы. В-четвертых, очень интересно, почему колпачек с изображениями воинов и

¹²² Турчанинов Г.Ф. Открытие и дешифровка ... С.42

* В кавычки взяты хеттские слова.

¹²³ В песне поется о столь яростном сражении, что погибших дзэотлей нельзя было узнать и, в связи с этим, нельзя было отличить своих от чужих.

отрубленных голов, так наглядно иллюстрирующий «дележ голов» – «Шхьагоще» оказался в погребении Курджипского кургана.

Л.К. Галанина, комментируя сцену, изображенную на колпачке, предположила иллюстрацию к меотскому эпосу¹²⁴. Очень заманчиво проверить – а не подтвердит-ли предложение ленинградского исследователя дешифровка пуантильных знаков? Но тут встает первое препятствие к дешифровке – пуантильное начертание, которое сильно затрудняет локализацию отдельных «аурограм». С одной стороны пуантильность затрудняет индивидуальную локализацию, с другой – дает определенную свободу в оформлении логограмм. Судя по фотографичным фрагментам в книге Л.К. Галаниной и альбоме Н.В. Анфимова «Древнее золото Кубани», художник, исполнивший прорисовку развертки рисунка колпачка, добросовестно и довольно точно отразил изображение вместе со знаками. Фактически, он уже частично выполнил локализацию логограмм и, таким образом, побуждает к дальнейшей операции. И такая работа приводит к результату в 100 знаков, с учетом детерминативов персон.

При первом же взгляде становится ясным, что это не древнегреческое письмо, и не менее ясно видится десяток хеттских иероглифов, а больше всего позднехеттских силаб.

Но в IV в. до н.э., которым датируются погребения Курджипского кургана, уже не могло быть ни чистой хеттской иероглифики, ни хеттского силабария, ни финикийского или библского письма. Для того времени на Кавказе (за хребтом) замечены сигналы позднеарамейского письма. Однако, имея ввиду «меотские таблетки» III в. до н.э. – IV в. н.э., на которых имеются знаки всех перечисленных письменных систем¹²⁵, можно допустить одновременное использование трех перечисленных систем письма: хеттской силабо-иероглифической, финикийской и арамейской. Такое допущение правомочно еще и потому, что в последствии, уже в эпоху средневековья, как в свое время предполагал Г.Ф. Турчанинов, у касогов функционировало письмо сирийско-несторианского типа,

¹²⁴ Галанина Л.К. Курджипский курган. Л., 1980. – С.61. «...Независимо от окончательной расшифровки сюжета можно говорить о его связи с меотским эпосом».

¹²⁵ Ловпаче Н.Г. Об истоках северокавказского единства//Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа. М., 1996. – С.104.

исходившее от арамейского. По наблюдениям автора, даже в позднем средневековье (что подтверждается европейскими историками)¹²⁶, когда еще существовало у адыгов национальное письмо, в надписях на каменных плитах, скалах, металлических предметах наблюдается одновременное употребление идиограм, силаб, иероглифов и даже пиктограмм¹²⁷.

Подобный хронологическо-типологический эклектизм характерен и для других областей адыгской культуры. Необходимо еще учесть диффузионные процессы второй половины IV в. до н.э., связанные с миграцией халибов из Анатолии, экспансией Боспорского царства на восток, способствующей внедрению западных меотских племен различного происхождения в этническую среду восточных древнеадыгских племен.

Если представить, согласно датировке Л.К. Галаниной, что в последней четверти IV в. до н.э. умер вождь из племени авхатов, базировавшегося в то время в горных окрестностях г. Авхиды, можно допустить его участие в битве на Шхагоще примерно в начале второй половины века. Песня о Шхагоще могла быть сложена сразу после битвы, согласно законам адыгского песнетворчества в отношении жанра героической песни. Поскольку в песне поется об уже утвердившемся новом гидрониме, следует представить некоторую мифологизацию события за прошедшие 20 или 30 лет. Почему именно в начале 2-ой половины IV в. до н.э.? Потому, что в середине того века произошло окончательное присоединение Синдики к Боспору и синды и другие Приазовские и припонтийские племена в качестве активной военной силы стали использоваться боспорскими архонтами в распространении своего влияния в глубину Кавказа. На рисунке колпачка этнографически и антропологически воины разделяются на две пары. Одной более рослой пары длинный узкий меч синдомеотского типа и отрубленная голова более удлинённо-вертикальной формы, сходная с головами соответствующих воинов. У другой пары, один воин которой в шлеме типа адыгского «кипха», широкий

¹²⁶ «В этом отношении показательное утверждение архиепископа Иоанна (XV в.) о том, что адыги «имеют собственный язык и письменность» – История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII века. М., 1988. – С.253.

¹²⁷ Ловпаче Н.Г. Этническая история Западной Черкесии. Майкоп, 1997, рис. 42, 44.

более короткий меч и отрубленная круглая кавкасионская или понтийская (долихокранная) голова, подобная головам двух средних коренастых воинов развертки. Широкие короткие мечи ближнего боя, предвосхищающие спартаковский меч римского времени, характерны для адыго-меотского воинства IV-III вв. до н.э. К тем аналогиям, которые приводит Л.К. Галанина, необходимо добавить Псекупский могильник №1 Нечерезийские курганы. Натырбовский курган, могильник с. Великовечного и, непосредственно, вблизи Курджипса Майкопский грунтовой могильник IV-III вв. до н.э. на курганном некрополе в юго-западной стороне от Майкопского пытапэ¹²⁸.

Если следовать мнению лингвиста О.В. Трубачева об индоарийской этнической принадлежности синдов¹²⁹, то более рослую пару воинов колпачка можно представить синдами или скифами. Одинаковость причесок и костюмов объясняется общераспространенной военной модой. Копья, опущенные остриями вниз символизируют перемирие на время погребения воинов. Отрубленные головы и открытые рты воинов подтверждают текст песни о споре и дележе голов.

Хотя Л.К. Галанина, критикуя ювелира из Курджипса, пишет о неумении примитивности и диспропорции рисунка, но это не соответствует искусствоведческой истине. Напротив, это изображение очень умело и даже лихо стилизовано и отвечает всем требованиям идеографического искусства, исполненного в «египетском стиле». Головы и ноги в профиль, а плечи и глаза на профильном лице в фас. В отношении пропорций следует заметить, что художник-торевт очень принципиально и последовательно изобразил всех четырех воинов головастыми и коротконогими, тем самым гиперболично отразив антропологический национальный тип. Следование «египетскому стилю» позволило ему ярче показать национальные особенности этнического типа кавказских хаттов и авхатов, а также независимость местного примитивистского искусства от общеизвестного древнегреческого искусства эллинизма, отличающегося натурализмом.

¹²⁸ Ловпаче Н.Г. Могильники в устье р. Псекупс//ВИА, Майкоп, 1985, табл. XVII.

¹²⁹ Трубачев О.В. Некоторые данные об индоарийском языковом субстрате Северного Кавказа. ВДИ. 1978. С.

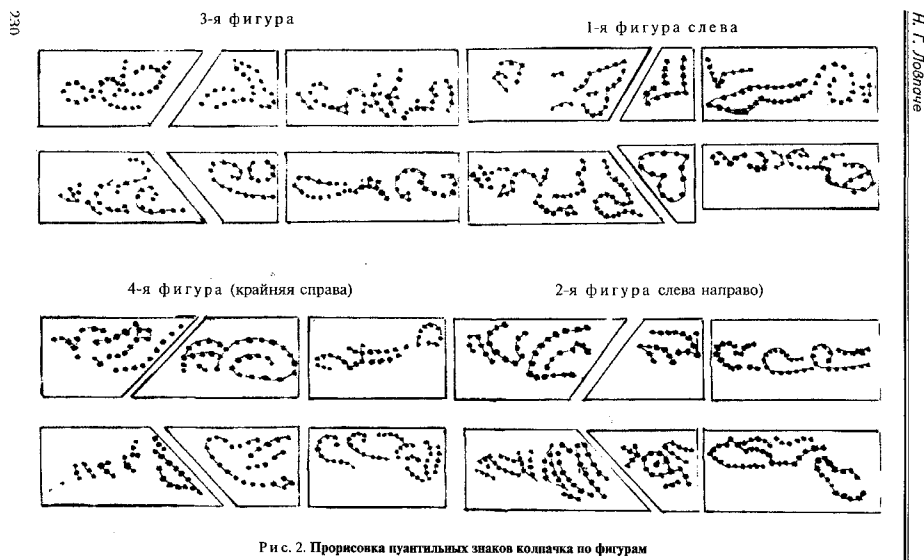
Стараясь придать эпический вид тексту и рисунку на костюмах воинов древний златокузнец стилизовал и письменные знаки под орнаментальные мотивы, чем серьезно затруднил сопоставление их со знаками известных для того времени письменности. Знаки пуантильного текста получились фигурно-декоративными и не случайно Л.К. Галанина заподозрила в них декор или детали костюма. Это можно сравнить с надписью современного художника-оформителя, стилизовавшего буквы русского алфавита под старославянский шрифт.

Какое же содержание дает дешифровка вертикального бустрофедона* Курджипского колпачка? Во-первых, последовательность чтения уже не соответствует хеттской иероглифике и силабарию, т.е. справа налево. По смыслу здесь логично читать слева направо, т.е. уже по принципу позднеарамейского, но в пределах каждой фигуры сохраняется хеттский принцип «сверху вниз, справа налево». Во-вторых, текст читается на абазинском языке и не только потому, что он, на взгляд языковедов, является наиболее архаичным вариантом среди абхазо-адыгских языков, но, главное, из-за многочисленных совпадений и близости слов и оборотов речи, с хеттским (вернее с хаттской частью его).

Первой для чтения напрашивается 3-я фигура слева, т.е. единственного воина в адыгском национальном шлеме «кипха». Правая половина фигуры при движении глаза сверху вниз дает этно-географическую привязку: «П-шъуа-ти-я «аха» – «лу» ла «агагi» Хьацукъо» – Псатия (в) верховье бурлящем глазами на запад (люди) (рода) Хачуко (Табл. №XXXIV-XXXV).

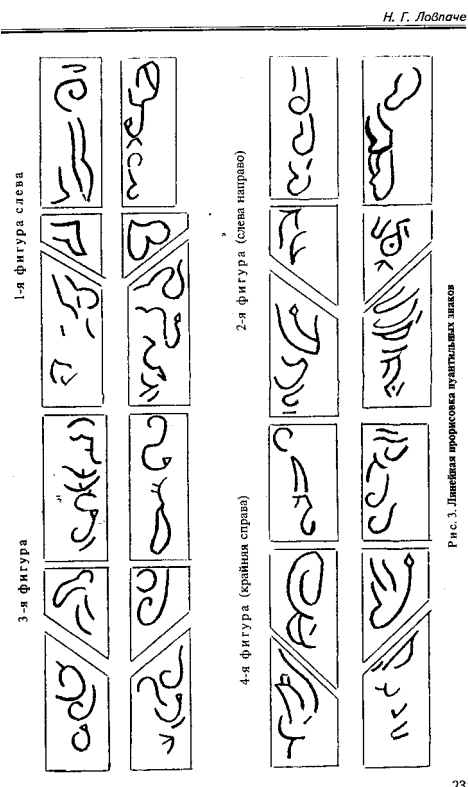
* Бустрофедон – от греческого «bus» – бык и «strepho» – поворачиваю – способ письма, при котором в конце строки писец не возвращал перо в начало строки, а следующую строку пишет в обратном направлении (по принципу пахоты на быках).

ТАБЛИЦА №XXXIV.

Прорисовка пуантильных знаков по фигурам воинов на золотом колпачке.

ТАБЛИЦА № XXXV.

Линейная прорисовка знаков Курджипского колпачка.

Левая половина при движении снизу вверх выявляет причину битвы: «Гъа-ла-пс ла-шъа «агагi» «Уа-та» «на-на» «Ма-Урани» – умирают в слепой вражде господя солнца и луны – Урании:

правая: на 4-ой фигуре читаем: «Жваба ма-къа уорк ба «Тесуба» «harwana» Тана ахы» – Десять богатырей уоркских сыновей Тешуба (Афы) (Шибле) послал князь Таны.

левая: «ди х1а «Sauska» на-на» – их полководец господин бог войны Сосрыква.

Первая фигура разверстки справа сверху вниз читается: «Батас чи-та «Tabihî» на-тх – а «ta-r-pî» – Читы из Баты (богини) Табихи натов топчут. Левая половина фигуры снизу вверх читается: «ар-ра Ба-та «Тесуба» ла ар-ра – гаш1э Мысырыко «агагi» – дружина Баты (воодушевляемая) Афы (Шибле) войско устрашает выходцев из Египта враждебных.

Вторая фигура (правая половина): «Айнаржи хъары-па зэ-те-дзы-гъа-х Ку-ай гъу-ки» – Айнаржи (Тлепшу) жертвенные лепешки отшлепал Кувай кузнец.

Левая половина: «Вin» (ра) жваба (ра) у-у «hui» хару «arha» Ха-кар ла-жъ» – тысяча десять человек усек для дележа голов Хакар лаз.

Какую же историческую информацию можно почерпнуть из этой дешифровки*.

Во-первых, как и рисунок, текст надписи подтверждает содержание старинной адыгской (абадзехской) песни в отношении нового гидронима, связанного с дележом отрубленных голов. Возможно, в начале этот гидроним звучал по абазински как «(а)Хархадз(ы)» и в искаженном виде сохранился в гидрониме правого притока Курджипса «Хакодз». Но в последствии, уже в средневековье примерно в XIV в. когда абазины, диффузировавшие в черкесскую среду, растворились в ней и превратились в абадзехов, гидроним приобрел вид «Шхагоще». Но возникновение смысловой части уверенно можно отнести к (концу) IV в. до н.э. То есть, мы получаем датировку рождения современного адыгского названия главной водной артерии Адыгеи.

* Детали и методика дешифровки требуют отдельного описания, которое в данной истории неуместно.

Во-вторых, текст первой читаемой фигуры выявляет более древний гидроним, предшествовавший битве Шхагоще, т.е. Псатий. Это имя реки подтверждается «Географическим руководством» Клавдия Птолемея¹³¹.

В-третьих, на этой же фигуре посредством рода Хъачуко указывается основной местный контингент и, очевидно, его глава «князь Хачу» (Х1ацу абазинская – быкоголовый, что можно понимать по аналогии с хеттским как «сильная голова»). «Къо», видимо позднее черкесское добавление «сын». По хеттски подобная конструкция должна звучать как «har-zuzwi». Такое имя располагает к роли руководителя. На этом основании логично предположить Курджипского «Хъацу» в должности «мэра» города Авхиды. Ведь вокруг Майкопа ближе Курджипского кургана не найдено ни одного столь богатого памятника. Похоронили же князя Хачу на его родине, где он родился в селении на правом берегу р. Курджипса*.

В-четвертых, на этой же фигуре указывается причина баталии. Оказывается «умирали люди рода Хачуко» из-за религиозных противоречий. Здесь называется «Wata nana» – по хеттски «господин Солнце» как главное местное мужское божество. Это соответствует исторической, этнографической, фольклорной и археологической истине. Противным божеством в тексте является «Амза» или «Мазэ» – луна, отождествляемая с Афродитой – Уранией (небесной) одним из главных древнегреческих культов Боспорского царства¹³². Конечно, это формальная мотивировка экспансионистской политики Боспора. Однако за этой религиозной формальностью скрывается много важных моментов, разделявших в ту эпоху кавказские и античные культуры древних греков. Хотя под этой экспансией можно усмотреть и прогрессивную идею боспорских правителей местной варварской династии Спартокидов, стремившихся преодолеть сепаратизм племенных вождей с целью объединения древне адыгских племен в централизованное государство.

На второй фигуре, т.е. последней в последовательности чтения, указывается имя «Кувай» – кузнеца-ювелира в связи с

¹³¹ Аталиков В.М. Античные источники о Северном Кавказе. Нальчик. 1990. – С.149.

* Это место почти совпадает с мамхегско-убыхским селением Уордене.

¹³² Античные государства Северного Причерноморья. Археология СССР, Т.9. – М., 1984. – С.220, Табл. LXXIX – 10, табл. LXXVIII – 40.

богом-кузнецом Айнаржи (абхазск.) или Тлепшем (адыгейское), или Худимом (хаттско-хеттское), или Хасамилем (хаттско-шумерское), который, по аналогии с древнегреческим Гефестом, был покровителем и художников. То, что род Кувайский мог быть ремесленно-ювелирным, подтверждает информация Брант¹³³э Зачерия, который называет Кувая Борока (видимо, из абазинского племени барокаевцев) в числе трех знаменитых абадзехских ювелиров позапрошлого века¹³³.

Летописец и ювелир «Кувай гуки» стараясь придать эпический характер своему сообщению, выражается языком нартского эпоса адыгов, хотя передает события недалекого прошлого с конкретной исторической и географической информацией. Так, он не называет ни одно племя сражавшихся, а делит их на натов и читов. Своих он обобщенно называет по-шапсугски и натухайски натами, а вражеских – читами. В одном случае автор текста рискнул назвать отряд колхов или абхазов, но завуалировал его этно-топонимом Мысырыко, т.е. выходцы из Мысыра (Египта). Это выглядит очень внушительно, как будто на помощь адыгам прибыло войско из далекой Африки. Но еще Страбону (I век до н.э.) и Птоlemeю (II-ой н.э.) были известны жители Колхиды, как переселенцы или выходцы Египта¹³⁴. Эти античные историки и географы описывали более ранние события.

Древнеадыгский автор не называет синдов или керкетов, или зихов, но указывает «Читы из Баты», а каких-то южнодонских скифов присылает из Таны, т.е. с Дона. И низовья Дона и г. Бата на месте нынешнего г. Новороссийска входили во второй половине IV в. до н.э. в Боспорское царство.

Единственный этноним в тексте Курджипского «тупалы» (писца по-хеттски), который он не замаскировал, это Хакар лаз. Племя лазов, действительно, в то время уже было известно Клавдию Птоlemeю на южном склоне Кавказского хребта¹³⁵. Однако, неизвестно, в какой роли Хакар принимал участие в битве на Шхагоще. По тексту получается, что этот лаз осуществил неблагодарную миссию исполнителя своего или чьего-то совета об отсечении голов. Но если здесь называется племя лазов, значит, автор не причисляет его к натам (нартам).

¹³³ Брант¹³³э Зачерий. Адыгэмы лъапсэр. Архив АРИГИ, папка №79.

¹³⁴ Аталиков В.М. Античные источники ... С.58,73.

¹³⁵ Аталиков В.М. Античные источники ... С.150,237.

В надписи Курджипского колпачка подтверждается общее наблюдение в отношении древних письменных памятников адыгов – без имени бога или нескольких языческих божеств не обходится ни одна надпись. Это говорит о развитости и устойчивости языческого пантеона древних и средневековых адыгов, что характерно и для хеттской культуры эпохи бронзы и начала раннего железа. На каждой фигуре обязательно называется имя божества. Для чинтской половины самым главным является Тешуб (хеттско-хурритос), или абхазско-абазинский Афы, или адыгский Шибле – бог грома и молнии, которого можно сопоставить с древнегреческим Зевсом. В ипостаси «спасителя» культ Зевса фигурирует в качестве одного из главных во всех государственных образованиях античной эпохи в Северном Причерноморье¹³⁶. Непосредственно для азиатской части Боспорского царства наибольшее значение имели культы Зевса спасителя и благодетеля. В результате культурно-религиозного синкретизма важнейшее значение приобретает местный культ бога-всадника. Здесь он предстает под именем «Сауска», который в хеттском пантеоне фигурирует бикультовым божеством «Сауска-Кибела» ((Кубаба) или более ранний «Саусга – Камрусеп (Катахцифури). Иногда упоминается в соседстве с именем Sausga вместо Кибелы вавилонская «Istar»¹³⁷.

В тексте колпачка писец Кувай не называет по имени этого бога «Sauska», но изображает логограмму (иероглиф) имени, что говорит о его малоазийском образовании и, видимо, халибской этнической принадлежности¹³⁸. В данном конкретном случае, в связи с нартским эпосом под этим иероглифом должно быть имя Сасруко-Сосрыквы (адыгское Саусрыко, наиболее близкое «Сауска»). Но если главный герой нартского эпоса адыгов в роли бога войны покровительствует читам, значит успех сражения был не на стороне Нартов. Поэтому войско «читов из Баты» (видимо конное) топчет пеших горских Нартов. И поэтому же войско из Баты, воодушевляемого Тешубом (Зевсом) устрашает войско выходцев из Египта.

¹³⁶ Античные государства Северного Причерноморья. Археология СССР. Т. 9. М., 1984. – С.220.

¹³⁷ GELB IGNACE J. HITITE Hieroglyphs T. Chicago, 1931. с. 285.

¹³⁸ Металлургия, кузнечество и ювелирное искусство всегда были главными ремеслами хаттов-халибов.

Кроме этих двух богов, автор текста называет имя Луны – Урании, под которым мыслится Афродита, и изображает логограмму хеттской богини Табиhi. У скифов Северного Причерноморья почиталась великая богиня Табити, заимствованная из переднеазиатского сонма богов¹³⁹.

Из местных богов называется главный солнце, но не по абазински (абхазски) «Амра» и не по адыгски «Тыгъэ» а по хеттски «Уата», что окончательно укрепляет в мысли о халибском происхождении Кувая. Другое божество, видимо, было особенно важным для ювелира. Это абхазский бог – кузнец Айнаржи или адыгский Тлепш, но, скорее всего малоазиатский Хасамиль или Худим. Здесь изображен символ (тамыга) Тлепша в виде контурного начертания человеческой (лапы) стопы, символизирующего первую наковальню Тлепша. Под словом «хъарып1э» (жертвенные лепешки), возможно, мыслится благодарение и мольба богу-кузнецу о благословении и удаче в ювелирном деле. Глаголом «зэтедыгъэх», может быть в те времена выражалось не адыгское отшлепали или нашлепали, а «отстукали» или «отчеканили».

Возвращаясь к предсказанию автора книги «Курджипский курган» о меотско-эпическом смысле изображения на золотом колпачке, можно с удовлетворением заключить, что ауроглифическая* пуантильная часть изображения подтверждает догадку исследователя из Гос Эрмитажа.

Несомненно, и то, что этот текст, учитывавший песенную форму, должен был рифмоваться. Некоторые варианты дешифровки сигнализируют о рифме. Так, на крайней справа фигуре воина надпись левой половины звучала «арара канн Сауска (Сосрыква) нан». Если бы было больше синонимов и омонимов древнеабазинского (древнеадыгского) или абхазского, можно было срифмовать весь текст. Это тем более вероятно, что уже точно установлен адыгским нартоведом А.М. Гадагатлем факт певческого поэтического исполнения нартских циклов эпоса адыгов.

Поскольку неизвестно время, когда старинная песня о Шхагоще приобрела дошедший до нас вид, следует считать древнейшим текст Курджипского колпачка. Следовательно,

¹³⁹ Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989.- С.120.

* *augum* – золото (латинское); *glifo* – писать (греческое), т.е. письмо по золоту.

можно представить обратную операцию, т.е. что старинная песня передает уже в схематичном виде содержание эпического текста, воспроизведенного на золотом колпачке в последней четверти IV в. до н.э., т.е. не ближе 2300 лет тому назад.

Битва на Псате

В рассказе античного историка I-го века до н.э. Диодора Сицилийского о «Битве на Фате» (или Псате) описывается война за престол Боспорского царства, вспыхнувшая в 309 г. до н.э. между сыновьями умершего царя Перисада. Поскольку место основных военных действий по всем признакам попадает на территорию Адыгеи, а решающий эпизод – непосредственно совпадает с нынешним Майкопом, имеет смысл привести этот исторический документ полностью дословно.

«При архонте Гиеромнемоне а Афинах в 310-309 г. в Понте по смерти Перисада, царя Киммерийского Боспора, сыновья его Эвмел, Сатир и Притан подняли между собой войну из-за власти. Старший из них Сатир, получил власть от отца, царствовавшего тридцать восемь лет, но Эвмел, вступив в дружеские отношения с некоторыми из соседних варварских народов и собрав значительные военные силы, стал оспаривать у брата власть. Сатир, узнав об этом, двинулся против него со значительным войском; перейдя через реку Фат* и приблизившись к неприятелю, он окружил свой лагерь телегами, на которых привез огромное количество провианта, затем выстроил войско и сам по скифскому обычаю стал в центре боевого строя. Союзниками Сатира в этом походе были греческие наемники в числе не более двух тысяч и столько же фракийцев, а все остальное войско состояло из союзников скифов в количестве двадцати с лишним тысяч пехоты и не менее десяти тысяч всадников. На стороне Эвмела был царь Фатеев Арифарн с двадцатью тысячами конницы и двадцатью двумя тысячами пехоты. Когда произошло упорное сражение, Сатир, окруженный отборными воинами, завязал конную стычку со свитой Арифарна, стоявшей против него в центре боевого строя и после

* В силу близости написания греческих букв «фи» и «пси», здесь следует правильное читать «Псат» а не «Фат», так как первый подтверждается античными источниками.

значительных потерь с той и с другой стороны принудил, наконец, варварского царя обратиться в бегство. Сначала Сатир бросился его преследовать, убивая всех попадавшихся на пути, но немного спустя, услышав, что брат его Эвмел одолевает на правом фланге и обратил в бегство его наемников, он прекратил преследование и поспешил на помощь побежденным; сделавшись вторично виновником победы, он разбил все неприятельское войско, так что для всех стало ясно, что и по старшинству происхождения и по храбрости он был достоин наследовать отцовскую власть.

Те из воинов Арифарна и Эвмела, которые уцелели в сражении, бежали в царскую крепость; она стояла у реки Фат (Псат), которая обтекала ее и вследствие своей значительной глубины делалась неприступной; кроме того, она была окружена высокими утесами и огромным лесом, так что имела всего два искусственных доступа, из которых один, ведущий к самой крепости, был защищен высокими башнями и наружными укреплениями, а другой был с противоположной стороны в болотах и охранялся палисадами; притом, здание было снабжено прочными колоннами, и жилые помещения находились над водой. Ввиду того, что крепость была так хорошо укреплена, Сатир сначала опустошил неприятельскую страну и предал огню селения, в которых набрал пленных и множество добычи; затем он сделал попытку вторгнуться силой через проходы, причем, со стороны передовых укреплений и башен принужден был с потерей многих солдат отступить, но с луговой стороны ему удалось овладеть деревянными укреплениями. Разгромив их и перейдя через реку, он начал вырубать лес, через который нужно было пройти к царской крепости. Когда эта работа быстро продвигалась вперед, Арифарн, опасаясь, что крепость будет взята приступом, стал обороняться мужественнее, так как все спасение заключалось в победе. Он расставил по обе стороны прохода стрелков, которые и стали без труда поражать воинов, вырубавших лес, так как последние, вследствие густоты деревьев не могли ни предохранить себя от стрел, ни защищаться против стрелков.

Три дня воины Сатира рубили лес, с трудом и опасностями пролагая себе дорогу; на четвертый день они приблизились к стене, но осыпаемые тучей стрел в тесной позиции потерпели огромный урон. Предводитель наемников Мениск, отличавшийся

и умом и храбростью, бросился через проход к стене и вместе со своими товарищами стал храбро атаковать укрепления, но был отражен превосходящими силами противника. Сатир, увидев его в опасности, поспешил на помощь и, выдержав натиск неприятелей, был ранен копьем в руку. Почувствовав себя дурно вследствие раны, он возвратился в лагерь и при наступлении ночи скончался, пробыв царем всего девять месяцев после смерти своего отца Перисада. Начальник наемников Мениск, сняв осаду, отвел войско в город Гаргазу и оттуда по реке перевез останки царя в Пантикапей к брату его Притану.

Последний, устроив великолепные похороны и положив тело в царскую гробницу, быстро затем явился в Гаргазу и здесь принял начальство над войском и царскую власть. Эвмел завел, было через послов переговоры относительно части государства, но Притан не обратил на них внимание и, оставив в Гаргазе гарнизон, возвратился в Пантикапей, чтобы упрочить свою власть. В это самое время Эвмел при помощи варваров захватил Гаргазу и немало других городов и укреплений. Притан выступил против него с войском, но Эвмел одержал победу над братом и, оттеснив его к перешейку близ Майотийского озера, принудил сдаться на капитуляцию, в силу которой Притан передал ему войско и отказался от царской власти. Прибыв затем в Пантикапей, где была постоянная резиденция боспорских царей; Притан попытался было вернуть себе власть, но потерпел неудачу и бежал в так называемые Кепы, где был умерщвлен. После смерти братьев Эвмел, желая упрочить свою власть, приказал умертвить друзей Сатира и Притана, а также их жен и детей. Удалось спастись от него одному только Парисаду, сыну Сатира, очень молодому человеку; бежав из города верхом на коне, он нашел убежище у скифского царя Агара»¹⁴⁰.

Далее Диодор описывает успешное управление Эвмела Боспорским царством, присоединение значительной части соседних варварских земель к своему государству и даже стремление к покорению всех племен, окружавших Понт Эвксинский.

Осуществлению этих замыслов помешала скоропостижная смерть Эвмела через пять с половиной лет после воцарения, в результате дорожной аварии. «Возвращаясь из Синдики в свою

¹⁴⁰ Аталиков В.М. Ук. соч. С.80-84.

землю и спеша к какому-то жертвоприношению, он ехал ко дворцу на четверке лошадей; экипаж был четырехколесный и с крытым верхом; лошади чего-то испугались и понесли, а так как возница не смог удержать вожжей, то Эвмел, опасаясь быть сброшенным в обрыв, попытался прыгнуть с колесницы, но при этом меч его попал в колесо, он был увлечен движением и тут же испустил дух¹⁴¹.

Любопытно, что Диодор очень подробно описывает ландшафт, окружающий Псатскую крепость и довольно схематично и отрывочно – военные действия. Если реконструировать ход войны между сыновьями Персиада, получается следующая история.

Сатир кратчайшим путем переправился из Пантикапея через Боспор киммерийский (Керченский пролив) и направился прямо на восток по левобережью р. Гипаниса (Кубани). Сатир, очевидно, дождался поздневесеннего или летнего времени, когда притоки главной реки обмелели, и когда он с трудом собрал свое сборное войско*. Без особых помех, преодолевая их, он дошел до 1-го крупного левого притока Псатия (р. Псат или Фат по Диодору), форсировал его примерно в районе нынешнего с. Великовечного и оказался лицом к лицу с поджидавшим его неприятелем. Здесь и произошла битва, которую Сатир выиграл. Это место битвы отмечено большим могильником среднемеотского периода с широкими мечами, железными наконечниками копий и местными канфарами. Все эти вещи не противоречат по времени концу IV в. до н.э. От этого места до Псатской крепости г. Авхида на месте нынешнего г. Майкопа, куда отступила армия Арифарна, не более 55 км безводного пути. Но на этом пути – многочисленные селения в междуречье Шагуаще (Псатия) и Лабы (Антикита), в которых Сатир захватил много добычи и пленных. Подойдя к Авхиде, он обнаружил, что Псатская (Фатская) крепость находится на противоположном берегу и вновь необходимо форсировать реку в обратном направлении. К тому же оказалось, что она очень удачно укреплена естественными преградами (омывается довольно глубокой рекой, окружена утесами, громадным лесом и

¹⁴¹ Там же. С.84.

* Проходя Таманский полуостров Сатир не мог не задеть воинственных синдов, которые должны были или присоединиться к нему, или оказать сопротивление. Возможно синды фигурируют в армии Боспорского царя под именем скифов.

болотом) и многочисленными и разнообразными фортификационными элементами (деревянными палисадами, каменными стенами, зданиями с колоннами, башнями и, видимо, рвами и валами, о чем свидетельствуют археологические разведки). Все перечисленные, как естественные, так и искусственные укрепления почти дословно и без труда узнаются и археологически просматриваются на юго-западной окраине Майкопа на левом берегу р. Шхагуаше (Белой) ее излучине, на месте и вокруг древнего Майкопского «пытапэ» (твердыни). Штурм Царской крепости на Псате (Фате), буквально, можно прокомментировать на Майкопском пытапэ (Рис. 10).

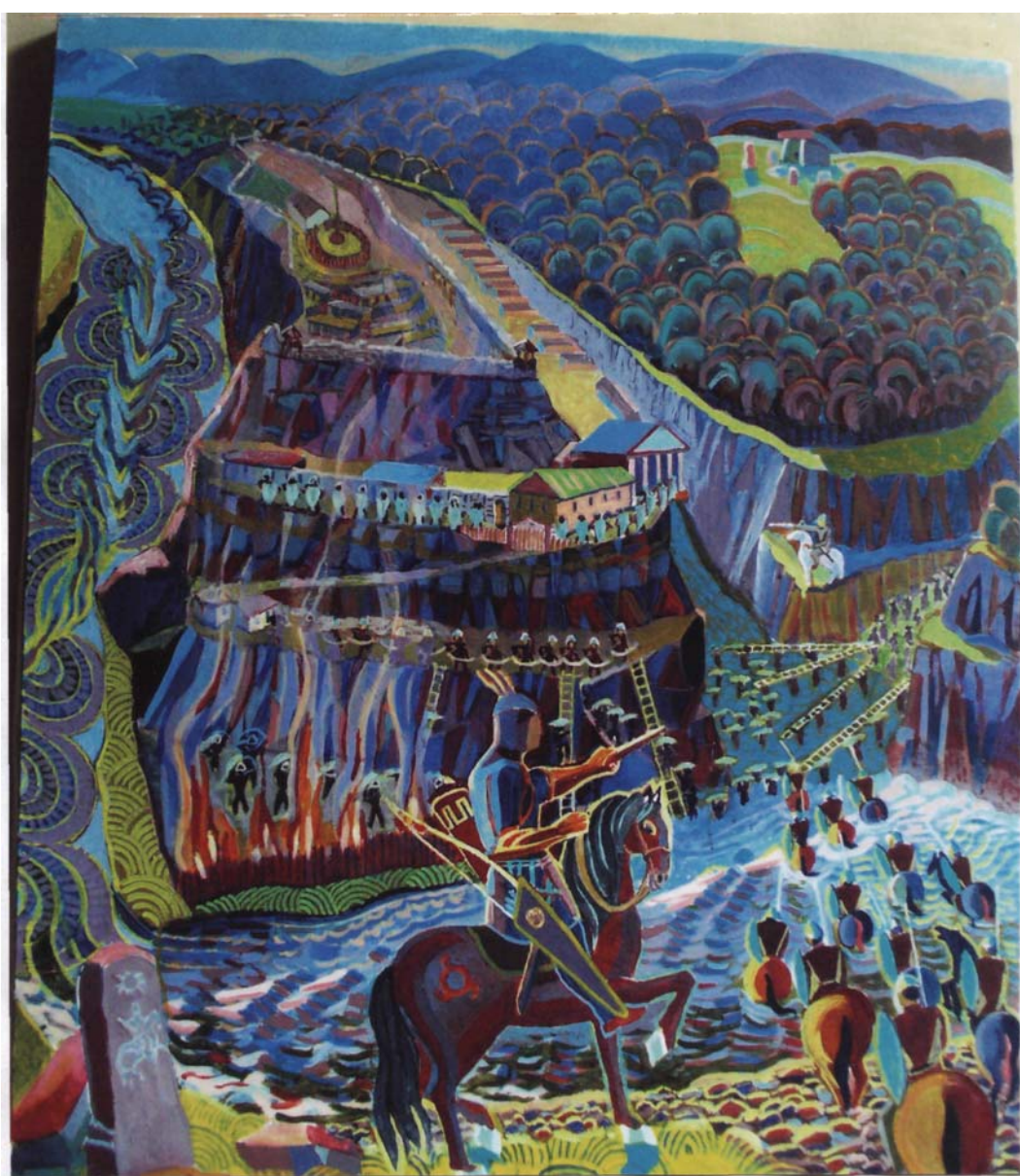

Рис. 10. Штурм Псатской крепости в 309 г. до н.э.

Во-первых, Диодор пишет, что р. Фат (Псат) обтекала царскую крепость. Действительно, река Шхагуаше (Белая) и сейчас обтекает Майкопский пытапэ, огибая ее с востока и с севера даже менее чем под 90^0 , т.е. омывая, частично и с запада. Несмотря на 2300 лет, прошедших со времени «фатской битвы» и изменившуюся ситуацию в связи с постройкой Майкопской ГЭС, геоморфологическая информация не говорит о существенных ландшафтных изменениях. Напротив, постройка плотины на р. Белой в г. Майкопе в 1940-1947 гг. как бы вернула геоландшафтную картину в ситуацию античной эпохи. То есть, современный уровень воды в р. Шхагуаше (Белой) в районе Майкопского пытапэ, благодаря дамбе, аннулировал усилия реки по углублению русла за две с лишним тысячи лет. Это не более 5-7 м., поскольку ложе р. Шхагуаше в районе Майкопа сплошь каменное, сформированное из глинистых сланцев и песчаников.

Кроме самой излучины, где река резко поворачивает с направления «юг-север» на «восток-запад», с запада пытапэ почти замыкает глубочайший овраг с ручьем, впадающим в р. Шхагуаше. Его строгая прямолинейность заставляет предположить, что это был фортификационный канал, прорытый в древности, и за счет весенних бурлящих потоков углубленный до 10-15 м. При впадении этого овражного ручья в реку образовалось болото, которое омывает и омывало в 309 г. до н.э. северо-западный угол и всю северную сторону пытапэ.

Крепость, по словам Диодора, омывалась рекой значительной глубины, что делало ее неприступной. Действительно, в настоящее время это так за счет подъема уровня воды плотиной. Но в древности горная река меньшей глубины, но быстрого течения, в совокупности с крутыми (почти отвесными) утесами по всему периметру крепости, не оставляла возможности для штурма с этих сторон. Обрывистые скальные утесы фланкировали крепость не только по (внутреннему) периметру самого пытапэ, но и по внешнему берегу оврага так, что, в совокупности с лесным массивом, окаймлявшим крепость с юга и с запада, как и ныне, и тянувшимся на всю ширину междуречного хребта Шхагуаше и Курджипса в обе стороны до Хаджуха на юг и на запад на два-три километра.

По словам Диодора, царская крепость «имела два искусственных доступа, из которых один, ведущий к самой крепости, был защищен высокими башнями и наружными

укреплениями». Этот доступ надо представлять с юга. С этой стороны северная цитадель Майкопской попытэ, по археологическим разведкам 1983-1990 гг. имела большую крутизну склона при его высоте 18 м., каменную стену шириной до 3 м. из двух кожухов с внутренней забутовкой из булыжника, с не менее чем тремя бастионами по углам.

К наружным укреплениям следует отнести ров и вал у подножия склона, которые соединяли с южного конца северной цитадели обрыв к р. Псатии, и восточный берег оврага (канала). Возможно, через ров был переброшен подъемный мост.

Другой доступ был с противоположной стороны в болотах и охранялся палисадами. Здесь непонятно лишь то, где могли располагаться палисады. Скорее всего, они представляли собой что-то типа деревянного частокола и окружали с северной стороны полузаболоченную террасу, занятую в настоящее время огородами, а с северо-западной стороны отделяли луг на мысу от устья оврага. Диодор еще пишет о каком-то здании с колоннами и о домах, которые нависали над водой. Это должно было быть с северо-западного и северо-восточного углов попытэ там, где наиболее отвесные скальные берега р. Шхагуаше и оврага. Древнеримский историк еще называет два лесных прохода, подводящих к крепости. Действительно, если зайти на плато с западной стороны, где между участками леса, как и сейчас, попадаются луговые поляны и дорога по хребту, можно спуститься двумя лощинами к северо-западному углу северной цитадели. Одна более значительная лощина сейчас явственно просматривается и в ландшафте, начинаясь от телеретранслятора, и на карте. Именно по этому проходу Сатир решил, вероятно, подвести осадную технику после неудачи штурма южной стороны. Для этого ему пришлось вырубать лес по всей длине лощины. Диодор пишет, что вначале боспорский царь разгромил палисады с луговой стороны, перешел реку, а потом начал рубить лес, чтобы непосредственно подойти к крепости с северо-западной стороны. Здесь речь, очевидно, идет не о реке, а о болоте и овраге с ручьем. В летнее время, когда ручей пересыхал, устье оврага, фактически представляло часть реки.

Конечно, когда Крушкол Ю.С. в книге «Синдика» писала о том, что Фатскую крепость надо искать не в Крыму и не на берегу р. Кубани, а в горах Адыгеи, она не знала всех этих ландшафтных и археологических нюансов г. Майкопа, а

основывалась на логике, по которой крепость с утесами (притом, каменными, над которыми могут нависать дома) не могла располагаться на глинистых берегах низовья р. Кубани и в то же время быть слишком удаленной на восток от Пантикапея. В данном случае, кажется, интуиция не подвела историка¹⁴².

Несмотря на то, что Сатир во время рубки леса и первых попыток штурма понес большие потери, он все-таки вошел в соприкосновение с северо-западной оконечностью северной цитадели, которая была менее укреплена в надежде на естественные препятствия. Преодолев палисады и болото боспорские воины под командованием начальника гоплитов Мениска, вероятно, с полузаболоченной нижней террасы поднялись на верхнюю с жилыми домами (посадами) и бросились на штурм непосредственно стен и башен цитадели, которая возвышалась над террасой на 12 м. Неизвестно, чем кончился бы этот штурм но боспорский царь, храбро участвовавший в сражении в самой гуще воинов, был смертельно ранен. В силу этого обстоятельства Мениск прекратил осаду крепости, видимо потому, что пропал весь смысл войны. Он отвез тело погибшего царя в город Гаргазу (Геруссу), который смело можно отождествить с современным Усть-Лабинском, отстоящим от Майкопа на 80 км и всегда связанного с ним удобной, довольно прямой и сухой (кроме самой переправы через р. Кубань) дорогой. Оттуда по реке останки царя были доставлены в Пантикапей. Как раз именно до устья Лабы р. Кубань всегда была судоходной.

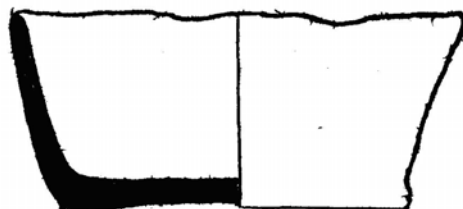
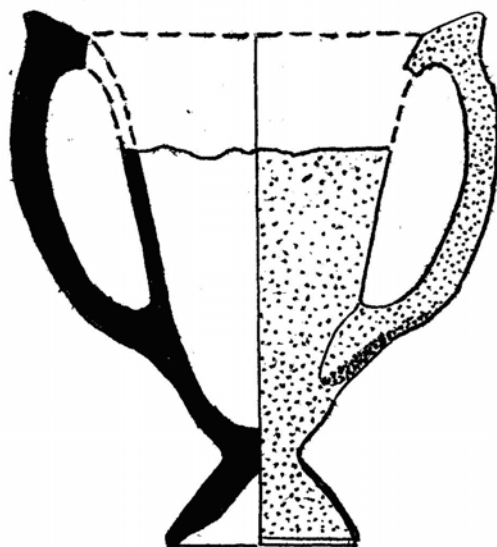
Археологические исследования на площади Майкопского пытапэ и вокруг него выявили массу материалов именно конца IV в., началом III в. до н.э. К этому же времени относится могильник кирпичного завода №2, исследованный в 1959 г. П.А. Дитлером.

На южной цитадели и на промежуточной возвышенности обнаружены грунтовые могильники среднемеотского периода. Но самое большое кладбище античного времени, материал которого синхронизируется с могильником кирпичного завода, зафиксировано на 100 курганах более древнего времени, расположенных выше пытапэ, на плато, в 700 м. на юго-запад от южной цитадели. В могилах этого некрополя, как и могильника

¹⁴² Крушкол Ю.С. Древняя Синдика. М., 1971.

Великовечного, найден широкий фатейский меч, наконечники копий, железные удила с крестовидными «жесткими» псалиями и местные керамические канфары с малоазийским стилевым коническим уклоном.

ТАБЛИЦА №XXXVI.

Керамика из погребений кахатлежа стокурганья.

- 1. Красноглиняная гончарная миска.**
- 2. Серо-глиняный гончарный канфар.**
- 3. Красноглиняная лепная чашка.**

Малоазийский сигнал здесь не случаен. Как показывают археологические материалы обоих берегов р. Пшиза (Кубани) в ее низовье, в конце IV-го в. до н.э. на территории современных Теучежского и Тахтамукайского районов республики Адыгея появляется масса поселений и могильников, в культурных слоях и могилах которых разнообразная посуда с малоазийскими признаками и малоазийских типов: конические канфары, сосуды с горизонтальными ручками и подержками, амфоровидные, пеликообразные и киликоподобные двухручники, вазочки на высоких ножках и др. Кроме керамической посуды появляются рыболовные грузила из обожженной глины трапециевидной формы; пирамидальные грузики для ткацкого станка, несколько позже стоячие глиняные плитки и плоские «таблетки». Из импортной продукции возрастает количество амфор Синопского и Гераклеяского центров.

Все эти факты говорят о миграции какого то племени с южного берега Понта Эвксинского в (Западную) Керкетю. Политическая обстановка в Малой Азии в последней четверти IV в. до н.э. такое передвижение вполне оправдывает.

Войны Александра Македонского потревожили и нарушили жизнь многих народов Передней Азии. Родственное древним адыгам племя халибов располагавшееся в Пафлагонии и какой-то части Понтики и концентрировавшееся вокруг Синопа, видимо, какой-то своей частью передислоцировалось на Северо-Западный Кавказ. Вот это пополнение и послужило гарантом возрождения и стабилизации в Закубанье. После этого и население, когда-то покинувшее равнину и отсиживавшееся в горах, стало активнее возвращаться на равнину, чтобы пахать и сеять на плодородных землях бассейна Пшиза. Именно в это время должно было organizоваться Фатейское или Фатское (хаттское) царство возглавляемое Арифарном, которое называет Диодор. В это время возникает несколько значительных городских центров. В Закубанье это Фатыпса (Хаттыпса) у подножия Нечерезийского Заеуашх, Псыфабэ (современный Горячий ключ) у выхода р. Псахапсия (Псекупса) из гор, и самый восточный г. Авхида на месте г. Майкопа, который не прекращал своего существования, но деятельность которого в тот период заметно оживилась. На правобережье Гипаниса продолжали функционировать крупные поселения, разросшиеся в города: Матета, Гаргаза (Геруса), город

неизвестного названия в нынешнем Краснодаре и в нынешней ст. Елизаветинской, где был древнегреческий эмпорий.

г. Авхида, бывший до этого центром авхатского племени, после боспорской войны стал, видимо главным опорным пунктом Фатейского царства а Арифарн в результате успешного воцарения Эвмела получил возможность объединить под своей властью десяток адыгских племен Северо-западного Кавказа.

Если предположить, что династия Спартокидов на Боспоре была меотской и что одна из жен Перисада (мать Эвмела) была кавказского происхождения, что дало Эвмелу право претендовать на царский трон, то цели Арифарна и Эвмела должны были совпадать.

Как бы то ни было, но после описанной войны в городе Авхида жизнь приобрела более интенсивный характер. Большинство памятников и материалов, разведанные и исследованные в черте г. Майкопа и его окрестностей иллюстрируют среднемеотский период. К сожалению, письменных памятников того времени, кроме Курджипского колпачка, не найдено, а сведения древнегреческих и боспорских историков в такую глубину не достигают. Отсутствие палеографики можно объяснить недолговечностью материала, если писали краской на деревянных дощечках, что имело место в постхеттских городах.

Письменные знаки на золотом колпачке из Курджипского кургана показывают более развитое силаборическое письмо, чем «меотские таблечки» Нечерезия. Последние показывают еще иероглифо-силабарическую стадию.

Основным источником по истории Авхиды служит археология. Материалы античной эпохи, во-первых, свидетельствуют об активном продолжении функции культового центра в этом месте. Насчитывается семь солярных святилищ, три из которых обнаружены и до сих пор сохраняются на левом берегу Шхагуаще, а четыре – на третьей правой террасе.

Кроме главной царской крепости на левом берегу, на правой стороне существовала в то время еще одна крепость на скальной возвышенности юго-восточного угла г. Майкопа. На правой террасе известно семь поселений среднемеотского периода. Фактически, вся она на протяжении около 10 километров (от поселка 10-го совхоза до полигона включительно) была занята семью посадками.

На левом берегу, начиная от устья р. Бгупс (Фортетьянки – Фыртыпанэко) до Красного моста через р. Курджипс в треугольнике Фортетьянка – пытапэ – Красный мост, обнаружен десяток поселений античной эпохи. Наиболее значительные из них находились на месте аула Даурхабль над слиянием Шхагуаше и Курджипса; на западной оконечности хребта Нэгъежъ, над б. хутором Драгунским и, конечно же, вокруг Майкопского пытапэ. Сама древняя Майкопская крепость тянется вдоль реки с севера на юг немного менее, чем на километр. Северная цитадель представляет собой треугольник протяженностью 300 м., заключенный между излучиной Шхагуаше и оврагом. С трех сторон самой цитадели протянулись жилые террасы где вероятно располагались жилища воинов, на самой высокой части цитадели размещались здания военачальников, дворец правителя, храм и какие-то еще административные сооружения. В настоящее время пока обнаружены стены с развалами башен и масса керамики и костей животных из культурного слоя с различными изделиями из других материалов (камень, кость, бронза, железо, стекло, халцедон, гагат).

Южная цитадель была поменьше и пониже над окружающей террасой с запада. Она имеет форму прямоугольника длиной 200 м. и шириной 50-100 м. С востока ее укрепляет река и очень крутые (а в древности отвесные) склоны шестидесятиметровой высоты. С юга – глубочайший овраг, спускающийся к реке. Вдоль западного кавальера возвышенности цитадели был вырыт ров, в последствии на половину длины засыпанный посередине. С севера южная цитадель отделена от соседней промежуточной возвышенности глубоким и довольно широким рвом. Кроме того, южная половина возвышенности отделена от северной поперечным рвом и валом. Валом эта половина была защищена по западному и южному краю. Видимо, южная половина этого холма служила загонем для скота.

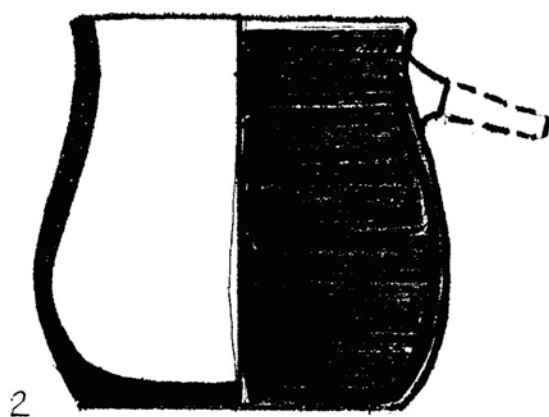
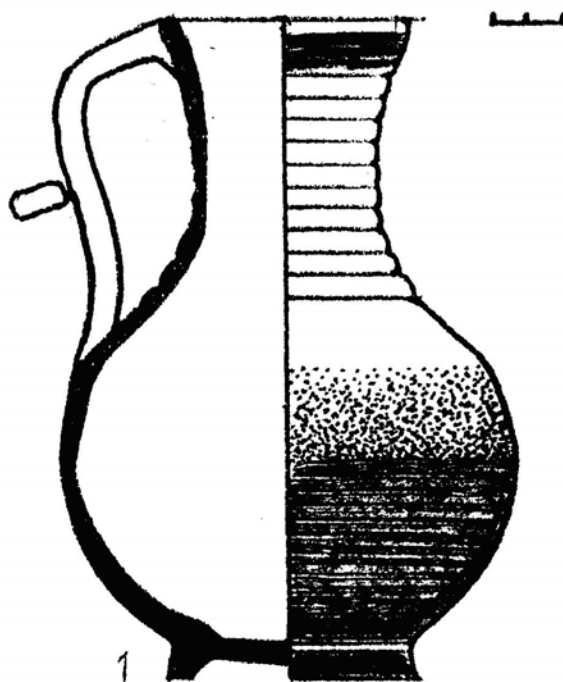
Между южной и северной цитаделями расположены две промежуточные возвышенности. На южной, равной по высоте южной цитадели, по всему видно, было святилище и некрополь (жрецов?). Здесь обнаружена могила всадника с каменным закладом последнего века до н.э. с более поздним перезахоронением. На северном промежуточном холме найден

культурный слой раннего средневековья и фатско-меотской культуры, а у подножия – следы древнего могильника.

Против южной цитадели, на плато, разведаны две поляны с поселенческими слоями поздней бронзы и античной эпохи. На южной половине южной цитадели обнаружено и исследовано захоронение женщины II-го в. до н.э., совершенное у холма (возможно, святилища). Ранее упомянутый грунтовой могильник, на стокурганном кладбище показывает довольно бедную часть фатско-меотского общества. Костяки то-ли отсутствовали с самого начала (тогда эти погребения следует считать кенотафами) то ли истлели по причине сырого климата в период похорон. Но, судя по большой насыщенности керамики в погребениях и малому количеству металла, исследованная часть могильника содержала женские и детские захоронения. Лишь в одном кенотафе возле челюсти лошади найдены железные удила. В другом комплексе найден железный ножичек. Исключение составляет погребение №2, исследованное в придорожной траншее вблизи курганной группы. Это явно воинская могила. Хотя костяк не сохранился, но расположение вещей показывает северную ориентацию погребенного в скорченной позе на правом боку. Керамика из пяти сосудов была расположена в ряд вдоль скелета, но, в основном, группировалась в области груди и головы (Табл. №XXXVII).

Лишь один красноглиняный сосуд находился у воображаемых ступней. На месте поясницы похороненного воина расчищена рукоятка железного меча с брусковым Т-образным навершием. Лезвие меча плохой сохранности (расслоилось и рассыпалось) шириной 6,5 см. прослеживалось только на длину 30 см. Остальная часть, видимо, обломана и снесена экскаватором при рытье траншеи. В отвале удалось найти несколько обломков. Под мечом был найден железный трехлопастный малый наконечник стрелы. В могиле попались фрагменты еще двух железных плохо распознаваемых предметов, похожих на кинжал и огниво.

Тип железного широколезвийного меча, о котором речь шла при описании изображений воинов на золотом колпачке из Курджипского кургана, стоял на вооружении местных фатейско-авхатских воинов.

Керамика из погребения №1 IV в. до н.э. из грунтового кахатлежа стокурганья на хребте Нэгыж.

1. Серо-глиняный гончарный кувшин.

2. Чёрно-глиняный лепной сосуд с поддержкой.

Ярче всего такие мечи представлены Псекупским могильником №1 (сектор IV-III вв. до н.э.) и Нечерезийскими курганами IV в. до н.э.¹⁴³

Вполне возможно, что это захоронение воина, погибшего в битве с боспорянами в 309 г. до н.э.

Глиняная посуда из стокурганного могильника довольно грубого изготовления рыхлого коричнево-красного обжига, в большинстве кружальной техники, но толстостенная, а часть изготовлена из крупнозернистого теста с крупной дресвой. Возможно, ее спешно изготовили для большого количества погибших в битве воинов. Эта посуда значительно уступает по качеству керамике поселений вокруг пытапэ, сосудам могильника кирпичного завода и правобережных поселений, в частности, верхнему слою Коэщевского поселения в Северо-восточных садах.

В женских и детских погребениях найдены бусы из стеклянной пасты, халцедона, гагата и сердолика, а также бронзовые браслеты обычно меотского проволочного типа. Стеклянные, халцедоновые и сердоликовые бусы свидетельствуют о торговле с южными странами. Но об этой сфере жизни города Авхиды ярче говорят материалы Коэщевского поселения, где заметный процент составляет импортная чернолаковая посуда скорее всего поступившая с южных и восточного берегов Черного и Средиземного морей. То же мы видим и в материалах могильника кирпичного завода №2. Здесь найдены фрагмент чернолакового канфара, миска, фрагменты синопских и Родосских амфор и части жертвенника. Последняя находка говорит не в пользу импорта, а в пользу миграции со стороны Анатолии. Но, в общем, материал могильника Кирпичного завода №2 показывает заметное эллинистическое влияние. Особенно убедительным выглядит в этом плане коллективное подкурганное захоронение с трехъярусной каменной выкладкой с отчетливыми признаками похоронной тризны и жертвоприношений. Подобных погребальных сооружений здесь 2, а вокруг них – грунтовые могилы рядовых общинников. По мнению исследователя могильника в карьере Кирпичного завода №2 П.А. Дитлера, обряд тризны занесен древнегреческими колонистами из

¹⁴³ Ловпаче Н.Г. Могильники в устье р. Псекупс//ВАА Майкоп, 1985. Табл.

метрополии на восточные берега Понта Эвксинского и воспроизводился какой-то частью аристократических слоев местного фатско-меотского общества. Вполне допустимо и привнесение обряда тризны халибами с южных берегов «Хыш1уц1э», где процесс эллинизации прослеживается с фригийской эпохи, т.е. не ближе, чем с VII в. до н.э. Карьер находится в самой высокой южной части основной площади современного города, возвышающейся над западным краем ее на 40 м. Вся же основная площадь нынешней городской территории в то время была или сильно заселена или переувлажнена. На ней не найдено памятников античной эпохи. Допустимо предположить одновременное существование двух самостоятельных городских комплексов разделенных поймой и трудно преодолимой рекой большую часть времени года. Допустим, на левом берегу стояла Фатская (Псатская) крепость с окруженными посадами и крупной гончарней у х. Драгунского.

На правом берегу, в основном по третьей надпостменной террасе располагался г. Авхида с крепостью на дачной горе в самой южной оконечности города. Под этой горой, на площади уже выработанного в настоящее время глиняного карьера, была возрождена гончарная мастерская на базе глиняных запасов, которая упоминалась в период поздней бронзы в бытность города Айя (Аух) или крепости Маэ.

Некрополь карьера кирпичного завода отражает более резкое социальное расслоение городского общества, выразившееся в строительстве подкурганных каменных сооружений. Но в самих подкурганных захоронениях не видно резкой имущественной дифференциации не только между членами семьи или рода, захороненных в коллективной могиле, но и в сравнении с покойниками в грунтовых могилах*. Таким образом, если это древние кладбище гончаров, то организация гончарни была, вероятно, основана по принципу семейной или семейно-родовой общины. Члены семьи были мастерами-чиргами** (гончарами), а подсобные рабочие (карьерщики, месильщики, транспортировщики и пр.) могли быть (бедными)

* Несмотря на то, что подкурганная могила была ограблена и не в древности, как полагает П.А. Дитлер, а в досоветское время кладоискатели нарушили две бедных могилы, не затронув двух. Вряд ли там было более богатое погребение.

** Чирг – предположительно древнее название гончара, а соответствующее выражение «круть-верть».

родственниками или членами соседской общины. Наиболее тяжелые грязные работы могли выполнять рабы из пленных, но таких, обычно самых бедных захоронений, здесь не найдено и поэтому нет оснований предполагать в городе Авхиде наличия классического рабства.

Реконструкция структуры гончарной мастерской на базе Майкопского некрополя меньше напоминает древнегреческие эргастерии но больше сходства обнаруживает с гончарней майкопской культуры III-го тысячелетия до н.э. на Псекупском поселении №1, исследованной на месте затопленного селения Новый Казанукай.

Кроме обряда тризны и импортной керамики, античное влияние отразилось в материале этого некрополя в местной керамической посуде, подражающей эллинистическим формам и типам. Это конические канфары, кувшины с энохоевидным горлом, кубышки с двумя горизонтальными ручками, арибаллические вазочки, которые исполнены в подражание малоазийской эллинистической керамике.

Любопытно, что в некрополе Майкопского кирпичного завода нет терракотовых позолоченных горгонеионов с оттиснутым ликом Медузы-Горгоны, которые довольно часто встречаются в фатско-меотских захоронениях, обычно, близ рта или у головы покойника. Такие находки зафиксированы в соседних с Майкопом памятниках – в Шунтукском грунтовом могильнике VI-IV вв. до н.э. и в Курджипском кургане IV в. до н.э. Но в Майкопе найдена серебряная подвесная бляшка с чеканным или штампованным изображением Медузы-Горгоны, вероятно служившая амулетом солнцепоклоннику. Есть подозрение, что терракотовые позолоченные горгонеионы в фатейском царстве употреблялись вместо монет.

Синхронным памятником могильнику карьера Кирпичного завода №2 является Коэщевское поселение в Северо-восточных садах, расположенное на промежуточной террасе (между 2-ой и 3-ей) на 20 м. ниже могильника карьера и в шести с лишним километрах на север от него. Поселение исследовалось частично разведочным образом в 1964 г. П.А. Дитлером, П.У. Аутлевым, М.М. Трапш и В.В. Бжания. Верхний слой этого бытового памятника датирован так же IV-III вв. до н.э. и может рассматриваться как компонент одного с описанным некрополем городского комплекса Авхида.

В культурном слое «Коэщ» большинство хорошо сформированной кружальной посуды во фрагментах, хотя попадаются и целые экземпляры из тонко отмученной глины без видимых минеральных примесей, преимущественно светлосерого обжига с голубовато-пепельным оттенком. Это яркий признак закубанской фатско-меотской керамики среднемеотского периода (IV-I вв. до н.э.) Кроме сероглиняного обжига часть посуды (это больше касается кухонной тары) обожжена при коптящем пламени до чернотомленного цвета. Третья часть обожжена до красного цвета в быстром высокотемпературном окислительном режиме.

Итак, IV-ый век до н.э. заканчивался удачно для г. Авхиды. Неизвестно, когда умер фатейский царь Арифарн. Во время правления Эвмела на Боспоре он должен был чувствовать себя спокойно и уверенно. Несмотря на гибель Эвмела в 303 г. до н.э. его отношения с Боспорским государством существенно не изменились, потому что престол Боспора по наследству занял его сын Спартак IV и правил 20 лет, до 284 г. до н.э. Так, что Фатейское (Фатское) царство, укрепившееся и возвысившееся при Арифарне, процветало в последние годы IV-го и I-ой четверти III в. до н.э. На его юго-восточной окраине успешно развивался город Авхида – главный военный оплот государственного образования.

Археологические материалы с памятников г. Майкопа довольно наглядно отражают именно время античной эпохи, а по кавказской периодизации среднемеотского периода 2-ой половины IV первой половины III-го в. до н.э. В дальнейшем, судя по керамическому материалу, Авхида утрачивает свои позиции, уступая предполагаемым столицам Фатейского царства. На левом берегу Пшиза это Хатыпса на месте с. Старый Нечерезий; на правом – город с неизвестным названием на месте нынешнего Краснодара, или, что вернее, город Гаргаза на месте Лабапэ (Усть-Лабинска).

Уже верхний слой Коэщевского поселения показывает преобладание сероглиняной с голубоватым оттенком кружальной посуды из Псеупско-Мартинского гончарного центра над местной керамикой Авхиды, отличающейся красноглиняным обжигом с бурым оттенком. То же можно сказать и в отношении засыпки могил некрополя Кирпичного завода №2 из культурного слоя окружающего поселения.

Во второй половине конца III-го в. до н.э. Авхида, видимо, превращается во второстепенный провинциальный поселок. Единичные памятники II-го – I-го вв. до н.э. в виде захоронений на левом берегу Шхагоще (погребение женщины на южной цитадели пытапэ, погребение всадника на промежуточной возвышенности пытапэ I-го в. до н.э.), очевидно свидетельствуют об эпизодическом использовании Псатской крепости города Авхида (Табл. №XXXVIII).

ТАБЛИЦА № XXXVIII.

Предметы позднемеотского периода с Майкопского Пытапэ.

- 1. Чёрно-глиняное гончарное блюдо на трёх ножках (реконструкция) из погребения воина на культовой (промежуточной) возвышенности последних двух веков до н.э.**
- 2. Вид блюда снизу.**
- 3, 5 – бронзовые поясные пряжки тамгообразной формы из погребения воина.**
- 4. Бронзовая поясная пряжка из культурного слоя северной второй террасы Пытапэ.**

Город уже могли сжечь и разорить во время Митридатовых войн в I четверти I века до н.э. В то время совершалось много всяких военных столкновений, распрей и междоусобиц. Митридат в своей бурной и противоречивой деятельности всколыхнул и перессорил все припонтийские страны и народы.

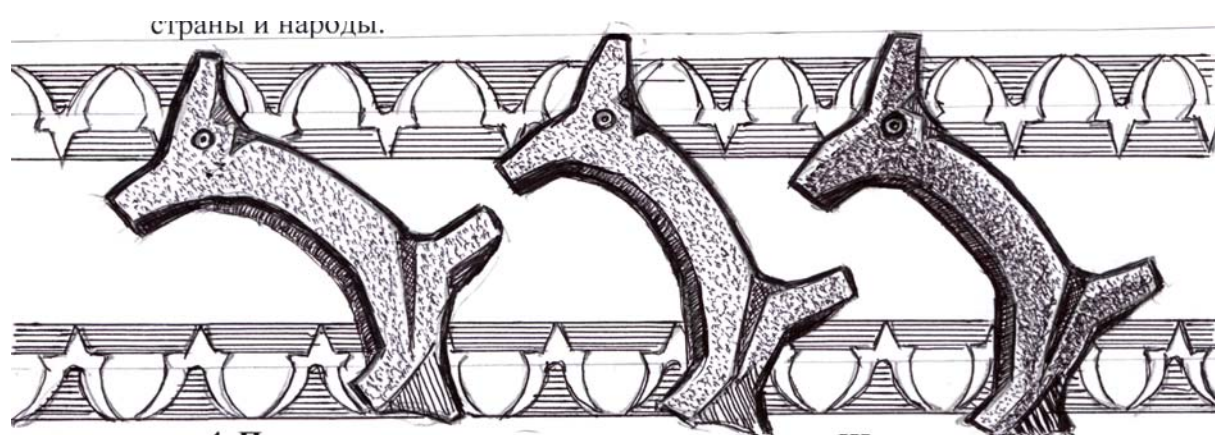

Рис. 11. Зооморфная ручка сероглиняного сосуда из культурного слоя Майкопского пытая. I-III вв. н.э.

4. Псатская крепость и ее окрестности на р. Шхагоще в меотско-сарматский период (середина I-го в. до н.э. – IV в. н.э.)

Но на левом берегу Шхагоще жизнь, как видно не прекращалась. Естественно, если даже искусственная фортификация крепости пострадала от разгрома, природно-защитная часть от внешнего врага была достаточно надежной. Самую главную опасность с севера представляла собой для адыгов аланская орда, появившаяся в Прикубанье в середине I-го века н.э. Эти ираноязычные кочевники оказались очень агрессивными не только по отношению к кавказцам адыго-меотского этнического массива, но и к своим родственным по происхождению сиракам, обитавшим в степях правобережья Пшиза (Кубани)*. Аланы потревожили массу каскейских, фатских, досхейских, дандарейских поселений по правому берегу Пшиза и восточному берегу Меотиды (Азовского моря), а также сиракских сарматов. Последние уже к тому времени довольно мирно соседствовали с оседлыми земледельцами местных племен.

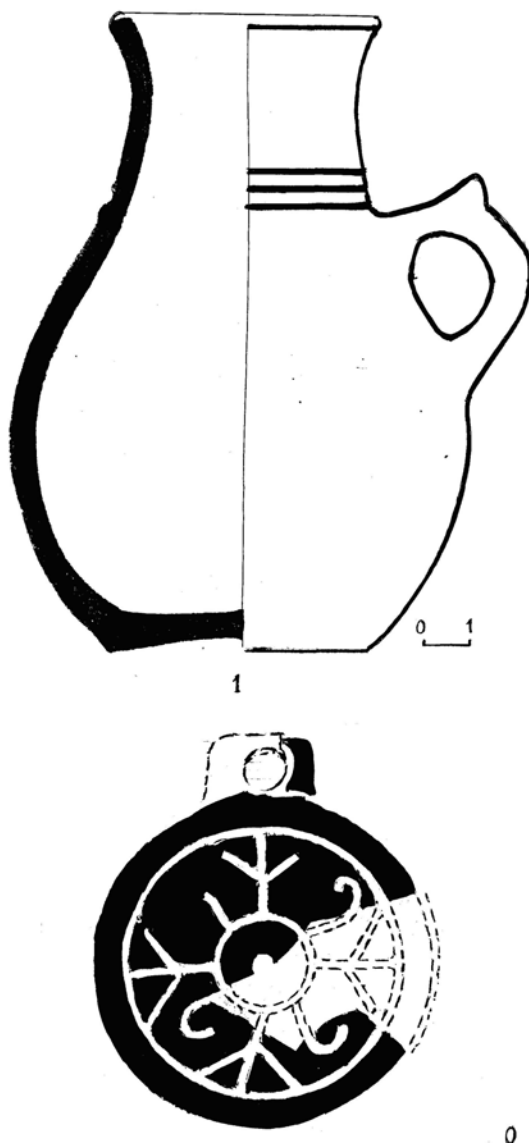
Аланы своими разорительными набегами вынудили население правобережья Гипаниса**, перебираться на левый берег. В I в. н.э. на левом берегу, действительно, появляются довольно многочисленные городища, которые располагаются в основном по берегам низовий левых притоков Пшиза. Часть из них исследована археологами. Это Тахтамукайские городища в устье р. Супс, Гатлукайское №2 (с. Казазово), х. Городского близ устья р. Пшиш. Некоторые переселившиеся общины попадают вглубь Закубанской низменности, в середину адыгского массива. Об этом свидетельствует небольшой могильник 1-го или 2-го века на правой третьей террасе р. Шхагоще в г. Майкопе, на площади более древнего кладбища Тыгакочипэ. Здесь исследовано пять погребений в т.ч. одно всадника с верховой лошадью (погреб. №14) и

* Пшизэ – адыгское название реки Кубань.

** Гипанис – древнегреческое название р. Кубани.

кенотаф* – костяк лошади с вещами (погреб. №13). Третье погребение костяка лошади с челюстью человека, сероглиняной миской бронзовой фибулой (застежкой) – погреб. №5. В погребении №13, кроме железных удил оригинальной конструкции в челюстях лошади, найден гончарный темно-серый кувшин и фрагментированное белоновое зеркальце.

ТАБЛИЦА №XXXIX.

**Комплекс погребения кургана №2 кахатлежа Тыгакочипэ
I-III вв. н.э.**

1. Серо-глиняный гончарный кувшин.

2. Зеркальце из высокооловянистой бронзы.

* Кенотаф – погребение вещей без скелета человека.

На его тыльной стороне – рельефный солярный орнамент крестовой композиции. Центральную часть композиции составляет малый кружок со свастикой центробежной формы. Если мысленно опустить кружок, получится тамга убыхов Хачемыз. И это не так уже странно, если учесть, что в I-ой половине XIX века в окрестностях Майкопа зафиксировано несколько «пехских» (убыхских) селений. Возможно, со времени I-ых веков н.э. тамга этого рода упростилась за счет сокращения кружка.

В четвертом погребении (№10) найден двухручный гончарный сосуд типа «кубанской пелики» и железный наконечник копья. Любопытно то, что в погребении человека с лошадью (№14), судя по вещам – бронзовый браслет, стеклянная бусина, бронзовая фибула – была похоронена женщина. Следовательно, это была «амазонка» из местного племени. Но тогда должно быть оружие, которого, однако, в могиле не оказалось. Для степняков-скотоводов сираков женщины-всадницы более типичны. Из-за плохой сохранности костей антропологический анализ невозможен, а по скудному инвентарю трудно произвести этнокультурную дифференциацию. К тому же, в I – ые века н.э. соседние с адыго-меотами сираки настолько сблизились, что практически не отличаются. Больше отличий показывает погребальный обряд. В данном случае, погребения I-ых веков Тыгакочипэ совершены по всем правилам местной меото-адыгской культуры. Нет характерных для сарматов подбоев, нет искусственно деформированных черепов, нет перекрестных голеней. Остается предположить либо местную всадницу, либо жену местного (авхатского) мужчины, взятую из сиракского племени. Забегая хронологически вперед, можно привести аналогию. В могильнике V-VI вв. Мешоко (Хаджох) среди полусотни погребений членов местной абазино-адыгской или авхатской общины исследованы три женских погребения с искусственной деформацией черепов¹⁶², характерных для похоронного обряда сарматских аристократов. Видимо, раннесредневековые мужчины (воины-уздени) взяли в жены сарматских женщин из знатных семей сиракской общины, поселившейся так глубоко в адыгской среде.

¹⁶² Дитлер П.А. Раннесредневековый могильник Мешоко.//Археология Адыгеи. Майкоп, 1995. С. 154, 157, 158.

Допустимо начало такого процесса межэтнических браков начинать со времени диффузионного периода. Могильник Тыгакочипэ не единственный памятник позднемеотского периода в г. Майкопе. По правой третьей надпойменной террасе р. Шхагуаше до сих пор сохранилось 4 святилища – цитадели в виде круглых холмов, окруженных с напольной стороны рвами и валами. На поверхности в верхнем горизонте культурных слоев этих памятников попадает керамика позднемеотского времени. Сам тип укрепленных солярных святилищ говорит о беспокойной жизни на правом берегу реки, располагающей к обитанию мобильных военизированных скотоводческих коллективов.

В связи с этим возобновляется традиция более массовых курганных захоронений меотской знати. По этой террасе тянется целая цепь значительных по размерам курганов, тянущаяся до самого Шитхале (Белореченска). Один из распаханых и разрушенных траншеей курганов этой цепи обследовал в 1957 году адыгский археолог П.А. Дитлер¹⁶³. Среди вещей из этого кургана, расположенного с правой стороны Келермесско-Гиагинского шоссе при подъеме ее на террасу в пределах поселка 10 совхоза, фрагментированный серебряный канфар с пуантильно-чеканной тамгой Боспорского царя Рескупорида III, правившего в 210-226 гг.^{163б} Как этот сосуд с монограммой боспорского царя попал в курган местного аристократа, остается только догадываться. Конечно же, такие канфары могли изготавливать в местных центрах торевтики и вряд ли их таврили при царском дворе в Пантикапее. Если это было так, то следовало бы представить дарственный кубок царя Рескупорида III местному вождю. Но пуантильное исполнение тамги располагает к мысли о адыго-меотском таврении. Таким же образом на ручках подобного серебряного канфара нанесена тамга боспорского царя Риметалка (131-153 гг. н.э.). Канфар найден в могильнике х. Городского¹⁶⁴ пуантильная техника исполнения была популярна еще в более ранние времена античности среди местных торевтов адыго-меотского Закубанья (ритоны и

¹⁶³ Дитлер П.А. Отчет о результатах исследования курганных (впускных) погребений на территории совхоза №10 (1-ое отд.) г. Майкопа. Архив АРИГИ, 1957.

^{163б} Дитлер П.А. Там же.

¹⁶⁴ Сазонов А.А. Могильник первых веков нашей эры близ хутора Городского. //ВБА. Майкоп, 1992. С. 260, рис. 2-1.

пластина Карагодеуашха, Курджипский колпачек, золотой фалар Северского кургана и др.).

Хотя последнее произведение ювелирного искусства с клеймом адыго-меотского рода ювелиров Дурдыма датируется II в. до н.э.¹⁶⁵, но вполне допустимо, что Дурдымы продолжали творить и в позднемеотский период. Изготовление серебряных канфаров такой формы, как в Городском и в Майкопе большого труда не составляло. Керамические канфары местные гончары в это время делали еще более сложных форм.

Загадочнее другое: Почему на этих сосудах отчеканены гербы боспорских царей из династии аспургов.

Тамга Рескупорида III очень сложная, состоящая из трех компонентов – верхнего трезубца с лапками у основания, среднего под ним кружка и нижней П-образной фигуры с лапками ножек, повернутой под углом. В Пантикапее, столице Боспорского царства (современный город Керчь в Крыму) найдена бронзовая редкая ажурная поясная пряжка II-III вв. н.э. с более прямолинейным и компактным решением тамги Рескупорида. Два прототипа подобных пряжек I-го в. до н.э. найдены в упомянутом погребении всадника на промежуточном холме Майкопского пытапэ (Табл. №XXXVIII).

С другой стороны, что еще важнее, все три компонента тамги этого царя в виде отдельных знаков встречены среди тавровой системы адыгов, абхазов и, особенно, абазин. Более того, два верхних компонента герба боспорского царя принадлежат одному абазинскому роду Цеко или Цекис*. Нижний компонент в виде буквы «П» с лапками встречен также в абазинской среде родов Куныжь и Кысба. Более ранняя тамга Римиталка отличается от тамги Рескупорида срединным кружком, которого нет у первого и перевернутой позицией.

Факты такого совпадения рожают два предположения – либо аспурги выходцы из древнеабазинской среды, переименовавшие себя в «Цеко»¹⁶⁶, но скорее, абазины Цеко аспургианского происхождения. Нам неизвестно, в каких отношениях были фаты (хаты) и авхаты восточного Закубанья с

¹⁶⁵ Анфимов Н.В. Древнее золото Кубани. Краснодар, 1987. С. 188, 189.

* Фамилия «Цеков» имеется в Крыму и поныне.

¹⁶⁶ На карте составленной Жаком Де-Морганом согласно описанию античных авторов, на Таманском полуострове помещено племя аспургиан. См. Ловпаче Н.Г. Этническая история Западной Черкесии. Майкоп, 1997. С. 177, карта 9.

Боспорским царством во II и III веках н.э., но известно, что отец Рескупорида III Савромат II (174-210 гг.) успешно воевал со скифами и присоединил к Боспору Таврику, а сын его Рескупорид III именовался в титулатуре еще и царем тавроскифов¹⁶⁷. Эти факты позволяют предположить какой-то контроль со стороны Боспора в долине р. Шхагоще – Псатий (Псат) во II-III вв. н.э. Вероятно, с первой половины II-го века (Римиталк) сюда посылались наместники боспорского царя из царского рода Цеко. По смерти членов их семей в могилы их ложили серебряные канфары местного производства, считавшиеся престижными атрибутами власти. Естественно, только представителям дома Аспургов позволялось ставить царскую тамгу. Поэтому местные хаттско-авхатские торевты по заказу родственников чеканили на ручках погребальных канфаров их герб своей излюбленной пуантильной техникой.

Таким образом, во втором, третьем веках н.э. Авхиду можно представлять, фактически, восточной периферией Боспорского царства.

В III в. н.э. по всему Северному и Северо-восточному Причерноморью наблюдается общественно-политический кризис, связанный с распадом рабовладельческого строя и экономический упадок. А тут еще нашествие готов, появившихся в этом регионе в начале века. Готы, фактически возглавили борьбу различных варварских племен (сарматов, алан, германцев и др.) против Римской империи и ее вассалов, в частности, Боспорского царства. В 30-х, 40-х гг. III в. н.э. варварские племена двигавшиеся с востока и юго-востока, разгромили Горгиппию и Танаис. В 50-70 годах варвары своими непрерывными набегами разорили города Причерноморья, Пропонтиды и Эгейского моря, а также и самого Боспора.

Естественно, нашествие готов и других варваров-кочевников не могло не затронуть Западную Адыгею. Но все-таки в левобережье Кубани, где в результате переселения с правого берега Пшиза, население значительно уплотнилось, оседлая жизнь продолжается. Конечно, в это время, в равнинной части все населенные пункты укрепляются искусственной фортификацией (рвы, валы) с активным использованием естественных преград (леса, оврагов, рек, обрывистых

¹⁶⁷ Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984. С. 19.

возвышенностей). Особенно широкое распространение получили в III-IV вв. н.э. так называемые меотские городища, обнесенные валами и рвами. Центральной опорной частью в них были круглоплановые цитадели – солярные святилища, примерно по 30-50 м. в поперечине с центральным холмом, огражденным с напольной стороны рвами и валами, и размещавшиеся, как правило, на мысах берегов рек и надпойменных террас.

Подобные памятники существуют и поныне на территории г. Майкопа и его окружения. Функционируют по-прежнему уже перечисленные выше по обеим берегам Шхагоще, Курджипса, Лучки в черте нынешней столицы Адыгеи и в ближайшем окружении, на Кужоре (ст. Кужорская), на Фарсе (п. Трехречный), на Кетле, Надзорке, Ульке, Псынафе.

Рис. 12. Бронзовая позолоченная подвеска для конской сбруи из Колосовского кахатлежа на фарсе. X-XI вв. Касоги.

Глава IV.

ЭПОХА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ В МЕЗМАЕ

1. Майкопский пытапэ (твердыня) в зихский период V-VII вв.

В конце IV в. н.э. до восточных территорий теперь уже Византийской империи докатилась сильнейшая волна монголоидных кочевников гуннов, сметающая вся и всех на своем пути. Аммиан Марцелин, антиохийский грек, написавший римскую историю с 96 по 378 гг. н.э., отразил следующим образом гуннское нашествие: «Именно гунны, вторгнувшееся в земли тех аланов, которые сопредельны с тревтунгами, и обыкновенно называются танаитами, многих перебили и ограбили, а остальных присоединили к себе по условиям мирного договора; при их содействии они с большей уверенностью внезапным натиском ворвались в обширные и плодородные владения Эрменриха, царя весьма воинственного, многочисленными и разнообразными подвигами наведшего страх на соседние народы.¹⁶⁸

Это случилось в 371 г. н.э. «...главные силы гуннов увлекая за собой покоренные массы алан, продвинулись через низовья Дона к Северному Причерноморью. Другая часть гуннов, преследуя уцелевшие группы аланских племен, двинулась на Северный Кавказ по прикаспийским степям на юг – до Терека и Кубани, а затем на запад – до Таманского полуострова».¹⁴⁴

Шора Бекмурзин Ногмов в своей «Истории Адыгейского народа» о нашествии гуннов отзывается довольно сдержанно. Он пишет: «Хотя предание не оставило никаких сказаний о великом завоевателе, но можно утвердительно сказать, что адыги были им покорены и признавали над собою его власть. песни упоминают, что они служили в его войске».¹⁴⁵ Исторические песни называют царя гуннов Адилем (Атиллу).

Действительно, как ни странно, гуннское нашествие не прервало жизни адыгских племен левобережья Пшиза. Позднемеотские городища, в том числе и восточного Закубанья, куда гуннской коннице легче было прорваться, форсируя не

¹⁶⁸ Аталиков В.М. Ук. соч. С.164.

¹⁴⁴ История народов Северного Кавказа... С.94.

¹⁴⁵ Ногумэ Ш.Б. История адыгейского народа. Нальчик. – 1994. С.83.

очень еще полноводные реки во главе с Кубанью, вскоре после 370-х годов возобновили функционирование. Это случилось по причине уже описанного свойства. Гунны, побеждая в одиночку разрозненные силы северокавказцев, грабя их и присоединяя их к себе, в дальнейшем удовлетворялись их участием в гуннских грабительских походах. Так, в 395 г. гуннская орда с участием овсов (алан) и джиков (зихо-адыгов) прорвалась в Закавказье и учинила там страшный погром. Тюркоязычные гунны – организаторы похода – грузинской летописью авансом называются «пачаниками» (печенегами).¹⁴⁶

Гуннское нашествие 370-х годов положило конец древней истории Восточной Европы и Северного Кавказа, положило начало «великому переселению народов» и открыло эпоху средневековья с его феодальным строем.

Согласно археологическим материалам, фольклорному источнику и истории Ш. Ногмова гунны создали шум, всколыхнули застоявшийся быт, разорили Северный Кавказ, но радикально не нарушили жизнь народов этой страны. Во время самих кочевнических погромов население Авхиды правой террасы Шхагуаще, предупреждаемое заранее северо-восточными соседями, во время переходило на левый берег под защиту реки, крепости и леса. Зихов Причерноморья гунны, по всей вероятности, не тронули. Поэтому это племя от гуннского нашествия даже выиграло. Они (зихи) сохранив силы и достояние, стали сильнее и влиятельнее всех адыгских племен. Еще в позднемеотское время, по свидетельству анонимного перипла Черного моря, приписываемому Псевдо-Арриану и относящемуся к V в. н.э., зихи имели царя вассального по отношению к Риму. И ныне он пишет: «У зихов царь Стахемфлас; и он получил престол от тебя».¹⁴⁷ Подобных сведений в отношении народов северо-Западного склона Кавказского хребта нет. Поэтому зихи, объединенные под авторитарной властью и покрывшие своим этнонимом живших до этого на побережье в античное время племена гениохов, ахеев, керкетов, торетов, частично синдов, получили возможность объединить и закубанских адыгов. Влияние зихов ощущается в этот период и в окрестностях Майкопа. В курджипском

¹⁴⁶ Мровели Леонтии. Жизнь картлийских царей. М.– 1979. – С.85.

¹⁴⁷ Аталиков В.М. Указ. соч. С. 178.

могильнике, исследованном П.А. Дитлером в начале 60-х годов,^{*} найден железный кинжал т. н. зихского типа. Кинжалы этого типа имели на верхней части лезвия, как правило, два парных выступа, а на лезвии с обеих сторон кровостоки (Табл. №XL-5).

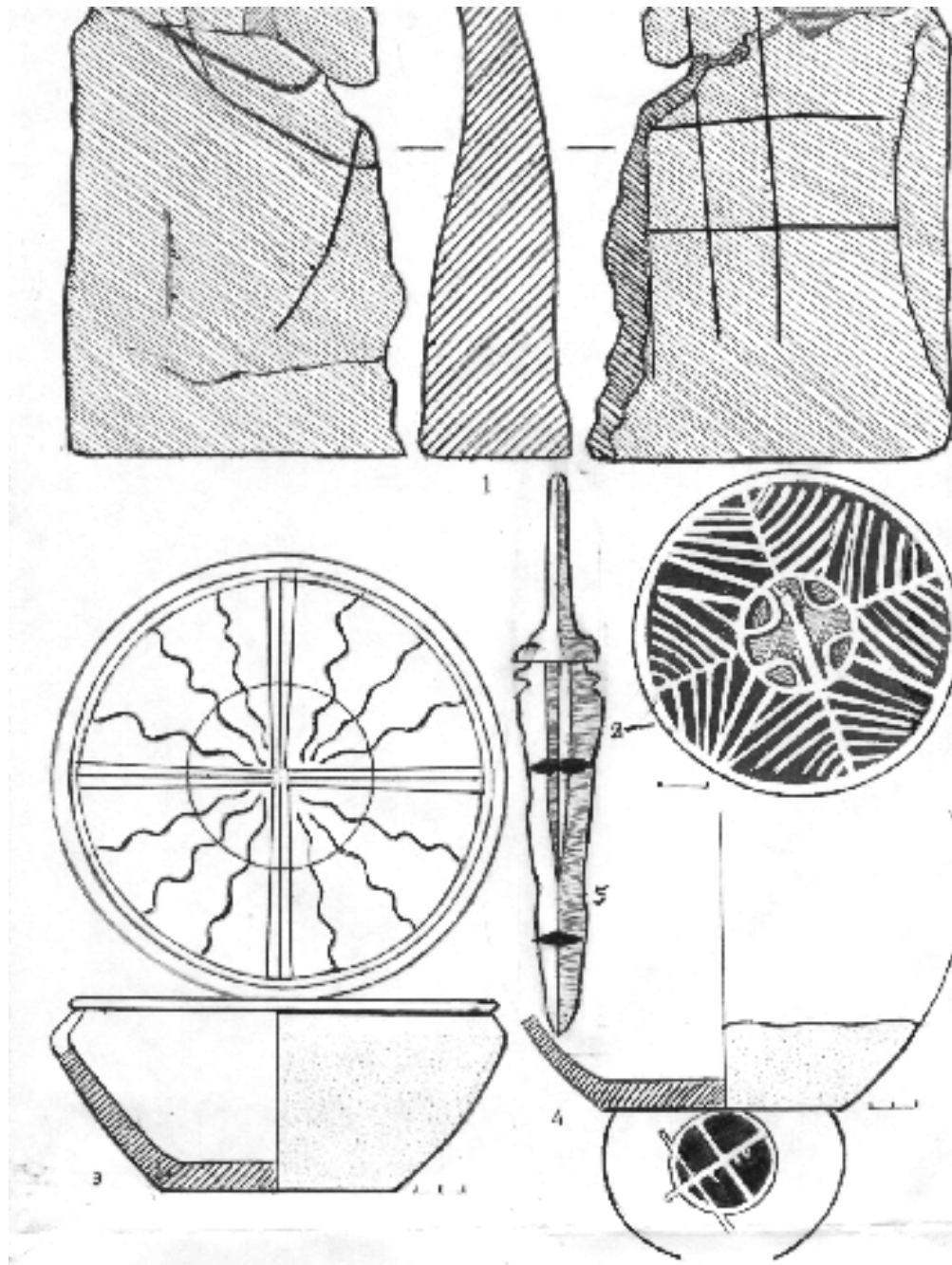
Зихские кинжалы подобного типа обнаружены почти на всех памятниках Закубанья V-VI вв., даже на правом берегу Пшиза (Пашковский могильник №1), а также в горах Адыгеи (Хаджох). Однако наибольшее количество их найдено в северо-восточном Причерноморье (Борисовский могильник в г. Геленджике, Агойский, с. Веселого, Небугский, а больше всего в могильнике Абрау-Дюрсо близ Новороссийска). Факт находок зихских кинжалов в могильниках Пашковском, Ленинхабльском, Псекупском (Новоказанукай), Курджипском, Хаджохе – говорит о военно-политическом влиянии зихов среди адыгов Закубанья. Как видно, они диктовали военную моду. Не случайно поэтому грузинский историк Леонтий Мровели видит адыгов на рубеже IV-V веков в лице джиков (зихов). Также не случайно Лавристан Хамышейский, согласно «Истории адыгейского народа» Ш.Б. Ногмова, отважился на войну с аварским ханом Байканом, опустошившем Западную Черкесию и окончательно расстроившим жизнь в равнинном Закубанье и даже в Причерноморье. Лавристан несомненно, был старшим зихским князем и, видимо, считался наместником Византийского императора в середине VI в. н.э.¹⁴⁸ Европейцы таких князей в своих писаниях называют царями. Но силы Лавристана оказались недостаточными для борьбы с аварами. Их предводитель Хан-Байкан, возмущенный отказом адыгов покориться, подверг Западную Адыгею страшному разорению и истреблению населения.

В результате аварского нашествия в равнинном Закубанье прекратилась жизнь на большинстве поселений в том числе и укрепленных. Население, спасшееся от погрома скрылось в горах, а какая-то часть перевалила через главный кавказский хребет, к родственным апсилам и абасгам.

Но какая-то часть адыгских князей, видимо, приняла условия Байкана.

^{*} Могильник доисследован на территории Табаксовхоза, который ныне включен в городскую черту.

¹⁴⁸ История народов Северного Кавказа С.98

**Находки из культурного слоя и подъёмного материала
Майкопского Пытапэ и Шунтука V-VII вв. н.э.**

- 1. Стоячая глиняная плитка с сеточным начертанием из слоя на северной второй террасы Пытапэ.**
- 2. Зеркальце из высокооловянистого сплава из Шунтука.**
- 3. Серо-глиняная гончарная миска с внутренним радиальным лощением.**
- 4. Днище серо-глиняного гончарного сосуда со штампом (случайная находка).**
- 5. Железный кинжал зихского типа с Курджипса (Табаксовхоз).**

Так же, как гунны, они требовали участия адыгских отрядов в грабительских походах. Ш.Б. Ногмов перечисляет знатных воинов больше всего дворянского происхождения, участвовавших в походе Байкана на Дербент и Гуртат на Куре. Он пишет, что в результате войны, продолжавшейся несколько лет, эти крепости были взяты, но войско адыгов потеряло более двух третей своих воинов. Автор «Истории адыгейского народа» называет участников похода юного княжича Хош, первостепенного орка Муко Падиса, древне шапсугского рода братьев орков Шеретлуко; князя Гугова; витязей Джанима Догова, Олгико и Хатошуко, Болат Готов, Гуго (Гуко, Гого, Гуако, Гуаго), Готов. Хож (Хош) – абазинские роды и могли в то время обитать поблизости от Авхиды или непосредственно в заречной части города. Тамги Гого и Гот совпадают со срединной частью герба Рескупорида III и тамгой Цеко.

Майкопский *пытапэ*^{*} после аварского нашествия стал функционировать наиболее интенсивно. Большинство подъемного материала на крепости, особенно, на северной цитадели, относится к раннему средневековью V-X вв. н.э. Это, в основном керамика, но также и кости животных, режущие, каменные изделия (точильные камни, фрагменты зернотерок и терочников, песты). Попадаются и металлические изделия – обломки бронзовых браслетов, железные трехлопастные наконечники стрел.

Близ северной промежуточной возвышенности обнаружены признаки грунтового могильника V-VI вв. Этого же времени могильник открыт в километре на юго запад от *пытапэ*, но в 300 м. от стокурганного кладбища на склоне хребта Нэгъыежъ, обращенного к долине р. Курджипса.

До аварского нашествия поселение V-VI вв. существовало и на правой третьей террасе р. Шхагуаше, на площади древне и раннемеотского некрополя Тыгакочипэ.

К сожалению, название населенного пункта на месте г. Авхиды раннесредневекового периода не сохранилось. В арабской письменной традиции упоминается г. Касек по отношению к середине X в.¹⁴⁹ Но это больше подходит к *Пытапэ*

^{*} Псатская крепость

¹⁴⁹ Худуд-ал-Алам. Рукопись Туманского с введением и указателем В. Бартольда. Л., 1930., л. 386.

на р. Гупсе Мостовского района Краснодарского края, где располагался в VII-X вв. яркий городской центр Касогов, видимо, столица Касахии. Майкопский пытапэ в то время не мог конкурировать с Касеком в плане города, но как укрепление он не имел равных вокруг.

Фольклор адыгов доносит имя крепости Аух на р. Фарс,¹⁵⁰ которую знали и в позднем средневековьи. Для этого подходит больше мощное укрепление на горе Физиабго 2 над р. Фарсом у поселка Победа и турбазы «Романтика». Вполне возможно, что была не одна крепость Аух, располагавшиеся в пределах обитания племени авхатов. Поэтому и Майкопский пытапэ в раннем средневековьи мог быть известным под именем Аух на Шхагуаще.

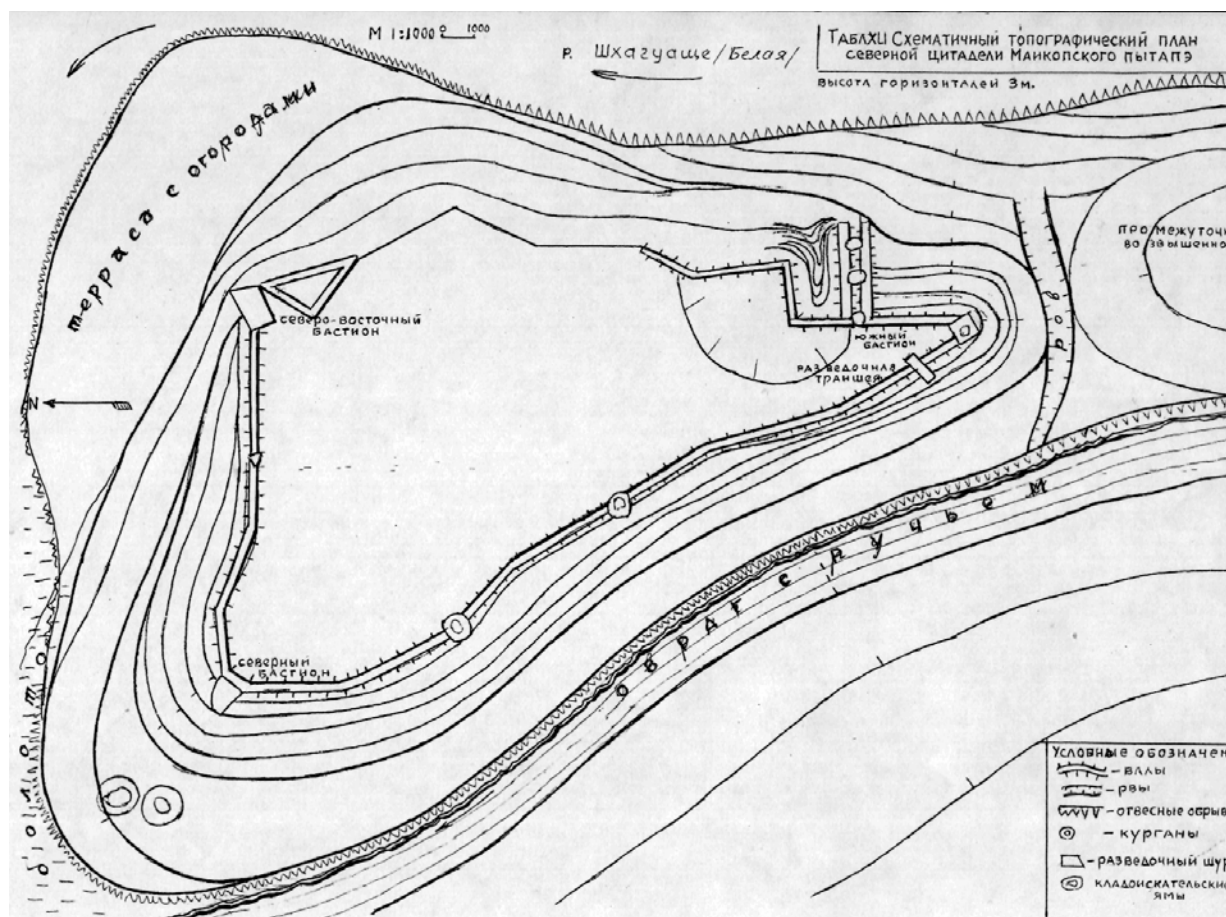
Какие признаки говорят, кроме подъемного материала, о жизни человеческого общества на крепости и вокруг Аух на Шхагуаще?

После гуннского нашествия крепость Аух Шхагуаще укрепили, проделав большие инженерные работы. С трех сторон горы, на которой располагается северная цитадель, была снята большая масса грунта и поднята на верхние террасы горы. С западной, северной и северо-восточной стороны, на высоте 26-30 м. от современного уровня воды в реке и 15 м. от дна оврага образовались плоские террасы, а из земли, поднятой наверх, также горизонтальные террасы на высоте 40 м. от уровня воды. Таким образом, из горы с крутыми склонами получилась двухступенчатая пирамида, на горизонтальных платформах которой были сооружены крепостные каменные стены большей мощности.

В районе южной цитадели из каких-то соображений был прорыт ров, отрезавший от южной возвышенности, очевидно, северную кладбищенскую часть. От этого южная часть пытапэ стала более компактным и более укрепленным фортификационным компонентом оборонного комплекса.

Судя по планировке южной цитадели, в ее северной половине, скорее всего, жили люди – защитники крепости, а в южной отгороженной от нее поперечным рвом и валом и с других двух сторон защищенной дополнительными валами и с

¹⁵⁰ Аталиков. Ук. соч. с.139.

**План северной цитадели Майкопского пытапэ.
(Составлено автором).**

восточной – обрывистым берегом к реке, располагался загон для скота.

Поэтому можно представлять постоянный контингент гарнизона на Майкопском пытапэ и резиденцию (местного) феодала.

Анализ керамического материала V-VI вв. н.э. Майкопского пытапэ показывает почти полное отсутствие штампов на днищах сосудов. В то же время как раз в этот период они появляются и сразу отмечают, как минимум, одну четверть изготавливаемой посуды. Знаковая система, бытовавшая до этого у меотов сираков-сарматов на реверсе малых билоновых зеркал, как бы переносится на днища глиняных сосудов (особенно, горшков). Имеются прямые примеры, когда на донце кувшина отштампован орнамент непосредственно с металлического зеркальца. То есть, зеркальце было положено на верхний диск гончарного круга и

его тыльная сторона отпечаталась на глиняной массе зачина, формуемого гончаром сосуда.¹⁵¹ Но использование предметов туалета из цветного металла было слишком большой роскошью в гончарном деле. Поэтому адыгские «чирги» (гончары) стали делать из камня, дерева и глины специальные подкладные доски с углубленными знаками, которые на плоскости днища сосуда давали рельефное изображение культового символа или родовую тамгу (тавро). Такая доска, высеченная из глинистого сланца, правда, с рельефным изображением семиветвистого креста, вписанного в окружность, найдена на Псекупсском поселении на месте затопленного селения Новый Казанукай Теучежского района. Подобные штампы поставлены на днищах сосудов из Гатлукайского могильника и Нечерезийского поселения.¹⁵²

Штампы на днищах керамических сосудов V-VI вв. встречены на всех памятниках этого периода как равнинного, так и горного Закубанья, от Афипса на западе до Урупа на востоке. Но в западной части Западной Черкесии и, особенно, в Причерноморье, у зихов штампов на днищах керамических сосудов не обнаружено. В зихском гончарстве такой традиции не было. Вокруг г. Майкопа поселения и крепости зихского периода демонстрируют эту традицию у хаскунов (касогов). На юг от Майкопа Гуамка, крепость в п. Тульском, на р. Майкопке, Мешокский могильник в Хаджохе, крепость Руфабго, Унакозовская пещера, крепость Аух на Фарсе у п. Победа (г. Физиабго 2). На запад на р. Пшиш и его притоке Цице четыре укрепленных поселения (две крепости у ст. Николенка, крепость Цице и тверской Шахан) также показывают штампы на днищах. На юго-восток от Майкопа такую традицию иллюстрируют материалы Серальской крепости, Гупсского пытапэ, крепость на поляне «школьной» на левом берегу р. Гупс. Но эти пункты расположены в горах. В равнинной части на север от Майкопа укрепленных поселений зихского периода не найдено. Это, видимо, следует объяснять частыми разорительными набегами алан в позднемеотский и доаварский период с конца IV-го века к ним добавились гунны и постгуннские болгары.

¹⁵¹ Ловпаче Н.Г. Художественная керамика средневековой Адыгеи. Майкоп, 1996. с. 216, табл. LIII.

¹⁵² Там же. Табл. XVIII-5, Табл. LIII-3.

Из того факта, что, в отличие от окружающих Аух Шхагоще феодальных замков, здесь нет штампов на днищах сосудов V-VII вв. можно сделать вывод о зихском гарнизоне и каком-то контингенте зихского населения вокруг крепости и, в частности, на р. Курджипсе. Поэтому логично предположить здесь может быть эпизодическое пребывание и военно-организаторскую деятельность во второй половине зихского главного князя Лавристана Хамышейского. Ш.Б. Ногмов в «Истории адыгейского народа» пишет, что хану Байкану не удалось настигнуть и наказать Лавристана за неповиновение и гибель своих послов. Зихский князь с легкой кавалерийской дружиной маневрировал в горах, делая налеты на аварские отряды и уклоняясь от столкновений с большими силами противника. По площади и природной оборонной мощи Майкопская пытапэ не имеет себе равных на северном Кавказа, расположенных на границе гор и равнины.

В VI веке, по сведениям византийского историка Прокопия из Кесарии все восточное Причерноморье входило в зону активного влияния византийской культуры.¹⁵³ Особенно это влияние сказалось при императоре Юстиниане I или Великом. В «Истории адыгейского народа» он называется Юстином или Юстуком, как друг и защитник адыгейского народа, а сам считал себя «адыгейским витязем».¹⁵⁴ На территории исторической Адыгеи имеются сигналы о распространении христианства среди адыгов в юстиниановскую эпоху. Это, во-первых, фундаментальные остатки предполагаемой базилики ранневизантийского времени на территории восточной Ново-Михайловской крепости.¹⁵⁵ Восточнее, в Горячем Ключе (адыгское Псыфабэ), обнаружены колонны предполагаемого ранневизантийского храма вторичного использования вблизи крепости V-VII вв. на мысу «Петушиный гребень» на правом берегу р. Псекупса.¹⁵⁶ Самый восточный памятник раннего христианства в Адыгее недавно открыт (2000 г.) на горе

¹⁵³ Прокопий из Кесари. Война с готами/Перевод С.П. Кондратьева. М., 1950. с. 383.

¹⁵⁴ Ногумэ Ш.Б. Ук. соч. с. 76.

¹⁵⁵ Анфимов Н.В. Зихские памятники Черноморского побережья Кавказа//Северный Кавказ в древности и в средние века. М., 1980. – С.95.

¹⁵⁶ Лавров Л.Н. Эпиграфические памятники Северного Кавказа. XVIII-XX вв. М., 1968. – С.103.

Физиабго 2 на левой террасе р. Фарс на площади древней и раннесредневековой крепости Аух, рядом с бывшим монастырем «Михайловская пустынь» основанным в последней четверти XIX в. и погибшем в 1929 г.¹⁵⁷

Последний факт заслуживает особого внимания. На горе Физиабго над р. Фарсом расчищены фундаментальные остатки храма с крестовым планом, ориентированного апсидой на восток размером 13х19 м. судя по окружающему археологическому материалу культурного слоя наиболее интенсивная жизнь здесь была в V-VII вв., а изображения крестов языческого (джора) и христианского в нижней камнеломне намекает на ситуацию Мцхетского Джвари VII в. в Грузии. Там над огнепоклонническим каменным жертвенником (джвари-крест) античной эпохи был воздвигнут христианский храм Святого креста (Табл. №XLII).

О распространении христианства на Западном Кавказе Андреем Первозванным существует апокрифическое сказание.*

При описании третьего путешествия этот святой сообщает: «Население этой страны, называемое зихами, занимается земледелием. Зихи жестоки, по нравам варвары и до ныне в большинстве, чтобы не сказать все, дики и неверны.¹⁵⁸ Несколько позже, в конце VIII в. монах Епифаний писал: «зикхи народ жестокий и варварский и до ныне наполовину неверующий». Зихи чуть не убили проповедника апостола Симона Канонита, гробница которого, по легенде, находилась в г. Никопсии – центре зихской Епархии. Апостол, опасаясь расправы со стороны язычников, вынужден был перейти на северный склон хребта к «касогдианам». В отношении последних Епифаний замечает:

«Это люди кроткие и доступные вере; они с радостью приняли слово проповеди».¹⁵⁹

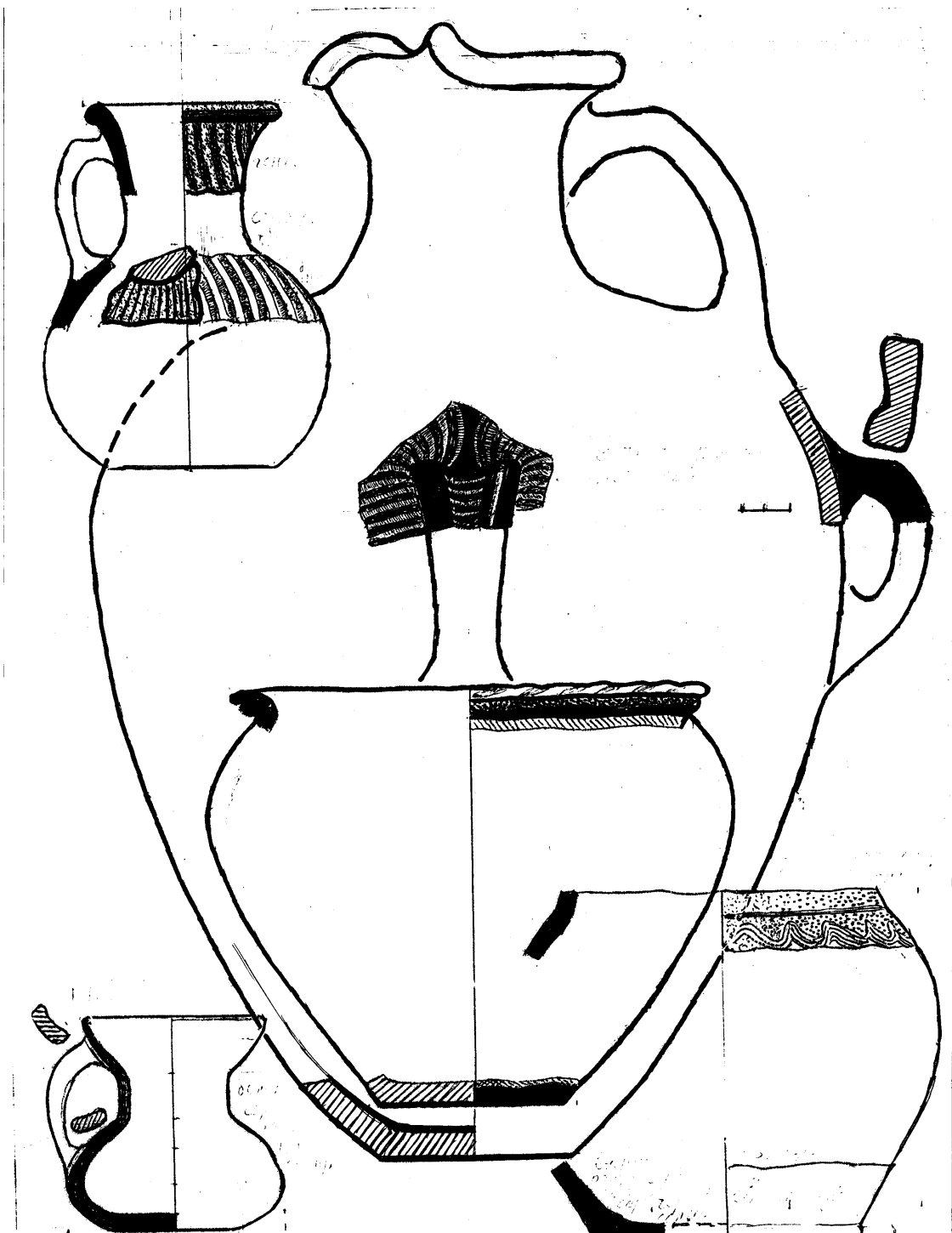
Сообщение Апостола Андрея относится к юстиниановскому времени.

¹⁵⁷ Ловпаче Н.Г. //Газ. «Адыгэ макъ»

* Апокрифические сказания, т.е. фолклор, переносят Андрея Первозванного, современника Христа, как и Симона Канонита, в раннее средневековье.

¹⁵⁸ Петровский С.В. Апокрифические сказания об апостольской проповеди по Черноморскому побережью//ЗООИД. Одесса. Т. 21. – С.149.

¹⁵⁹ Васильевский В.Г. Труды академии наук. Т. 11. СПб., 1908. – С.275.

Керамика касожского периода (VII-IX вв. до н.э)
Физиабго 2.

Видимо, второе сообщение о «касогдианах» (касогах) Епифания, характеризующее последних, как более расположенных к слову Христа, можно относить и ко времени Андрея Первозванного. В то время это восточное подразделение адыгов в грузинской летописи звучит как «хаскун» (от осетино-аланского «кашгон»). Оказывается, хаскуны-касоги не так уж дружны были с Юстинианом. «Император Юстиниан вел войну с пограничной к Овсети (Алании) стране на границе Авасгии, с племенем, называемым «хаскун», восставшим против греков».¹⁶⁰

Несмотря на противоречивость приведенных фактов, становится очевидным возможность появления раннехристианского центра в глубине касожского фланга адыгов и, кстати, под сенью мощной крепости, спрятанной к тому же в глубине гор. Этот факт, то есть распространение христианства как религии феодального общества, согласуется и с общественно-социальным развитием северокавказского общества. В отношении адыгов замечаются три ярких факта, сопутствующих феодализму: появление большого количества небольших крепостей (феодальных замков), распространение государственной религии в виде одной из мировых; появление гончарных клейм на днищах керамических сосудов. Не случайно на Майкопском пытапэ не построили христианский храм или хотя бы небольшую базилику. Это еще один довод в пользу пребывания зихов в крепости Аух на Шхагоще.

Четвертый признак феодализма можно посчитать факт превращения крупных поселений в городские центры. Считается, что одним из таких городов в Западной Черкесии в то время был Зихополис или Никопсис на Черноморском побережье (ныне п. Ново-Михайловский).

Но в долине р. Шхагоще (Белой) можно представить городской комплекс адыгского образца, то есть распланированный по всей долине и захватывающий даже междуречье рр. Шхагуаще и Лабы. Три мощных крепости в противоположных концах Касогии (Аух на Фарсе, Аух на Шхагауше и «Скала Гуамка» близ Даховской), металлургические и гончарные мастерские на Фарсе, Руфабго, в Майкопе; пункты торговли и обмена в междуречье Дахо и Шхагоще, у крепости

¹⁶⁰ Джанашвили М.Г. Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России//СМОМПК. вып. 29. – 1987. – С. 21.

Аух на Шхагоще, в Хаджохе; христианский центр в крепости Аух на Фарсе. Все перечисленные пункты хорошо связывались (и поныне) между собой внутренними дорогами, руслами рек, лощинами, перевалами.

К 571 году авары утратили гегемонию на северном Кавказе, но их сменили не менее беспокойные тюркюты образовавшегося в низовьях Волги западно-тюркского каганата. Хотя адыги (касоги) по свидетельству Ш.Б. Ногумэ воевали с «тургутами» с переменным успехом, но возможности оседлой жизни в равнинном левобережье Пшиза не было. Поэтому Майкопское пытапэ крепости Аух на Шхагоще оставалось главным опорным пунктом, охранявшим вход в густонаселенную, обширную и богатую долину, несомненно, важнейшую в Касогии. И, конечно же, это было самое подходящее место для резиденции руководителя адыгского племенного союза под эгидой зихов князя Лавристана из рода Хымышы.

На Майкопском пытапэ найдено одно днище сосуда, на котором просматривается полустертый штамп в виде окружности. У современных кабардинцев Зековых (в Адыгее они Зеховы) тамга также представляет собой окружность, но с добавленной, видимо, недавно маленькой русской буквой «з» внутри. Возможно, этот, пока единственный штамп и является гербом Лавристана, символизируя главное языческое божество адыгов того времени «тыгъэ» – солнце.

е.

Рис. 13. Бронзовая позолоченная подвеска конской сбруи из кахатлежа Колосовка на Фарсе.

2. Крепость Аух на Шхагоще в раннекасожский период средневековья (VII-X вв.)

С середины VII в., когда авары окончательно сходят с исторической арены Северного Кавказа, и когда тюркюты совершенно дестабилизировали положение в этом регионе, до начала VIII в., т. е. до реального формирования Хазарского каганата как самой значительной политической силы в Юго-восточной Европе и Северном Кавказе, адыги обитали в горах. Фактически нет ни одного памятника археологии в равнинном левобережье Пшиза того времени, который можно датировать VII в. н.э. Это и понятно, так как постоянные набеги приазовских болгар с запада, тюркютов и алан с востока (а к концу VII века тюркютов сменили хазары) не давали возможности народу спокойно трудиться и жить на своей земле. Но, как и в киммерийско-скифскую эпоху, земли Закубанской Западной Черкесии сезонно использовались адыгами не только для отгонного скотоводства, но и для эпизодического земледелия. Были выведены специальные сорта проса, семена которого, будучи посеяны глубже, могли всходить через три и даже через семь лет.¹⁶¹

В то же время адыги, находясь в горах, зорко следили за равниной, чтобы никто из пришельцев не задерживался на постоянное жительство. Для этого существовали мобильные общества военнизированных конных скотоводов, которые контролировали левобережье Пшиза, имея возможность, в случае вражеского вторжения, посредством кавалерийского маневрирования нейтрализовать или дезориентировать противника, оградив оседлое население горных ущелий от разорения, истребления и плена.

Судя по факту отсутствия археологических памятников в междуречьи рр. Лабы и Белой VII в., можно представить доступность этой части Закубанья для степных кочевников Предкавказья. Но левый берег Шхагуаще от нынешнего г. Белореченска до Майкопа, буквально, усеян поселенческим подъемным материалом (керамикой) раннего средневековья, начинающегося с V-го в. н.э. Это объясняется наличием не только водной преграды р. Шхагуаще, которая в летне-осеннее и

¹⁶¹ Кантария М.В. Экологические аспекты традиционной хозяйственной культуры народов Северного Кавказа. Тбилиси, 1989. – С.88.

зимнее время была преодолима для конницы, но, главное, близостью горных крепостей. В них в лесах и в горных ущельях жители прибрежных селений могли спрятать скот, имущество и сохранить жизнь. Теперь это были не разрозненные самостоятельные сельские общины военно-демократического строя, а коллективы, распределяющиеся между феодалами. Последние должны были охранять их не только от внешней угрозы, но и от соседних даже соплеменных князей. Поэтому каждый феодал должен был иметь замок, под защитой которого могли спастись подвластные ему общины.

Непосредственно поблизости от крепости Аух на Шхагуаще раннесредневековые поселения, не имевшие оборонительных элементов обнаружены на месте позднейшего абадзехского куадже Даурхабля на левобережной террасе у устья р. Курджипса и далее, ниже по течению р. Шхагуаще, в двух километрах от Даурхабля, на месте куадже Богадирхабля. Следы поселения также обнаружены на поляне «Лысая», против Майкопской городской больницы, вокруг пытапэ и, естественно, на самой территории древней крепости. Ближайшие крепостные пункты, уступающие Майкопскому пытапэ и по размерам, и по мощности естественной и искусственной фортификации расположены были на южном продолжении хребта Нэгъыежъ, над п. Цветочным, на противоположной стороне долины Шхагуаще в одной из западных балок Махошкушховского хребта, против «Теплиц»; на юго-восточной окраине п. Тульского, на месте бывшего куадже с. Хачемзия и на «Золотой горе» над устьем р. Мыекопс (Майкопки) в 3-х километрах от районного центра на юг.

Погребальных памятников археологии начала раннекасожского периода значительно меньше. Это следы могильника между северной и южной цитаделями Майкопского пытапэ, грунтовой могильник на западном склоне хребта Нэгъыежъ под водопроводной станцией и раннесредневековое кладбище в карьере кирпичного завода у п. Цветочный.

Таким образом, ближайшее к крепости Аух на Шхагуаще археологическое окружение начала раннекасожского периода было сосредоточено в прямоугольнике северного окончания долины реки размером 16х7 км. На противолежащих углах (северо-западном и юго-восточном) этого прямоугольника – два мощных оборонительных пункта – Майкопское и Майкопкинское пытапэ (укрепления)

К началу VIII в. хазары уже довольно основательно обработали Северный Кавказ после тюркютских погромов, а к середине века, по сведениям Феофана, хазары овладели «всей землей»¹⁶² вплоть до Понтийского моря.¹⁶³ В бассейне р. Куфиса (Кубани) было шесть климатов (провинций), плативших дань хазарам. Но Ш.Б. Ногмов в «Истории адыгейского народа» сомневается в том, что адыги были в числе подчиненных хазарам народов.¹⁶⁴ Однако, из его же сведений получается подчинение адыгов иноземному правлению, якобы, выходцам из Сирии – Египта. Последним выдающимся представителем этого правления оказался князь Инал – родоначальник кабардинского племени. Почему то автор «Истории адыгейского народа» помещает войну адыгов с хазарами позже Инала, хотя историкам известно, что правление Инала относится к XIV в. Санкт-петербургский историк А.В. Гадло попытался разрешить это противоречие. В результате анализа родословной кабардинских князей он пришел к выводу о двух князьях с таким именем в истории «адыгейского народа». Первый Инал имел какое-то другое имя, но в историю вошел своей должностью наместника хазарского кагана в Закубанской Касогии. Наместник на тюркском языке назывался «Иналь».¹⁶⁵ Согласно нартского эпоса адыгов, этого наместника, присланного с Таны (Дона) звали Шабатыном. Древнего Инала кабардинская родословная называет «Инал-нэф», что, по мнению Гадло А.В., должно означать «Инал слепой, вернее, узкоглазый».¹⁶⁶ Поскольку у всех тюрков, приходивших с востока на Северный Кавказ, по свидетельству антропологов, значительная монголоидная примесь, то Инал-нэф должен был быть хазарином VIII-IX вв. с еврейским именем Шабатын. Имя объясняется иудаистской религией (караимизм), которую приняла верхушка хазарского общества в конце VIII в. н.э.¹⁶⁷

¹⁶² Гадло А.В. Этническая история северного Кавказа. Л., 1979.

¹⁶³ Чичеров И.С. Византийские исторические сочинения...//Древние источники народов СССР. М., 1980. – С.61.

¹⁶⁴ Ногумэ Ш.Б. Указ. соч. С.97.

¹⁶⁵ Гадло А.В. Князь Инал адыго-кабардинских родословных//Из истории феодальной Руси. Л., 1978. – С. 25-33.

¹⁶⁶ Подобная гипербола оправдана в адыгском мышлении аналогией «Хафиз» (по-арабски «слепой») в отношении светлобрового, рыжеволосого человека.

¹⁶⁷ Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда. М., 1963. – С.193.

Инал образовал в Закубанской Адыгее феодальное государство, вассально-зависимое от каганата и стремился объединить все адыгские племена и даже Абхазию. Он успешно боролся с партикуляризмом адыгских князей, особенно южных и юго-восточных (горских). Сильную оппозицию составлял ему «опсский князь Оздемир». Инал организовал против него несколько военных экспедиций. По предложению А.В. Гадло, резиденцией Инала был город Шандгир близ нынешней ст. Варениковской (12 км на запад от станицы) на севере Анапского района Краснодарского края.

Резиденцией Оздемира, по мнению автора сего текста, был город Касек – Гупское пытапэ в Мостовском районе близ ст. Баракаевской. Вполне возможно, что обе крепости Аух (на Фарсе и на Шхагоще) в конце VIII, начале IX вв. были задействованы независимыми опсскими (абазинскими) князьями в борьбе против авторитарной власти Инала-Шабатына. Опсские князья во главе с Оздемиром всегда опирались на своих южных соседей, родственных абхазов. Поэтому Иналу потребовалось организовать большой и длительный поход в «Абазехию». результатом этого похода была гибель князя Оздемира, урегулирование отношений с Абхазским государством и, наконец» смерть самого Инала. Его, почему-то, согласно «Истории адыгейского народа» и фольклора абхазов, похоронили в Абхазии, на р. Бзыби.¹⁶⁸

Тщательное исследование материалов конца VIII, начала IX вв. Майкопского пытапэ, вероятно даст какие-то иллюстрации военных эпизодов иналовой эпохи (Табл. №XLIII).

¹⁶⁸ Ногумэ Ш.Б. Ук. соч. С.96. Здесь сведения кабардинского историка противоречивы. С одной стороны, он пишет о заключении мира с абхазскими племенами, с другой стороны – о покорении Абхазии.

ТАБЛИЦА №XLIII.

**Керамика раннекасожского периода (VII-IX вв.)
Майкопского Пытапэ, Шунтука, Табаксовхоза,
Цветочного.**

По другим памятникам и фольклорным материалам, заметен довольно самостоятельный путь культурного развития адыгских племен Закубанья, хотя не без варваризирующего влияния салтово-маяцкой археологической культуры, исходившего от хазар с их кочевническо-военным феодализмом.

После смерти Инала между пятью сыновьями Инала от трех жен завязалась междоусобная борьба и, естественно, централизованное руководство адыгами нарушилось. Народ и князья перестали повиноваться потомкам Инала.* Каждый племенной пщитхамата стал управлять независимо своим народом.

В середине IX века в Предкавказье из Заволжья появилась новая враждебная сила в лице тюркоязычных кочевников печенегов. Они с самого начала своего пребывания в Юго-восточной Европе оказались неудобными соседями не только для северокавказцев, но и для тюрков-хазар. Последние пропустили их на запад и они кочевали между Доном и Днепром и, частично, в Западном Предкавказье.

Это соседство дестабилизировало обстановку и в Закубанье. Так, что во второй половине IX и в первой половине X-го века основная масса адыгского населения Касахии (восточной Адыгеи) по-прежнему вынуждена жить в горах.

* В исторических преданиях адыгов говорится о возмущении и неповиновении, в чем можно усмотреть восстание и освобождение от власти хазар.

Рис. 14. Бронзовая позолоченная подвеска конской сбруи из Кужорского кахатлежа.

3. Минилия развитого средневековья (X-XIII вв.)

Начало второго тысячелетия для Северного Кавказа оказалось временем обретения независимости и возрождения национальных культур кавказского стиля. Это, в первую очередь объясняется ослаблением Хазарского каганата и последовавшим затем его крушением.

Это явление наглядно иллюстрируется двумя эпизодами 3-ей четверти X-го века, описанными и оригинально исторически интерпретированными Ш.Б. Ногмовым в «Истории адыгейского народа».

Первый эпизод повествует о том, как касоги организовали дерзкий поход на западный оплот хазар крепость Саркалу (Саркел), но тактический просчет помешал им достойно использовать результаты этой экспедиции. Тактический промах позволил хазарам продлить стратегическое преимущество еще на три года. Вероятнее всего адыги, заслышав о разгроме киевским князем Святославом в 965г. волжской столицы каганата Итиля, решили воспользоваться моментом и доказать свою полную независимость. Кемиргоевский князь Безруко Болотоко в союзе с касожско-абазинским князем Алегико Канжоуа направили свои отряды в сторону Саркалы, но в ходе военной операции Алегико с авангардом попал в засаду и был взят в плен. Адыги побили хазар и захватили богатую добычу, но «успех этого набега не мог, однако же, утешить его (Безруко) в потере князя Алегико, который остался в плену у хазар».¹⁶⁹

Следующий эпизод о том, что через три года, т.е. в 968г. «...татарский хан с многочисленным войском вступил в западную часть Кавказа и объявил войну кахам и кеггахам. Адыги собрав свои войска, выступили к реке Пшисе¹⁷⁰, где они сошлись с неприятелем. На этой реке было дано несколько сражений, между тем предварительно уведомили опские племена о нашествии врага... По прибытии союзного войска, военные действия прекратились с обеих сторон и, хан согласился заключить мир на следующих условиях: что бы адыхи и опсы соединили свои силы с ханскими и предприняли сообща поход против Аскалы или Саркалы, которая по преданиям нашим находилась за Доном»...

¹⁶⁹ Ногумэ Ш.Б. Ук. соч. с.98.

¹⁷⁰ Пшис река может быть и Кубань (Пшиз), и Пщиц – ее приток.

«Поход был удачный. Князь Безруко сопровождал хану и совокупными действиями они разбили войско хазар, взяли Саркалу и освободили князя Алегико. Они заняли все царство Хазарское по берегу Азовского моря и овладели Тамтаракаем.»¹⁷¹

Ш.Б. Ногмов предложил в «татарском хане» видеть князя Святослава, пришедшего с запада. Впоследствии после падения русского Тмутараканского княжества, как пишет Ш. Ногмов, адыги почти пять столетий не видели славян, а с той стороны, приходили татары (особенно крымские) и т.о. «русский князь» был заменен в преданиях «татарским ханом».

Историческая ситуация того времени не противоречит подобной интерпретации. Как показывают летописные источники, в 968 году, во время блокады Переяславца Святославовым войском хазары подговорили печенегов напасть на Киев. Святослав, узнав об осаде Киева поспешил с отрядом на помощь, и по прибытии, отогнав печенегов, решил оперативно покончить с постоянно тревожившим восточным соседом. Поскольку сил было недостаточно, Святослав решил привлечь на свою сторону давних недругов хазар касогов. Когда после первой попытки силой не удалось на них подействовать, он сменил меч на дипломатию. Конечно, Святослав был осведомлен о пленении Алегико хазарами. Поэтому касоги и союзные им опсы, в которых Ш.Б. Ногмов настоятельно рекомендует видеть абазин (апсилов), а не ясов (овсов-осетин), как сообщает русская летопись.¹⁷²

Таким образом, этот эпизод с помощью адыгского фольклора обрастает интересными, важными деталями, которых нет в сухом кратком сообщении Повести временных лет и Устюжской летописи (Устюжская летопись свод. м-л. 1950, с.26)¹⁷³

Из «Истории адыгейского народа» и из Нартского эпоса (цикл Шабатныко) выясняется, что долгое время в Касогии главными князьями были представители абазинского (опсского)

¹⁷¹ Ногумэ Ш.Б. Ук соч. с.99.

¹⁷² Виноградов В.Б., Голованова С.А. Страничка русско-кавказских отношений XII века. // ВИ, 1982, №7.

¹⁷³ Сообщение «Повести временных лет», созданными в XII веке на основе летописных данных (не ранее XIV.) и фольклора, ничем не превосходит фольклор кавказцев и уступает ему в информативности.

рода Канжоуа. Князь Алегико (Аледжуко) был сыном главного князя.

Согласно сведениям византийского императора-историка Константина Порфирородного Адыгея в X веке делилась на три области – Зихию, Папагию и Касахию.¹⁷⁴ Но границы этих областей трудно уловимы. Общая территория ограничивалась на западе Таманским полуостровом, на востоке р. Большая Лаба, служившей, видимо, пограничной рекой с Аланией.

Причерноморская Зихия и будущий Большой Шапсуг, к тому времени, судя по отрывочным сведениям европейцев, были демократичными и не имели главного князя. Папагия, это центральная часть, объединявшая кемиргоевцев, хатукаев, жанеевцев. Здесь, согласно «Истории адыгейского народа», правили уже князья Болотоко, в частности, в X веке Безруко. Территорию Папагии следует ограничить на западе р. Афипсом, на востоке р. Шхагоще (Белой).

Касахия объединяла племена махошей, бесленеев, абазин и егерухайцев и управлялась князьями Канжоуа.

Выходит крепость Аух на Шхагоще располагалась на самом восточном фланге Папагии и была своеобразным опорным пограничным пунктом, но вряд ли центром Папагии. На эту роль претендует загадочный город Старая Лазика, скорее всего находившаяся на месте Псыфабэ (Горячего ключа). Там обнаружены археологические признаки и крепости, и христианской религии и других элементов города.

Центром Зихии был, несомненно, город Никопсия, о котором Константин Порфирородный пишет: «...от Укруха до реки Никопсис, на которой находится крепость одноименная, простирается страна Зихия». В Никопсисе – центр зихской епархии и, естественно, храм.

Центром Касахии был город Касек на Гупсе, где мощная крепость, христианские церкви, часовни, каменотесные и гончарные мастерские и даже сигналы местного стеклоделия.¹⁷⁵

Однако восточный форпост Папагии не был захолустьем в позднекасожский период. Поблизости от Майкопа, на расстоянии

¹⁷⁴ Constantine Porphyrogenitus. De Administrando imperio. Budapest, 1949, p.182-183.

¹⁷⁵ Ловпаче Н.Г. Разведочные работы археологической экспедиции АГПИ в Майкопском, Мостовском, Теучежском районах//Археологические открытия СССР за 1985 г. М., 1987.

19 км. на север в XIX веке открыты остатки храма XII века (1171 г.) посвященного святому Георгию. Его исследовал Е.Д. Фелицин в 1876 г. но более подробное объяснение этому открытию дал Н. Каменев.¹⁷⁶ Среди развалин обнаружены две плиты с надписью. На одной (надгробной), в надписи по-гречески упоминается владетель Минилии Георгий Пиуперти, похороненный в каменной гробнице на входе в церковь. На другой плите армянская надпись показывает дату строительства.

Можно представить этого владетеля Георгия и настоятелем церкви. Загадочная Минилия должна была иметь центр в Майкопе, где мощная крепость и вход в горы. То, что культовый центр находился за два десятка километров, объясняется доступностью этого места (между г. Белореченском и ст.Ханской на правом берегу Шхагоще) со всех сторон Закубанья и его выгодным географическим положением на Закубанском ответвлении «Великого шелкового пути». С другой стороны, такая растянутость элементов городского комплекса соответствует древней традиции адыгов.

Некоторые ученые в Минилии усматривали Мигрелию, связывая ее с правлением наместника, якобы присылаемого грузинским царем. (Давид – строитель, царица Тамар, Лаша-Георгий). В подтверждение этого приводили факты популярности имени Георгия в Закубанье в этот период, гидроним Курджипс как «Грузинская река»¹⁷⁷ и несколько позже клад грузинских монет царицы Русудан, найденный в г. Хадыженске.¹⁷⁸

В районе «Минилии» или «Милинии», что более логично для Адыгеи, так как у адыгов эномастикон Миллен известен для более позднего времени и для современности,¹⁷⁹ археологией зафиксирован центр ювелирного искусства X-XII вв. Этот район ограничивался на севере переправой «Шитхале» (современный Белореченск) через р.Шхагоще, на востоке р.Фарс, на юге рекой Дэхо, Даховской котловиной на р.Шхагоще и р.Мезмай с включением долины Курджипса. Забегая вперед к т. н. Анапской

¹⁷⁶Каменев Н. Развалины церкви Св. Георгия на р. Белой//Памятная книжка Кубанской области. Екатеринодар, 1877.

¹⁷⁷ По-адыгски «Гурдж, курдж» – грузин, грузинский.

¹⁷⁸ Лавров Л.И. Адыги в раннем средневековье. // Сборник статей по истории Кабарды. Нальчик. 1955. с.235.

¹⁷⁹ История народов Северного Кавказа.

торговой дороге генуэзцев и оглядываясь назад на «Великий шелковый путь раннекасожского периода, можно представить торговый путь через закубанскую Адыгею X-XIII вв. Важно, какое место в нем занимала Милиния».

Со стороны Крыма и Тамани этот путь шел через ст. Хабльскую, Саратовскую, Бакинскую, Гурийскую, переправа Шитхале (Конотоп по-русски), Кужорская, Махошевская, Новосвободная, Баракаевская (или Губская, если восточно-северокавказское направление), Псебай, Курджиново, Зеленчукская, река Маруха и через Марухский перевал в Закавказье.

Кремационный могильник Кужорского кирпичного завода и некрополь Колосовки X-XII вв., исследованные П.А. Дитлером, дали прекрасный материал художественного металла касогов развитого средневековья. Это произведения ювелирного искусства, технологической базой которого служило бронзолитейное производство, использующее местный пирит верховьев Фарса и Шхагуаще, а также месторождения серебра в верховьях р. Лабы. (Табл. № XLIV).

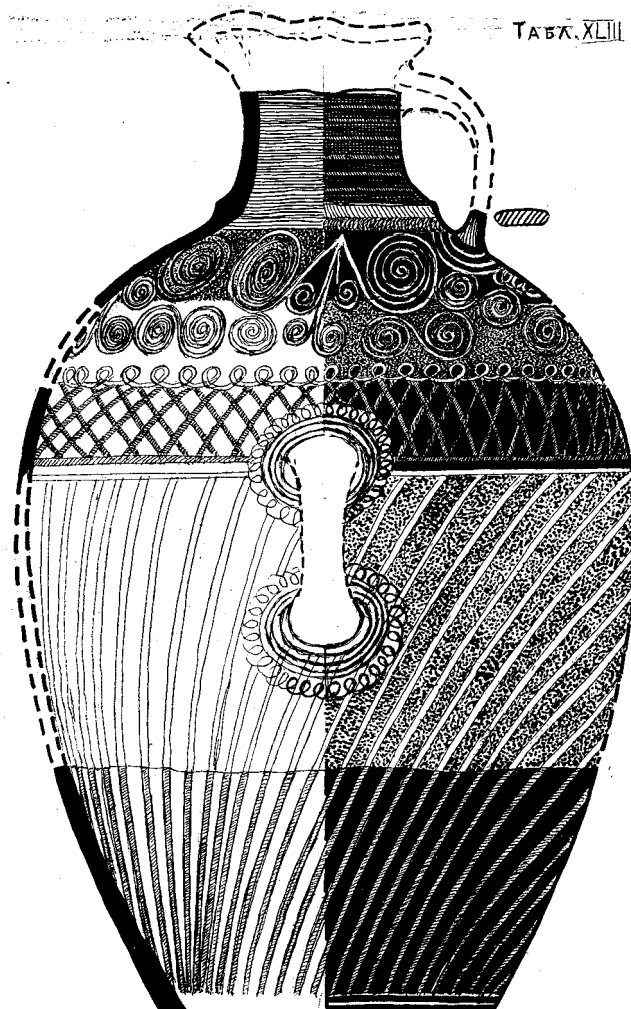
Наличие крепостей, которые цепью (были) расположены по скалистому хребту от Псебая до Псыфабэ; функционирование христианского центра вблизи торгового пути; обеспечение торговцев-путешественников сувенирами из Колосовской художественной мастерской, а в связи с этим металлургия бронзолитейного и железоделательного характера; гончарное ремесло, возрождающее национальные технологические, типологические и декоративные основы – все это, воспринимаемое в комплексе, формирует городской центр вокруг крепости Аух на Шхагоще, т.е. вокруг современного г. Майкопа. Для города четырех компонентов – крепость, храм, ремесленные посады, торговая база (рынок) – вполне достаточны. Нехватает только некрополя в непосредственной близости от оборонительного пункта и конкретного названия города.

В отношении некрополя всегда в археологии проблема и только случай выявляет подземные захоронения. В раннем средневековье у адыгов не замечается курганных могильников.

Это объясняется, скорее всего, неразвитостью классовых отношений и слабой социальной стратификацией.

Украшения конской сбруи из окрестностей Майкопа
Бронзовые позолоченные ажурно-скульптурные подвески
из кахатлежей X-XI вв. ст. Кужорской и Колосовки на
Фарсе (1, 4 – Кужорская; 2, 3, 5 – Колосовка; 6 – Псекупс).

Черноглиняный гучэс – трехручный сосуд для вина из разрушенного погребения Псекупского кахатлежа X-XIII вв.

У причерноморских зихов, судя по Борисовскому могильнику в г. Геленджике уже с IX века возрождается курганная насыпь над погребением аристократа. В Закубанье процесс классовой дифференциации, наблюдаемый по погребальному обряду, начинается со 2-ой половины X-го века. Это иллюстрирует колосовский курганный некрополь. Там же частично исследована грунтовая часть некрополя, могилы которого по богатству не уступают курганным. Этот факт говорит об имущественной дифференциации касожского общества, следом за которой, обычно, начинается более четкое классовое расслоение.

Ближайший к Майкопу исследованный грунтовой могильник Кужорского кирпичного завода дает захоронения воинов-всадников. Эти дружинники в дальнейшем переходят в разряд узденей, т.е. самых низкостепенных дворян-орков.¹⁸⁰

На обоих берегах Шхагоще территории Майкопа обнаружены культурные слои X-XIII вв, выходящие прямо на поверхность. Но пока еще не удалось локализовать хронологическо-стратиграфически ни одного четко отграниченного пункта X-XIII вв. Еще сложнее с кладбищем, которое должно быть грунтовым, подземным, трудно находимым. Не так сложно с именем города. Вновь забегаю вперед, необходимо заметить особенность в отношении адыгов к этому вопросу. Поскольку адыгский город отличен от европейского, русского и даже закавказского своей обширной планировкой и рассосредоточенностью основных компонентов комплекса, люди воздерживаются от резкого разграничения между сельским и городским населенным пунктом. Зачастую же, если и выделяют, то называют просто городом. Такой случай приводит французский вояжер XVIII в. Абри-де-Ла-Мотрэ в отношении Майкопа, называя населенный пункт со слов абадзехов «хелипса» – просто, город. Подобный случай наблюдался в XIX и XX вв. в отношении Екатеринодара, который ближайшие адыги на левом берегу Кубани бжедугского племени называли просто город – «кале». И по сей день часто можно слышать от бжедугов такое название («кале» или «бжъэдыгъкале»).

Загадкой является название владения Георгия Пиуперти¹⁸¹. «Минилия» или «Милиния».

Удивительно еще то, как спокойно мог функционировать на равнине на правом берегу р. Шхагоще христианский центр и поселение, когда в период X-XIII вв. сохранялась постоянная угроза половецких набегов с севера из Прикубанья и вторжений алан с востока из-за Лабы. Об этом можно судить по упомянутой цепи мощных цитаделей с мегалитическими

¹⁸⁰ Ближайшим курганным захоронением к Майкопу XI-XII вв. является довольно богатая (княжеская) могила, исследована по соседству с церковью Св. Георгия.

¹⁸¹ Это был священнослужитель, возможно, посаженный по рекомендации византийской церкви по согласию местных феодалов Папагии ближайшей грузинской епархией.

фортификационными элементами. Это крепости: Бесленеевская на правом берегу р. Ходзя, Шэндико и Кизинковская на р. Кизинке, Гупский пытапэ (город Касек), Бутковой поляны в верховьях р. Фарса, Крепость Аух на Фарсе, Хаджохская на горе Батарейной, несколько цитаделей в бассейне р. Пшиша, в том числе ст. Кабардинской, наконец, крепость «Псыфабэ на р. Псекупс. Это оборонительная линия второго эшелона, растянутая по скалистому хребту. Майкопский пытапэ, т.е. крепость Аух на Шхагоще это пункт первого эшелона.

Логично предположить, что Георгию Пиуперти – владельцу Минилии (Милинии) каким-то образом, используя авторитет Византийской империи, удавалось сохранять безопасность и стабильность международной торговли,¹⁸² спокойное распространение православной религии и мирный труд касожских крестьян и ремесленников. Византия в этот период, называемый комниновским (XI-XII вв.) перед крестовыми походами переживала пору относительного благополучия. Поэтому в Западной Адыгее в позднекасожский период, очевидно, не без содействия Грузии, довольно интенсивно распространяется христианство в аристократической зихско-касожской среде. Именно к этому периоду относится функционирование загадочной Кавказской епархии, которая подозревается автором этих строк в г. Касеке на р. Гупс.¹⁸³

В такой благополучной области, как Минилия (Милиния) возможно было выращивание растений промышленного значения, например, льна. Арабский историк X в. Масуди свидетельствует: ...в стране кашаков (касогов) «производятся различные ткани из льна того сорта, который именуется «тала» (золото) и который более тонок и носок, чем сорт «дабаки».. один обрез его стоит 10 динаров и он вывозится в соседние страны ислама.

¹⁸² Арабский историк Масуди для середины X в. сообщает: «...в прибрежном городе Трапезонде, откуда товары идут к ним на кораблях «ежедневно происходит несколько торгов (базаров), и на них для торговли приходит много народов, таких, как мусульмане, греки, армяне, а также люди из страны «кашаков». В обмен на привозные изделия местные народы поставляли полотняную ткань, скот, хлеб, воск, мед, рыбу, икру, меха, кожи, лес, металл (серебро и др.), изделия из кожи, дерева, а так же рабов.»

¹⁸³ Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда. С.206.

.XLIV

а

б

Гупский каменный крест с изображением
мифологизированной охотничьей сцены (≈XI в.)

Такие же ткани вывозятся и смежными народами, но славится сорт, вывозимый этими (кашаками).¹⁸⁴

Следовательно, к ранее указанным ремеслам (гончарному, металлургическому, каменотесному, ювелирному, а также горнорудному производству в районе Майкопа – Хелипса – Аух можно добавить ткачество.

Говоря о торговых связях Милинии (Минилии) необходимо отметить особо оживленное общение с Византией, Крымом и Малой Азией через Закавказье. В курганном погребении у церкви Св. Георгия золотые и серебряные украшения византийского стиля и следы шелковой ткани. В ингумационных и кремационных погребениях ближайшего к Майкопу Кужорского могильника X-XII вв. а также в Колосовском могильнике №1 найдены импортные стеклянные сосуды. П.А. Дитлер, исследовавший эти памятники предложил грузинский адрес их производства,¹⁸⁵ хотя не исключается и сирийский центр стеклоделия. В Колосовском могильнике №1 найдена амфора крымского гончарного центра.¹⁸⁶ На корпусе сосуда нацарапаны знаки в виде сильно схематизированной человеческой фигуры. Это должна быть тамга владельца амфоры. Ближе всего к этому знаку тамга абазин Ионовых и кабардинцев (тогда еще, видимо, касогов) Жамбот. Первая фамилия, как видно, греческого происхождения и вполне уместна в «Минилии» рядом с Георгием Пиуперти.

В результате картографического анализа окрестностей и ближайших мест г. Майкопа выясняется, что в период со 2-ой половины X-го по 1-ую четверть XIII вв. равнинная часть центрального Закубанья довольно активно заселялась касогами, но значительная часть адыгского населения продолжала еще обитать вокруг горных крепостей, служивших, как видно, не только (и даже не столько) феодальными замками, но в основном, убежищами от набегов половцев и алан. Как можно предполагать, область Минилия (Милиния), располагавшаяся в бассейне рр. Шхагоще, Фарса и Курджипса, находилась на особом привилегированном положении, имея три мощных твердыни (крепости Аух на Шхагоще, на Фарсе и пытапэ в

¹⁸⁴ Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда. С.206

¹⁸⁵ Дитлер П.А. Могильник Колосовка №1 (раскопки 1969 г.)//Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1985. – С.123.

¹⁸⁶ Там же. С. 122, Табл. IV, рис. 36.

Хаджохе) и городской центр Хелипса в Майкопе. Но еще больше, чем крепости значило непосредственное покровительство Византии, не исключающее даже военного присутствия в виде гарнизона из греческих наемников и купцов вокруг церкви Св. Георгия и в Хелипсе. Это вполне возможно, если представить Георгия Пиуперти зятем папагского князя Милена.

Итак, будущий город Майкоп во главе Милинии и в составе Адыгеи развитого средневековья, освободившейся от варваризирующего влияния Хазарского каганата, развивался в русле возрождения национальной культуры кавказского стиля под (благотворным) прогрессивным влиянием Грузии и Византии с их ренессансными процессами.

Рис. 15. Деталь серебряного ковша с гравировкой и чернью из Белореченского кургана №6.

4. Шитхальская культура позднего средневековья на территории Майкопа и его окрестностей (XIV-XVI вв.).

Этот период начинается с 1222 г. т.е. с первого вторжения монголо-татаров во главе с Чингис-Ханом на Северный Кавказ. Как известно, в этот год, как пишет арабский автор Ибнальасир, «Пришли в Аланию – в 1223 г. Аланы собрали и кипчаков и сразились. Никто не мог одержать победу. Тогда татары уговорили кипчаков отойти с помощью даров и денег. Напали на алан и разбили их. А потом пошли на кипчаков, которые разошлись по домам. Татары пробыли некоторое время в земле кипчакской, но потом в 620 году (1223) двинулись в страну русских. Услышав вести о них, русские и кипчаки, успевшие подготовиться к бою с ними, вышли на пути татар и они (татары) обратились вспять... гнались 12 дней, но потом татары обратились на русских и кипчаков, которые заметили их только тогда, когда они уже наткнулись на них. Для последних это было совершенно неожиданно... Несколько дней бились. Татары превосходили числом (значительно). Наконец, татары одолели».¹⁸⁷

Как видно, в войне с татарами участвовали три крупных (основных) этноса Северного Кавказа и Восточной Европы. Если нахско-дагестанские народы могли участвовать в ней под эгидой алан, то касоги, находившиеся в постоянной вражде с пришельцами (аланами, славянами из-за Тмутаракани и половцами-кипчаками) не выступили против монголо татар.

Ш.Б. Ногмов в своей «Истории адыгейского народа» приводит предание о нашествии Китай-хана на Кабарду. В нем рассказывается о том, что Китай-хан, под именем которого историк мыслит Чингиз-хана, предложил касогам через послов не воевать, а с помощью «пелуанов» (борцов) решить, – какой народ будет править, а какой – повиноваться. Он выставил знаменитого татарского богатыря Каисына. Но кабардинцы (касоги) переодели богатырскую женщину Лацин в мужскую одежду и она положила татарского богатыря на лопатки. Раздосадованный

¹⁸⁷ Тизенгаузен В. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т.1. Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1882. – С. 26.27.

Китай-хан вынужден был «...отблагодарив князей и подарив им семь рабов, простился с народом и отправился восвояси».¹⁸⁸

Позднее, уже в 1240 году войска Бату-хана загнали алан в горы центрального Кавказа и окончательно нейтрализовали как северокавказскую военную силу, половцев использовали в качестве «основной массы своего войска, над Русью установили постоянный контроль, подчинив системе военного феодализма, или как принято в истории, установив татаро-монгольское иго.

Вопреки утверждениям в письменной исторической традиции России и СССР о существовании татар-монгольского ига у всех народов Кавказа, у адыгов такого не получается ни по фольклорным данным, ни по европейским или восточным авторам источникам, ни по археологическим.

Сам факт, что адыги в лице самых восточных касогов или «кавертийцев» XV в. венецианца Иосафата Барбаро¹⁸⁹ после XIII в. двинулись на восток по Северному Кавказу и заселили Пятигорье, говорит о переменах в лучшую сторону для адыгов-черкесов. На территории Западной Адыгеи по археологическим данным наблюдается запустение многочисленных горных крепостей, функционировавших в предыдущий период. Самый яркий пример тому – город Касек на Гупсском мысе в Мостовском районе Краснодарского края. Этот центр Касахии после середины XIII в. своими археологическими материалами не показывает позднего средневековья. Как и другие, перечисленные выше оборонительные пункты Касахии, Папагии и Зихии, в XIII-XVI вв. если и использовались то эпизодически. Следовательно, обстановка в Западной Адыгеи в шигхальский период была более стабильная.

Этому способствовало еще одно событие второй половины XIII века. В 1266 году Генуэзская республика по договоренности с золотоордынскими ханами, которые чувствовали себя главными хозяевами на Северном Кавказе, проложила торговый путь от побережья Черного моря к Каспию и Закавказье. Это так называемая Анапская дорога» проходила от Мапы (Анапы) «...через ст. Хабльскую, Саратовскую, Ханскую, Царскую (Новосвободную), Псебай, Курджиново, р. Кяфар, Большой

¹⁸⁸ Ногмов Ш.Б. Указ соч. С.89, 90.

¹⁸⁹ Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIV вв. Нальчик, 1974. – С. 42.

Зенленчук, ниже древнего селения, где сохранились два христианских храма и часовня, далее через реку Марух на р. Теберду к Кубани и в Карачай, откуда одна ветвь перебрасывалась через Главный Кавказский хребет в Цебельду, а другая шла по Тереку к побережью Каспийского моря»....¹⁹⁰ Генуэзцы – католики приспособили более ранние христианские храмы для богослужения, находившиеся на этом пути, построили торговые фактории и укрепления при них с ногайскими наемными горнизами, охраняющими от нападения разбойников.

Свидетельством пребывания итальянских купцов в окрестностях Майкопа является каменная плита с рельефным изображением святого Георгия на коне попирающего копьём змея. Рельеф исполнен довольно реалистично в стиле, сочетавшем черты итальянского ренессанса и касожского.¹⁹¹ Этот рельеф датируется временем не ранее XV в.

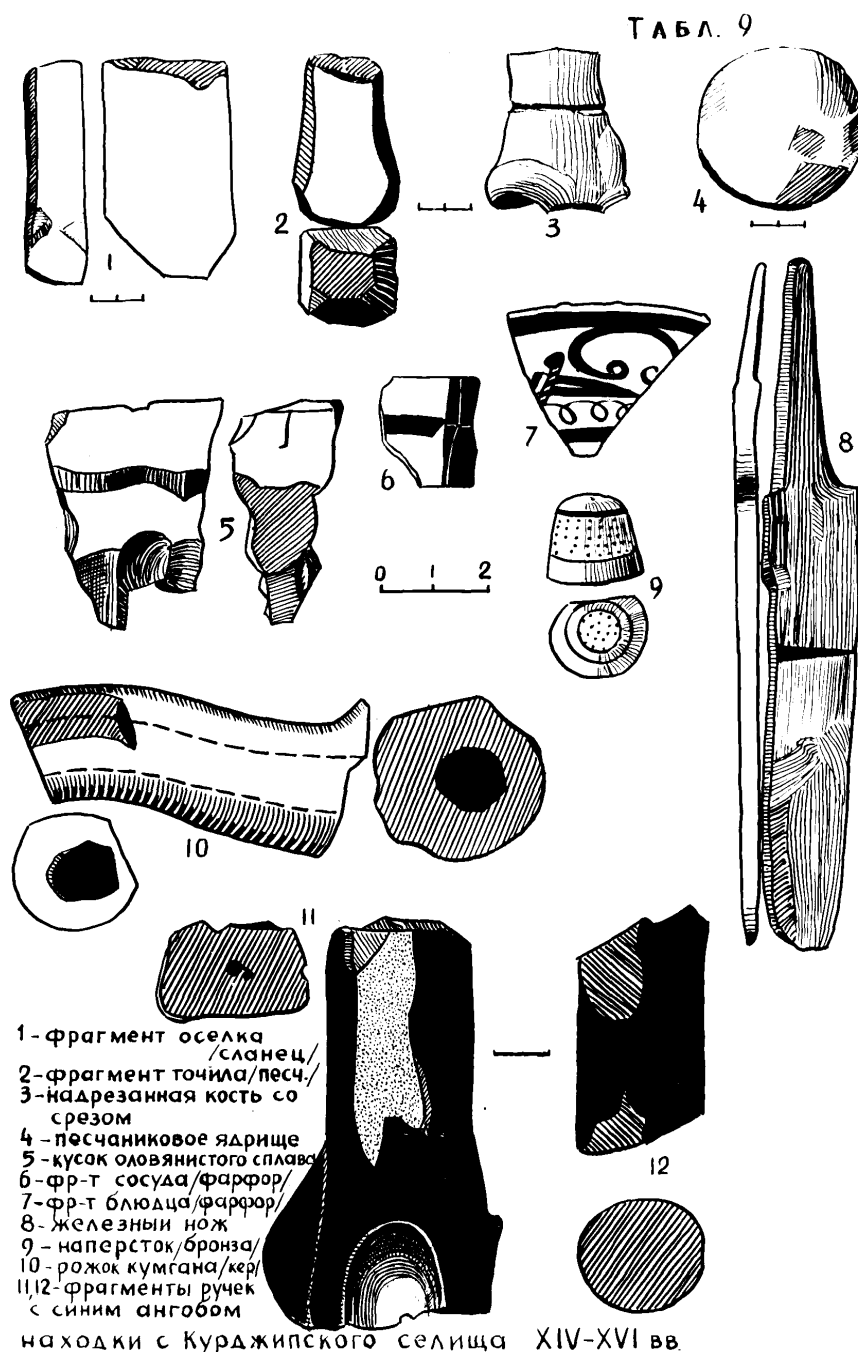
Непосредственно на территории современного Майкопа разведано семь позднесредневековых поселений белореченской культуры: На огородной террасе под северными стенами Майкопского пытапэ; на третьей надпойменной террасе реки Шхагуаше. На площади исследованного древнемеотского могильника Кочипэ; на дачной горе юго-восточного угла города; на второй террасе в южной окраине поселка 10 совхоза (поселок Северный); в устье р. Курджипса, на месте более позднего а. Даурхабль; в двух километрах севернее, на месте а. Богадирхабля. Но самое яркое по археологическому материалу поселение того периода разведано на левом берегу р. Курджипса выше «Красного моста». Оно просуществовало до конца XVI в. На поселении найдены: железные крицы, железный нож, бронзовый наперсток, фрагменты фарфоровой посуды с синей подглазурной росписью по белому ангобу (турецкий импорт), надпиленные и отпиленные кости животных, осколки бронзового сплава, каменные оселки и точила, глиняные пряслица. Больше всего на поселении собрано фрагментированной керамики и костей животных (крупный рогатый скот, свиньи, овцы и козы). Здесь, как ни в каком памятнике Западной Адыгеи, найдено

¹⁹⁰ Каменев Н.Л. Развалины церкви святого Георгия, открытой на р. Белой. //Памятная книжка Кубанской области 1877 год. С.3-7.

¹⁹¹ Плита из известняка хранится в Музее искусства Грузии (№32). Опубликовано Ш. Амиранашвили в Моамбе (музейное издание), 1927. – Т.IV.

немало обломков керамики ангобированных и покрытых прозрачной и синей глазурью.¹⁹² Это должно показывать жизнь города Хелипсы XVI в.

ТАБЛИЦА №XLVII.

Серебряные наконечники с изображением звериных сцен из Белореченских курганов.

¹⁹² Ловпаче Н.Г. Новые памятники Закубанской Адыгеи. // Археология Адыгеи. Майкоп, 1995. С.244-247. Табл 9-12.

Карьером для добычи сырья гончарного производства послужило Драгунское месторождение глины, открытое и использованное еще в поздней бронзе. Перечисленные позднесредневековые селища служили своеобразными посадами г. Хелипса. О ремеслах (металлургическом – железоделательном и бронзолитейном, гончарном, костерезном, камнеобрабатывающем, ткачестве) свидетельствуют многочисленные обломки вещей из подъемного материала, среди которых – железные рыболовные крючки, мотыгообразные тесла, наконечники стрел, пружинные ножницы для стрижки овец, огнива, кабаньи клыки.

Наиболее развитыми выглядят гончарное и металлургическое.¹⁹³ Если присовокупить материал белореченских курганов XIII-XV вв., можно добавить деревообрабатывающее ремесло и ювелирное искусство. В них же масса импортных вещей – стеклянная посуда венецианских и сирийских центров, шелковые ткани как китайского, так и византийского производства, медные монеты золотоордынских ханов Узбека и Джанибека (XIV в.), предметы из золота итальянских торецов (посуда) всевозможные украшения из драгоценных и полудрагоценных минералов и пр.

О распространении христианства среди жителей Минилии (Милинии) в этот период говорит не только церковь Св. Георгия у ст. Ханской, но и остатки небольшой каменной церкви под северными обрывами Майкопской пытапэ, застроенной в 20-е годы XX в. одним из частных заводчиков.

Единого городского некрополя в Хелипсе не было, но сопутствующие перечисленным посадам, несомненно, были грунтовые могильники рядовых горожан неизвестны, кроме одного кремационного погребения в керамическом горшке, обнаруженного на могильнике Кочипэ. Но захоронения знати в виде курганов известны. Это кладбище из 30 курганов на левой 2-ой террасе р. Курлджипса, видимо, относившееся к селищу Даурхабля. Два курганных захоронения были осуществлены на нижней укрепленной террасе Майкопского пытапэ, над огородной террасой с поселением. Ряд курганов, среди которых

¹⁹³ Тавернье Ж.Б. пишет: о черкесах: «они настолько трудолюбивые, что сами добывают железную руду, которую затем расплавляют, и из которой затем готовят различную домашнюю утварь»//Адыги, балкарцы и карачаевцы... С.

сравнительно небольшие позднего средневековья, тянется по хребту Махошкуша южнее дачной горы.

Но самыми богатыми и выразительными оказались белореченские курганы, раскопанные Н.И. Веселовским в 1870-е – 1910 гг. Этот колоссальный некрополь насчитывал около 80-ти насыпей. Возле церкви Св. Георгия тоже был открыт курган с позднесредневековым захоронением.

Средоточие перечисленных памятников бытового, культового, погребального и оборонного характера на торговом пути, связывающим Европу с Азией, делает Майкоп одним из важнейших центров Западного Кавказа.

Кажется, об этой укромной долине в глубине Черкесии пишет генуэзец Джорджо Интериано в 1504 году, побывавший в Черкесии в конце XV, начале XVI вв. «Вся их береговая полоса в границах Азовского моря и вне их обнимает до 400 миль, а внутри страны они живут на восемь дней пути, не имея ни одного стенами укрепленного города; небольшая долина К;армес (Carmes) пространнее других и лучше населена».¹⁹⁴ Если долиной р. Шхагуаше захватить ст. Келермесскую (Къэлармэз черемшинный лес), переданную генуэзцем с сокращением среднего слога, то можно представить Минилию (Милинию). Если же это дословно тюркско-адыгское «темный лес», то эта долина должна быть в горной части Адыгеи, где были заросли пихты или других хвойных деревьев. Современный поселок Темнолесский находится в междуречьи Шхагуаше и Курджипса.

То, что Интериано не замечает укрепленных стенами городов в Черкесии, естественно по трем причинам. На равнине укреплять города бесполезно, потому что татары, руководствуясь пословицей – «крепость не в толстых стенах, а в мужестве людей», взяли самые неприступные горные крепости Алан. С другой стороны, европейцы не видят северокавказских городов, так как их компоненты распланированы на пространстве. В-третьих, как следствие первого, вся оборонная мощь черкесов заключалась в горных крепостях предыдущих периодов, используемых в случае угрозы, ущельях и лесах. Татары обеспечивали спокойствие Западной Черкесии, обещанное генуэзцам. Они не позволяли степнякам (половцам,

¹⁹⁴ Рассказ генуэзца Георгия о быте и нравах черкесов 1504 года (в переводе Веселовского)//ЗИРО по отделению этнографии. Том II. СПб., 1868. С.17.

ногайцам) делать набеги на Закубанье и с 1266 по 1457 год Черкесия мирно развивалась и процветала. Поэтому, когда на Руси было татаро-монгольское иго и, как полагают, упадок культуры, в Западной Адыгее расцвет национальной культуры, поощряемый итальянским Ринашименто и Палеологовским возрождением из Византии.

Закономерно поэтому, что белореченская культура черкесов XIII-XVI вв. выражает характер и степень развитости культуры северокавказских народов позднего средневековья. Эта культура несравнима с европейской, но своеобразна. Так, к примеру, французский путешественник Ж.Б. Тавернье изобразил по ранним материалам черкесское военизированное поселение XV в.,¹⁹⁵ возможно, находившееся в долине Кармес. Круглоплановое сооружение из легких, быстро заменяемых материалов типа дерева, тростника, камыша, вмещавшее, очевидно, не менее двух сотен воинов, по своей архитектурной форме и сочетанию объемных компонентов предвосхищает парижские заставы XVII века французского архитектора Ж. Леду, в свою очередь, предвосхитившего конструктивизм XX века.

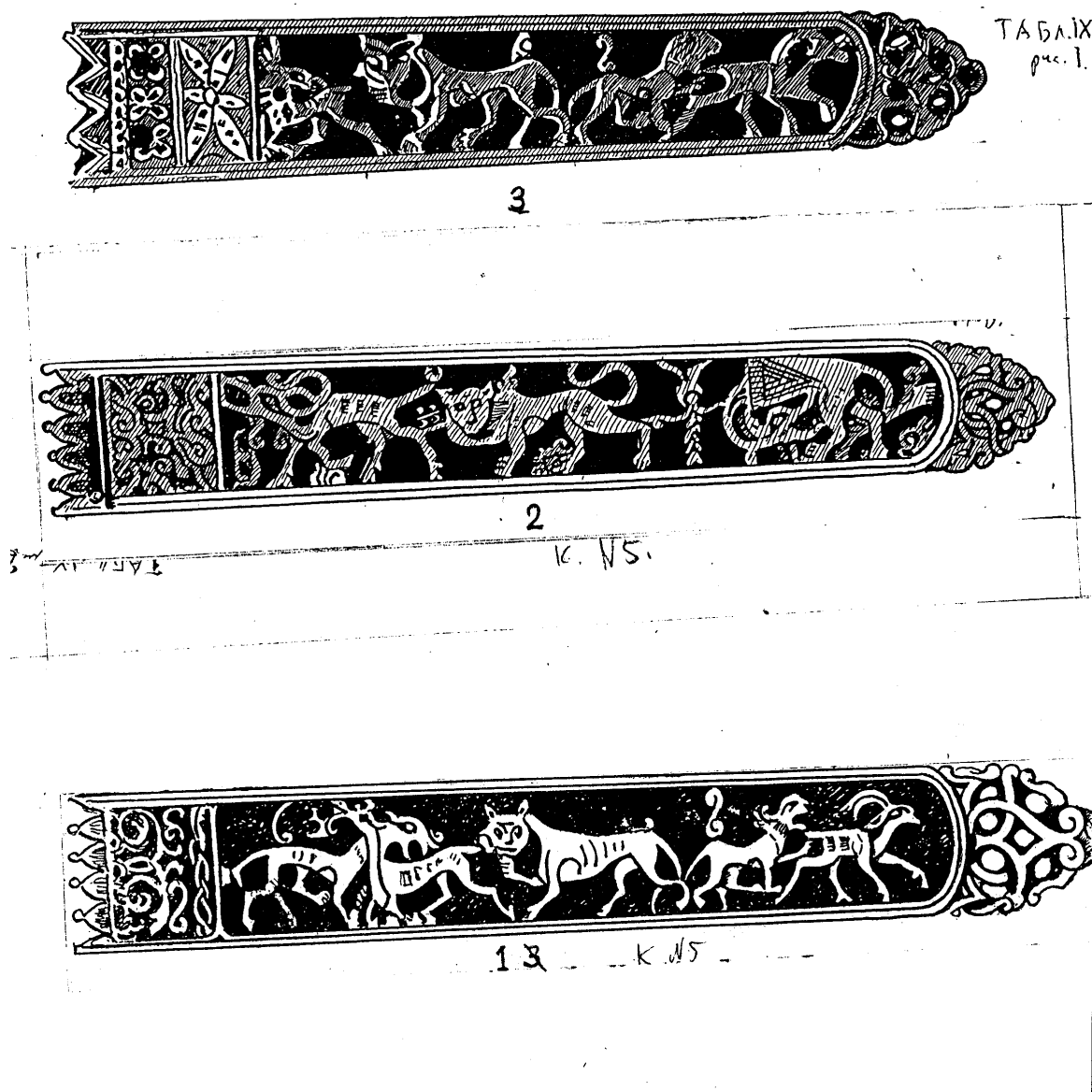
Совершенно неожиданно на фоне европейского ренессансного искусства выглядит в XIV-XVI вв. звериный стиль торевтики белореченских курганов, возрожденный из адыго-меотского декоративного искусства античной эпохи Западного Кавказа (Табл. XLVIII).

Хотя изображения человека, по сравнению с зооморфными, редко встречаются в искусстве черкесов, но в них по-прежнему исполняется касожский стиль, выработанный в предыдущий период. Так, на серебряном позолоченном наконечнике пояса из Белореченского кургана №8 изображена охотничья сцена со спешившимся конным охотником с луком и с собакой, стреляющим во льва.

В начертании лошади и фигуры человека видны какие-то реалистическо-ренессансные коррективы, но позы, движения и идеографический стиль рисунка продолжают приемы касожского стиля.¹⁹⁶

¹⁹⁵ Кобычев В.П. Поселения и жилища народов Северного Кавказа в XIX-XX вв. М., 1982. – С.16.

¹⁹⁶ Ловпаче Н.Г. Изображения зверей в торевтике адыгов//Культура и быт адыгов. Майкоп, 1980, табл. X-I.

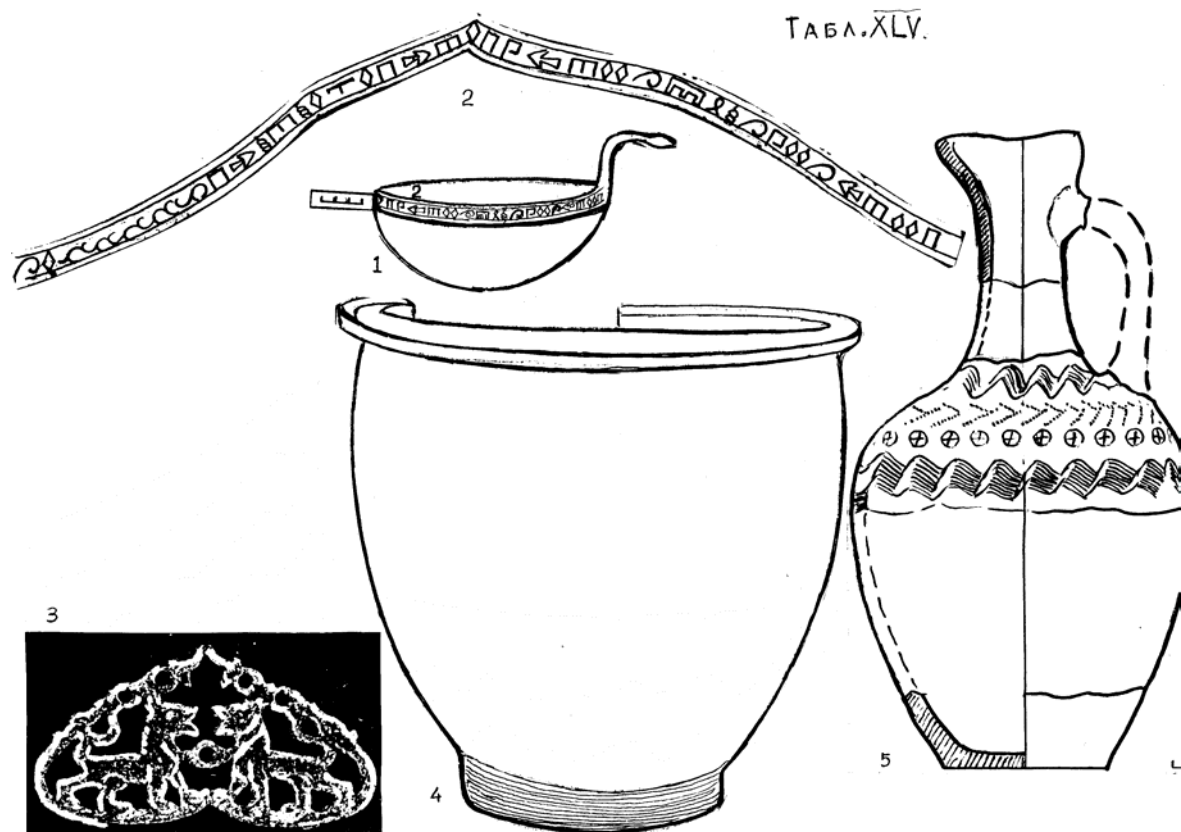
Серебряные наконечники поясов с изображением звериных сцен из Белореченских курганов.

Подобное стилистическое решение рельефного изображения лошади видно на упомянутой известняковой плите со Св. Георгием из церкви у ст. Ханской. Здесь возможно предположить либо местного камнетеса, либо итальянца, проникшегося идеей кавказского ренессанса. Что последнее возможно, говорит факт основания генуэзцами в 1333 г. школ по

изучению черкесского языка итальянцами в Кафе и итальянского языка черкесами.¹⁹⁷

О просвещении в районе Майкопа того времени, но не европейского а местного адыгского характера свидетельствует златосеребряный ковш из белореченского кургана №26 (Табл. XLIX-2).

ТАБЛИЦА №XLIX.

Находка позднего средневековья (Белореченская археологическая культура XIII-XVI в.)

- 1. Серебряный ковшик из Белореченского кургана №8.**
- 2. Развёртка надписи на венчике ковша.**
- 3. Ажурная бронзовая позолоченная пряжка из ст. Ханской (случайная находка).**
- 4. Красноглиняный гончарный горшок из кремационного погребения Тыгакочипэ.**
- 5. Красноглиняный кувшин из подъёмного материала Тыгакочипэ – реконструкция.**

¹⁹⁷ Аталиков В.М. Страницы истории. Нальчик, 1987. – С.17.

В этом кургане раскопано детское мужское погребение в деревянном гробу. При погребенном, одетом в парчевый кафтан, был роскошный инвентарь: малая железная сабля с серебряными заклепками, золотой свисток на колечке, свисающий с пояса, с неразборчивой надписью, две золотых серьги, на кафтане золотые и серебряные пуговицы, золотое кольцо с бирюзой поясной набор. Поясной набор включает: три серебряных позолоченных бляхи с двумя соломоновыми печатями и одной шестиконечной звездой; серебряная четырехугольная пряжка с цветами и арабской надписью в круге, длинный серебряный язычок с растительным орнаментом. Самым крупным предметом оказался серебряный позолоченный ковшик подобный русскому скобкарю, диаметром около 10 см. Под венчиком ковшика по всей окружности вычеканена фризовая надпись, которую Н.И. Веселовский, исследователь кургана, назвал эпиграфическим орнаментом. Но, учитывая применявшееся в тот период у адыгов силабо-пиктографическое письмо,¹⁹⁸ эклектически использовавшее хеттские иероглифы, знаки финикийского, арамейского и сирийско-несторианского, можно прочесть эпитафию. О хеттских реминисценциях говорит и направленность письменных строк по двум сторонам венчика, которая напоминает хеттский бустрафедон.

С одной стороны читается слева направо: «мой Алим, князь Асланиани, уа, Суана, сила, уа, сунна». С другой стороны читается справа налево: «Уа слепец мой враг мой, (богом) Бнасыб (проклятый), слепец Агуа». В этой эпитафии – и аннотация о погребенном, и причитания, и проклятие, и намек на причину смерти.

Малолетний сванский княжич Алим Асланиани, видимо, воспитывался у абазинского аталыка Агуа (Агоев) и по какому-то промаху воспитателя погиб. За это аталык был каким-то образом ослеплен в лесу или на охоте. Что представители абазинского рода Агуа могли здесь, в районе Майкопа обитать, говорит песчаниковая скала в урочище Хамышей (с. Хамышки), на которой имеется и тамга Агоевых. Но еще интересный религиозный синкретизм показывает эта надпись на ковшике. Сванский княжич имел отношение к суннитскому исламу. Это

¹⁹⁸ Саханев В. Раскопки на Северном Кавказе. СПб., 1912. рис. №55 (погр. №63); Лесков А.М. Сокровища курганов Адыгеи. М., 1985. – С.47.

вполне естественно для XIV в., которым датируется погребение; как раз в этом столетии Золотая Орда приняла: ислам, а, поскольку, монголо-татары были законодателями на Северном Кавказе, местная знать, следуя моде, тоже формально почитала Аллаха. О модном увлечении этой религией свидетельствует и серебряная поясная пряжка с арабской надписью в круге. Но кто-то из родителей, заказавший эпитафию на ковшике, по-прежнему клянется лесным богом.

В нескольких курганах Белореченского некрополя раскопаны могилы с сырцовыми сводами, обычно в науке приписываемые монголо-татарам. Следовательно, возможно представить непосредственное присутствие какого-то представителя Золотой орды со своей семьей, проживавшего у Ханской фактории генуэзцев.

В заключение очерка исторического периода необходимо разъяснить один важный момент. В.П. Левашева в книге «Белореченские курганы» с недоверием относится к художественно-творческим возможностям абадзехов XIII-XV вв., которые, по ее мнению, вели полукочевой образ жизни и не имели возможности развивать ремесла. Автор использовала искусствоведческий анализ ювелирных изделий белореченских курганов, предпринятый К.А. Ракитиной.¹⁹⁹ Искусствовед, систематизируя художественный металл Белореченских курганов, распределяет его на четыре группы: золотая посуда – италийского происхождения, большинство высокохудожественных ювелирных произведений киликийского центра, часть вещей золотоордынских центров и какая-то часть более примитивных изделий местного производства черкесских кустарей.

К изделиям киликийского ювелирного искусства автор отнесла и серию серебряных и златосеребряных поясных наконечников (мышьюупц1э). Но в Киликии не найдены такие наконечники. А.М. Лесков пишет о том, что их изготавливали в Крыму (г. Кафа),²⁰⁰ но в Крыму найдено не более пяти, а на Северном Кавказе, в пределах территорий распространения черкесских племен, найдены десятки таких изделий.

¹⁹⁹ Ракитина К.А. Группа серебряных украшений из кубанских могильников XIV-XV вв.//Труды отдела истории культуры и искусства Востока. Т. III. 1940. – С.211.

²⁰⁰ Лесков А.М. Сокровища курганов Адыгеи. М., 1985. – С.48.

Впрочем, киликийское ювелирное искусство все же может иметь отношение к «мыжьоупц1э». Среди адыгов имеет хождение предание, записанное несколькими авторами, о переселении черкесских князей Черкеса и Бикеса с народом из Сирии, начавшееся в XIV в. под давлением османской Турции. Поскольку Киликия соседствовала с Сирией, аристократы адыго (хатто) язычного племени «Киркаш», издревне проживавшие на Ближнем Востоке, заказывали киликийским ювелирам оружие, элементы конской сбруи и украшения одежды. Переселившись на Северо-Западный Кавказ, «киркаши»,²⁰¹ принесли с собой наконечники поясов и приемы их украшения. Позже черкесские ювелиры, продолжая звериный стиль киликийских наконечников стали перекомпоновывать и разнообразно варьировать сюжеты.

²⁰¹ По этому этнониму, с которым турки познакомились в Сирии, они и стали называть «киркасами» с XIII в. всех адыгов Кавказа. О переселении см. Ногмов Ш.Б. Указ соч. С.92, 93.

Костюмы и оружие черкесов XVIII века.

5. Город Хелипса черкесского периода позднего средневековья (XVI-XVII)

Этот период, заключенный в рамки второй половины XVI в. и XVIII век проходил в бурных столкновениях адыгских племен, в основном, с крымскими татарами на западе, с калмыками, ногайцами и дагестанцами на востоке Северного Кавказа.

Турции удалось расстроить союз адыгов с Россией и, понятно, почему большая часть западночеркесских племен в тот период придерживалась протурецкой ориентации. Главную роль в этом сыграло распространение ислама среди адыгов. Доминиканский монах Жан Де Люк, побывавший в Черкесии в 1625 г. в «Описании черкесов» пишет: «...Одни из них магометане, другие следуют греческому обряду, но первых больше». Далее монах пишет: «Деревни их расположены в самых густых лесах. Они окружают их сплетенными одно за другим деревьями, чтобы таким образом затруднить въезд татарской коннице. Черкесы часто с последней сражаются, так как не проходит года, в который бы татары, привлекаемые, главным образом, красотой рабов из этого народа, не произвели на их страну какого-нибудь набега, чтобы наловить последних.

Постоянное бейспокойство, которое причиняют им татары и ногайцы, приучило их очень к войне и сделало из них лучших наездников во всех этих странах. Они мечут стрелы вперед и назад и ловко действуют шашкой... В лесу один черкес обратит в бегство 20 татар».

Жан Де Люк описывает похоронный обряд черкесов и становится ясным, что с тех времен ничего в нем до сегодняшнего дня не изменилось, кроме замены евангельской молитвы на чтение из Корана.

В 1620 и 1665 годах в Черкесии побывал турецкий вояжер Эвлия Челеби. Он написал «Книгу путешествия»,²⁰² в которой, хотя путано и часто неточно, описал свой маршрут.

Так, он описывает довольно подробно племя «мамшух» – мамхегов где-то неподалеку от Майкопа. Челеби пишет: «Они обитают у подножия Абхазских гор, среди непреступных скал и дремучих лесов. Это народ ремесленный, не воинственный. Их, по крайней мере, 10 тысяч, и нет у них вождей и правителей. Только в каждом стойбище имеется по 1-2 человека управителей,

²⁰² Челеби Эвлия. Книга путешествия. Вып. II, М., 1979.

достойных и отличаемых, (называемых) такаку (тхьакъак1о), то есть священниками. Не будучи людьми писания, они не придерживаются известных религиозных предписаний... Они не едят ни кур, ни свиней. Не едят они и те продукты и съестные припасы, которые берут у кого-нибудь. А гостю они оказывают исключительное внимание и ничего у него не крадут. Кровь не проливают и не ходят на войну. Меду и сыру они не едят. Когда у них есть для еды бобы, горох, просяная каша, они не едят мяса зарезанных ножом животных... У них много овец, ягнят и коров, а свиней нет; пьют эти люди медовуху, а бузы не пьют».

Описывая стоянку Мамшух на берегу р. Гиага, «вода которой источник жизни»,^{*} Челеби замечает: «стоянка Мамшух наподобие крепости: вокруг нее – благоустроенное неприступное селение – азбаре. Отсюда, в трех часах пути – река Уль;^{**} далее, еще в двух часах – река Серали, затем река Уарп. Эти три реки начинаются в горах Чакал в земле абхазов, текут на восток и впадают в большую реку Кубань».

Из названных речек только река Псенафа непосредственно впадала в р. Кубань. Гиага, Уль впадают в р. Лабу. Сераль, соединившись с Кужорой, впадают в р. Фарс, которую ногайцы называли Ямансу, а Челеби ее вообще пропускает. Все упомянутые четыре речки берут начало в окрестных возвышенностях Майкопского урочища. Р. Сераль Челеби встретил, очевидно, на месте ст. Кужорской. Видимо Э. Челеби р. Фарс спутал с р. Лабой. Описывая стоянку Яркуй (Егерукой), он констатирует: «Это селение также кочевого племени болотокай, здесь 300 домов из тростника. Это селение находится на берегу реки Лабы. Река Лаба – небольшая речка, стекающая с гор Бузудук. До впадения в р. Кубань она сливается с рекой Шагваше (Белой – Л.Н.) и они вместе, слившись воедино, текут в реку Кубань».²⁰³

На реке Шагваше Челеби помещает «пшуко» Болоткай. «На берегу Шагваше стоит укрепление – азбаре, в котором 300 домов. Это – пшуко, то есть резиденция бея. Властителей этого края

^{*} Гиага – Джаджа, что означает имя богини плодородия в языческом пантеоне абхазов и (абазин) и связано с плодородными, мощными черноземами в долине этой реки.

Стоянка Мамшух, вероятнее всего, находилась на месте ст. Келермесской.

^{**} Видимо на месте с. Красная Улька.

²⁰³ Челеби Эвлия. Книга путешествия... С. 65.

называют сыновьями Нулабука (Нурбека?). Их – семеро братьев. Самый старший из них – Сахадук, следующий, моложе (первого) – Эльбуздай, следующий – Эль-Мирза, следующий – Базрук, следующий – Бакук. В этой земле черкесов обычай таков: когда родится сын, ему дают имя гостя, причем гостем может быть как мусульманин, так и кяфир».²⁰⁴

Пшуко – псыхъо это центр речной долины со всеми населенными пунктами. Обычно, это место обитания рода из нескольких отпочковавшихся фамилий. Следовательно р. Шагваша ниже местности Чакал была занята Темиргойским племенем, управлявшимся, очевидно, старшим сыном «Нулабуко» Болотоко Сахадук, из селения Болотокай.

Как видно Э. Челеби, проходя на восток близ урочища Майкоп, не попал в него. В этом урочище должна была располагаться резиденция племенного князя этнического подразделения адыгского этноса абадзехов. Легко услышать в топониме «Чакал» звучание слова город по-тюркски – «кале», хотя не ясно, что скрывается за первой частью слова (очевидно искаженной, возможно убыхское шъа – голова). Если же у абадзехов второй половины XVII в. уже не было князей, то тем более уместно в урочище Мыекъуапэ иметь городской центр большого горского племени, где заседало хасэ – племенной совет старейшин. Логично также иметь вблизи городского центра ремесленный народ племени Мамшух, в отличие от полукочевников кемиргоев

В первой половине XVIII в. Черкесию посетил французский путешественник Абри-де-ла Мотрэ (1674-1843 гг.). Он проехал от Тамани до Каспия и обратно по Северному Кавказу. Проезжая мимо урочища «Чакал», он констатирует наличие черкесского города, хотя в нем ему не удалось побывать. Ла-Мотрэ удивляется тому, что в слове город – Хелипса он не услышал обычное «ч», то есть «Чилепса». Видимо, это объясняется диалектной особенностью абадзехского языка.

Вторая часть слова означает в данном случае душу в смысле центра. Первая часть должна обозначать здесь селение – чиле. В соединении можно подразумевать или центральный населенный пункт или центр окрестных сел. Первая часть переменная. Так в древнем названии адыгского храма «Тхьапсэ» (Тхьапсэкъо

²⁰⁴ Там же. С. 73.

древнейший хеттский город Тапсак на Евфрате – долина храмов) это «бог», т.е. религиозный центр. В названии древней столицы Хеттского царства «Хаттуса», вероятно, опущена «п». Тогда это слово означало – центр Хатти – племени (народа хаттуун).

Косвенным доказательством существования города на месте Майкопа и в XVIII в. является наличие ремесел и их продукции в этом месте. Так, тот же Ла-Мотрэ замечает где-то неподалеку от Хелипсы (скорее всего у ст. Абадзехской) выделку посуды, т. е. наличие гончарного ремесла из сырья, добываемого в одной из окрестных гор.²⁰⁵ Француз называет посуду каменной, но по технологическим намекам (обжиг) понятно, что это керамика. Это ремесло поддержано многочисленными курительными трубками «лулами», сделанными в технике терракоты. Такие «лулы» найдены на территории г. Майкопа в двух пунктах ОПХ и п. Северный. Надо думать, после заселения городской территории русским населением с 1857 года они находились в более массовом количестве. «Лулы» делались местными керамистами по образцу и подобию турецких ангобированных, которые появляются в Черкесии с XVI века, т.е. с начала ввоза из Турции табака и импорта курения.

Также от XVII-XVIII века находятся медные стремена «лъэрыгъу» с стаканоподобной подножкой, что говорит о металлургическом и кузнечном производстве. На базе цветной металлургии продолжало развиваться ювелирное искусство. О каменнотесном ремесле свидетельствуют известняковые и мраморные надгробные стелы, хранящиеся в национальном музее Адыгеи из ст. Дагестанской, Курджипской, Абадзехской, Тульской (Егерухаевской), Новосвободной.²⁰⁶

Абри Де-ла-Мотрэ уверенно пишет о том, что черкесы, вообще, город называют «хелипса» или «Челипса», но почему город в урочище «Чакал» (по Э. Челеби) называется просто

²⁰⁵ Абри Де-ла-Мотрэ. Путешествие господина А. Де-ла-Мотрэ в 1727 году в Европу, Азию и Африку//Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. Нальчик, 1974. – С.126-150.

²⁰⁶ Находки серебряных поясных блях, бляшек и язычков и подвесок из поясных наборов из окрестностей Майкопа и с. Первомайского, Шунтука, ст. Абадзехской, Дагестанской, Курджипской, Табачного совхоза, п. Краснооктябрьского, (х. Драгунский). Пецсонель пишет: «...Изготавливают железные и серебряные вещи, среди которых кроме кинжалов, серпов, удила для лошадей и украшения для оружия, больше ничего не вырабатывается». – см. Адыги, балкарцы... С. 268.

город, в то время как другие города – Кальбата, Геленджик, Суджук, Анапа – имеют свое имя, не разъясняет. Но это вполне естественно для адыгов. К примеру, живущие вблизи г. Краснодара бжедуги (подразделение адыгского народа), его называют просто городом «Калэ».

Однако, «Хелипса» – Майкоп явно не может соперничать со столицей равнинной Черкесии Кальбатой, располагавшейся где-то в долине Бакана, хотя и эта столица, по мнению европейцев, является большой деревней.

С другой стороны, «Хелипса» XVIII века также не может сравниться по интенсивности жизни ни с Аха – Мае поздней бронзы, ни с Авхидой (раннего железного века) античной эпохи. Судя по всему, средневековый Майкоп заметно деградировал в сравнении с предшествующей эпохой.

В XIX в. о городе в урочище Майкоп никаких известий нет. Если это было бы иначе, то генералы Евдокимов и Вельяминов в 1823 и 1825 гг. сделали бы в своих рапортах какое-нибудь замечание об этом. Хотя у этих военачальников представление о таком элементе культуры человека было европейско-российское и черкесский «хелипса» они могли не разглядеть. Они не разглядели три селения на правом берегу Сагваши, которые располагались непосредственно на площади современного города, –Кохужхабль, Бгуашехабль, Касыйкохабль), не говоря уже о целом десятке посадов вдоль третьей надпойменной террасы. Эти населенные пункты в совокупности с Даурхаблем, Богадирхаблем, Хакунаем, Куижи и Таганаем²⁰⁷ левого берега реки и составляли «хелипсу» – город по северокавказским критериям.

Неизвестно, использовался ли Майкопский пытапэ в то время как черкесское укрепление, но русский форт с названием Майкоп, заложенный Козловским в 1857 г. несомненно, составил основу будущего города. Однако, от этого форта в настоящее время не сохранилось ни одного кирпичика. А древняя Майкопская крепость на противоположном берегу Сагваши-Шхагуаше по-прежнему ясно читается и сохраняется в фундаментальном состоянии. Это символично и важно. Мэзытха – бог леса и всей природы, как будто специально, сохранил

²⁰⁷ См. карту-схему расположения мамхегских аулов, помещенную в атласе Российского государства за 1905 г.

основу древнего города Аха-Мае, Аух, Авхиду, Чакале, Хелипсу, Майкоп.

Такова краткая история древнего и средневекового Майкопа по представлению заведующего отделом археологии Адыгейского республиканского Института гуманитарных исследований, кандидата исторических наук Ловпаче Н.Г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Схематичная история места современного Майкопа, прослеженная с древнейших времён, позволяет наметить её основные вехи, более или менее точно связываемые с историческими событиями различных эпох.

1. Так, появление первых признаков цивилизованного общества здесь по материалам кургана Ошад определяется концом IV-го тысячелетия до н.э., т.е. **5000** лет тому назад.

2. Возникновение культового центра Ах(а) в связи с астрологическим ансамблем вокруг Ошада произошло во второй половине II-го тысячелетия до н.э., а оформление городского комплекса Мае на базе этого центра – в 1200-1190 гг. до н.э., т.е. **3200** лет тому назад, согласно хеттской дешифровке текста Майкопской плиты.

3. Следуя описанию битвы на Фате-Псате в 309 г. до н.э., оставленному Диодором Сицилийским и подтверждённым Птолемеем и Страбоном, Псатская крепость и город Авхида на рубеже IV и III-го вв. до н.э. локализуются на территории г. Майкопа. В то время возраст городского центра насчитывал **1100** лет. Это было 2300 лет тому назад.

4. Лавристан Хамышейский, согласно «Истории адыгейского народа» Ш.Б.Ногмова, должен был укрепить Пытапэ Аух на Шхагоще и сделать опорным пунктом в борьбе против аваров в **550** г. н.э. Эта твердыня к тому времени простояла **1650** лет.

5. Если связать сведения древнерусской летописи и фольклора адыгов, можно вычислить время и характер совместной борьбы адыгов и славян Киевской Руси против хазар. В частности, поход кемиргоевского князя Болотоко Безрука и касожского княжича Канжо Аледжука с походом Святослава в **965 г.** на хазарскую столицу Итиль, а затем, через три года вместе

на Саркалу (**968г.**). В связи с этим логично представить место дислокации дружины Безруко в крепости **Аух** на Шхагуше. Тогда к возрасту этой крепости прибавляется 415 лет. Всего получается **2065** лет во второй половине X-го в.

6. Факт существования культового центра по христианизации касогов на р. Шхагуше (Шхагуше – Белая) по соседству со входом в Мезмайскую долину, зафиксированный надписью **1171 г.** на плите церкви Св. Георгия, позволяет представить древний городской пункт столицей области Милиния или Милиния и резиденцией её владельца Георгия Пиуперти. В то время городу **Минилипса** или **Милинэпса** исполнилось **2270** лет.

7. Золотоордынские монеты ханов Узбека (1313-1342гг.) и Джанибека (1342-1357гг.), найденные в Белореченских курганах, косвенно свидетельствуют и датируют вместе с материалом Курджипского селища факт существования городского центра бывшей Милинии (Милинии) в середине XIV-го в. Если он назывался по-прежнему Минилипса (Милинэпса), то к его возрасту прибавилось еще 180 лет – всего **2450** лет.

8. Турецкий вояжер Эвлия Челеби побывал здесь в 20-х гг. XVII-го в. Он услышал название современного Майкопа в виде «Чакал», в котором можно подразумевать «шъхъэ-къале», т.э. главный город. Прибавляется ещё 270 лет, а всего возраст насчитывал в то время 2720 лет.

9. Наконец, в середине XVIII-го в. француз Ла-Мортэ именует место г. Майкопа «**Хелипса**» - просто город по-черкесски. Город Хелипса в середине XVIII –го в. был в возрасте **2850** лет.

10. В течение 1-го десятилетия XXI –го в. город Ах(а) – Мае – **Майкоп** живёт в возрасте **3200** лет. Поэтому есть возможность в текущем 2007 году отпраздновать 3200-летний юбилей самого древнего города в России и на фоне этой даты отметить один из последних эпизодов его трёхтысячелетней истории – основание российской крепости **Майкоп в 1857г.**, когда городу Хелипса уже исполнялось около 3000 лет. От древнего Мае-Хелипсы остались десятки археологических памятников с находками материальной и духовной культуры древних кавказцев.

Цитадель древнего города на левом берегу Шхагуше – Белой (Пытапэ) оказалась долговечнее, ибо сохранилась в фундаментальном виде до сегодняшнего времени.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. Нальчик, 1974.
2. Амиранашвили Ш. Плита со сценой Св.Георгия из Белореченской // Моабле (музейное издание). Тбилиси, 1927. – Т.IV.
3. Anadolu Kuitur Tarihi, Ankara, 1998.
4. Анфимов Н.В. протомеотский Могильник села Николаевского // МАА. Т. II. – Майкоп, 1961.
5. Анфимов Н.В. Зихские памятники Черноморского побережья Кавказа // Северный Кавказ в древности и в средние века. – М., 1980.
6. Анфимов Н.В. Древнее золото Кубани. – Краснодар, 1987.
7. Античные государства Северного Причерноморья. Археология СССР. Т. 9. – М., 1984.
8. Артамонов М.И. Киммерийцы и скифы. – Л., 1974.
9. Аталиков В.И. Античные источники о Северном Кавказе. – Нальчик, 1990.
10. Аталиков В.И. Страницы истории. – Нальчик, 1987.
11. Аутлев П.У. Из истории изучения древнекаменного века Прикубанья // СМАА. – Майкоп, 1961.
12. Аутлев П.У. Находки археологов. Газ. Адыгейская правда от 14 сентября 1964.
13. Аутлев П.У. Доклад на сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 г. Баку, 1965.
14. Аутлев П.У. Из адыгейской этнонимии // Сборник статей по этнографии Адыгеи. – Майкоп, 1975.
15. Аутлев П.У. Петроглифы Махшкуша // ВАА, – Майкоп, 1984.
16. Аутлев П.У. Петроглифы Махошкуша // ВАА. – Майкоп, 1986.
17. Аутлев П.У., Дитлер П.А., Трапш М.М. Раскопки в районе г. Майкопа в 1964 в связи с находкой Майкопской плиты //Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований в 1964 г. в СССР. – Баку, 1965.
18. Blegen Karl. Troy the seth Setlmen. Paris, 1953.
19. Брантэ З. Адыгэ лъапсэм. Майкоп, 1924. Архив АРИГИ.

20. Васильевский В.Г. Труды Академии наук. – Т. 11, СПб., 1908.
21. ВДИ №2. – 1966.
22. Веселовский Н.И. Раскопки в Кубанской области // МАК. – СПб., 1987.
23. Виноградов В.Б., Голованова С.А. Странички русско-кавказских отношений XII в. // ВИ, №7. – 1982.
24. Гадагатль А.М. Нартхэр. Т. V. – Майкоп, 1982.
25. Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа с IV-го по X в. – Л., 1979.
26. Гадло А.В. Князь Инал адыго – кабардинских родословных // Из истории феодальной Руси. – Л., 1980.
27. Галанина Л.А. Курджипский курган. – Л., 1980.
28. Гельб Гнацио. Опыт чтения письма. – М., 1963.
29. Gelb Ignace Y. Hittite Hieroglyphs I. Chicago, 1931.
30. Гиш Н.Т. Адыгейская лексикографическая практика и некоторые семантические наблюдения // ВАЯ. – Вып. V. АНИИ. – Майкоп, 1985.
31. Граков Б.Н. Скифы. – М., 1971.
32. Грозный Б. Хеттские народы и языки // ВДИ. – №2. – 1938.
33. Джанашвили М.Г. Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе // СМОМПК. – Вып. 29. – 1987.
34. Джанхот И.Ю., Ловпаче Н.Г. Новые дольменные памятники Западной Черкессии. – Майкоп, 1999.
35. Дитлер П.А. Доисследования курганных (впускных) погребений на территории Совхоза №10 г. Майкопа. Отчет об археологических разведках 1957 г. Архив АРИГИ.
36. Дитлер П.А. Меотский могильник в карьере Майкопского кирпичного завода №2 // СТАА. – Майкоп, 1977.
37. Дитлер П.А. Могильник Колосовка №1 (раскопки 1969 г.) // ВАА. – Майкоп, 1995.
38. Дитлер П.А. Могильник Мешоко V-VI вв. // Археология Адыгеи. – Майкоп, 1995.
39. Древняя Русь. Город, замок, село. Археология СССР. – М., 1985.
40. Дубровин А.Ф. Черкесы (адыги). – Краснодар, 1927.
41. Дунаевская И.М. Язык хеттских иероглифов. – М., 1969.

42. Дьяконов И.М., Старостин С.А. Хуррито-уратские и восточно-кавказские языки // Древний Восток. Этнокультурные связи. – М., 1988.
43. Дьячков-Тарасов А.И. Абадзехи (историко-этнографический очерк) // Записки Кавказского отдела Императорского Русского географического общества. – Тифлис, 1902. – Кн. XII. – Вып. 4.
44. Иванов Вяч. В. Луна, упавшая с неба. – М., 1997.
45. Иессен А.А. Отчет о работе кубанской археологической экспедиции в 1950 г. Архив И.А. РАН.
46. Иессен А.А. Так называемый «Майкопский пояс» // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. – Вып. 2. – Л., 1961.
47. Иессен А.А. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века // МИА. – 1976, 1978.
48. Интериано Дж. Рассказ генуэзца Георгия о быте и нравах черкесов 1504 г. (в переводе Веселовского) // (ЗИРО по отделению этнографии) Т.2. – СПб., 1868.
49. История народов Северного Кавказа. – Т.1. – М., 1988.
50. Кантария М.В. Экологические аспекты традиционной хозяйственной культуры народов Северного Кавказа. – Тбилиси, 1989.
51. Каменев М. Развалины церкви Св. Георгия на р. Белой // Памятная книжка Кубанской области. – Екатеринодар, 1877.
52. Каменецкий И.С. Меоты и другие племена Северо-западного Кавказа в VII в. до н.э. – III в. н.э. // Степи европейской части СССР в скифосарматское время. Археология СССР. – Т. 10. – М., 1989.
53. Constantine Porphyrogenitus. De Administrando imperio. Budarest. 1949.
54. Кобычев В.П. Поселения и жилища народов Северного Кавказа в XIX-XX вв. – М., 1989.
55. Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. – М., 1960.
56. Крушкол Ю.С. Древняя Синдика. – М., 1971.
57. Лавров Л.И. Адыги в раннем средневековье //Сборник статей по истории Кабарды. – Нальчик, 1955.
58. Лавров Л.И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа в XVIII-XX вв. – М., 1968.

59. Laroche Emmanuel. Les Hieroglyphes. Paris. 1960.
60. Левашова В.П. Белореченские курганы //Труды ГИМ. – Вып. 22. – М., 1953.
61. Лесков А.М. О хронологическом соотношении памятников начала железного века на юге европейской части СССР // Древности Евразии в скифо-сарматское время. – М., 1984.
62. Лесков А.М. Сокровища курганов Адыгеи. – М., 1985.
63. Lloyd Seton. Turkue nin Tarihi. Ankara. 1989.
64. Ловпаче Н.Г. Могильники в устье р. Псекупс //ВИА. – Майкоп, 1985.
65. Ловпаче Н.Г. Разведочные работы археологической экспедиции АГПИ в Майкопском, Мостовском и Теучежском районах Краснодарского края // АО в СССР за 1985 г. – М., 1987.
66. Ловпаче Н.Г. Киммерийцы в северо-восточном Причерноморье // Известия СКНЦ ВШ. – №2. – Ростов н/Д., 1987.
67. Ловпаче Н.Г. Могильник Кочипэ в Майкопе // Культура и быт адыгов. – Майкоп, 1991.
68. Ловпаче Н.Г. Новые памятники Закубанской Адыгеи // Археология Адыгеи. – Майкоп, 1995.
69. Ловпаче Н.Г. Художественная керамика Средневековой Адыгеи. – Майкоп, 1996.
70. Ловпаче Н.Г. Об истоках северокавказского единства по археологическим данным // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа. – М., 1996.
71. Ловпаче Н.Г. Этническая история Западной Черкесии. – Майкоп, 1997.
72. Ловпаче Н.Г. Петроглифы Хамышей // Вестник АРИГИ, история, этнология, археология. – Майкоп, 2000.
73. Ловпаче Н.Г. Дольмены Западной Черкесии и киммерийцы // Этюды по истории и культуре адыгов. – Майкоп, 1999.
74. Ловпаче Н.Г. Древняя керамика Северо-Западного Кавказа. Докторская диссертация.
75. Ловпаче Н.Г. Майкопские памятники равнинной Адыгеи // Сборник статей по археологии Адыгеи. Готовится к печати в издательстве Меоты.
76. Ловпаче Н.Г. Древнее золото Майкопа и Анатолии. Готовится к изданию в Анкаре (Турция).

77. Ловпаче Н.Г. О чем поведал Курджипский курган // Вестник АРИГИ, история, этнология, археология. – Майкоп, 2004.
78. Ловпаче Н.Г. Изображения зверей в торевтике адыгов. – Майкоп, 1980.
79. Любин В.П. Местоположение и история изучения Баракаевской пещеры // Неандертальцы Гупского ущелья. – Майкоп, 1994.
80. Марковин В.И. Дольмены Западного Кавказа. – М., 1978.
81. Марковин В.И. Дегуакско-Даховское поселение // СТАА. – Майкоп, 1977.
82. Масуди А.Х. Луга золота и драгоценных камней // СМОМПК. – Вып. 33.
83. Миллер А.А. Художественная керамика Турции. – Л., 1979.
84. Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербента. – М., 1963.
85. Мровели Л. Жизнь картлийских царей. – М., 1979.
86. Мунчаев Р.М. Майкопская культура // Археология СССР. – Т. 5. – Эпоха ранней и средней бронзы Средней Азии и Кавказа. – М., 1994.
87. Надписи Ольвии (1917-1965) под редакцией Книпович Т.Н. и Леви Е.Н. – Л., 1968.
88. Нарты. Адыгский героический эпос. Эпос народов России. – М., 1974.
89. Нехаев А.А. Некоторые вопросы изучения поселения Свободное // ВАА. – Майкоп, 1984.
90. Нехаев А.А. Домайкопская культура Северного Кавказа // Археологияские вести. – Л., 1992.
91. Нечитайло А.Л. Верхнее Прикубанье в бронзовом веке. – Киев, 1978.
92. Ногмов Ш. История адыгейского народа. – Нальчик, 1994.
93. ОАК за 1897 г. – СПб., 1900.
94. ОАК за 1908. – М., 1912.
95. Петровский С.В. Апокрифические сказания об апостольской проповеди по Черноморскому побережью // ЗООИД. – Одесса, Т. 21.
96. Прокопий из Кесарии. Война с готами (Перевод С.П. Кондратьева), – М., 1950.
97. ПСРЛ, Т. XXIV. – ПТГ, 1921.
98. Ракитина К.А. Группа серебрянных украшений из кубанских могильников XIV-XV вв. // Труды отдела истории культуры и искусства Востока. – Т. 3. – 1940.

99. Русанов С.В. Майкопская пытапэ – памятник древней и средневековой Адыгеи // Тезисы докладов студенческой научной конференции. – Ростов н/Д., 1996.
100. Сазонов А.А. Поселение Курджипское – новый памятник протомеотской культуры // Археологические раскопки на Кубани в 1889-1990. – Ейск, 1992.
101. Сазонов А.А. Могильник первых веков нашей эры близ хутора Городского // ВАА. – Майкоп, 1992.
102. Сазонов А.А. Протомеотский культовый комплекс в урочище Ленинхабль на р. Пшиш 1 // Археология Адыгеи. – Майкоп, 1995.
103. Сазонов А.А. Ранняя группа конских захоронений протомеотского могильника Пшиш 1 // Археология Адыгеи. – Майкоп, 1995.
104. Сазонов А.А. Хаджохские курганы – некрополь древнемеотских вождей. // Вестник АРИГИ, история, этнология, археология. – Майкоп, 2000.
105. Саханев В. Раскопки на Северном Кавказе. – СПб., 1912.
106. Смирнов К.Ф. Меотский могильник у ст. Пашковской // МИА. – № 64. – М., 1958.
107. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время // Археология СССР. – Т. 10. – М., 1989.
108. Столяр А.Д. Мешоко – поселение майкопской культуры // СМАА. – Т. 2. – Майкоп, 1961.
109. Сысоев В.М. Курджипский курган и его древности // СМОМПК. – Вып. 22. – 1897.
110. Тавернье Ж.Б. Шесть путешествий в Турцию, Персию и Индию в течение сорока лет // АБКИЕА. Нальчик, 1974.
111. Тереножкин А.И. Киммерийцы. – Киев, 1976.
112. Тизенгаузен В. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. – Т. 1. – Извлечения из сочинений арабских. – СПб., 1882.
113. Тов А.А. Протомеотский могильник Чишхо близ а. Тауихабль в Теучежском районе // Меоты – предки адыгов. – Майкоп, 1989.
114. Трифонов В.А. Гуамский грот – новый многослойный памятник Северо-Западного Кавказа // Древние памятники Кубани. – Краснодар, 1990.

115. Трубачев О.В. Некоторые данные об индо-иранском языковом субстрате Северного Кавказа // ВДИ. – 1978. – №4.
116. Турчанинов Г.Ф. Памятники письма и языка народов Кавказа и Восточной Европы. – Л., 1971.
117. Турчанинов Г.Ф. Открытие и дешифровка древнейшей письменности Кавказа. – М., 1999.
118. Фелицин Е.Д. Западно-Кавказские дольмены // МАК. – М., 1904.
119. Формозов А.А. Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1965.
120. Харламов Н.Г. История возникновения и развития г. Майкопа в связи с историей Закубанского края // Кубанский сборник. – Екатеринодар, 1912.
121. Хозяйственно-экономический быт казачьих поселений. – Екатеринодар, 1891.
122. Худуд-ал-Алам. Рукопись Туманского с введением и указателем В. Бартольда. – Л., 1930.
123. Цунатоко Ю.И. Кавказ итхыд (история Кавказа). – Стамбул, 1912. Перевод на кабардинский язык Х.У. Эльбердова. – Нальчик, 1961.
124. Челеби Эвлия. Книга путешествия. – М.: Наука, 1979. – Вып. 2.
125. Черных Е.Н. Новые памятники бронзы в Закубанье // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа. – М., 1996.
126. Чичеров И.С. Византийские исторические сочинения // Древние источники народов СССР. – М., 1980.
127. Шарафутдинова Э.С. Двуслойное поселение Красногвардейское II – памятник эпохи поздней бронзы – начала раннего железа на Кубани // Меоты – предки адыгов. – Майкоп, 1989.
128. Шедевры древнего искусства Кубани. – М., 1987.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АБКИЕА	- Адыги, балкарцы, карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв.
АГПИ	– Адыгейский государственный педагогический институт
АН СССР	– Академия наук СССР
АНИИЭЯЛИ	– Адыгейский научно-исследовательский институт экономики, языка, литературы, истории
АО	– Археологические открытия
АПН	– Агентство печати «Новости»
АРИГИ	– Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований
ВАА	– Вопросы археологии Адыгеи
ВАЯ	- Вопросы адыгейского языка
ВДИ	– Вестник древней истории
ВИ	– Вопросы истории
ГИМ	- Государственный исторический музей
ЗИРО	– Зоологическо-исследовательское Российское общество
ЗООИД	– Западное отделение общества исследования древности
ИА РАН	– Институт археологии Российской Академии наук
МАК	– Материалы археологии Кавказа
МИА	– Материалы института археологии
НИИ	– Научно-исследовательский институт
НМ РА	– Национальный музей Республики Адыгея
ОАК	– Отчет археологической комиссии
ОПХ	– Опытное-показательное хозяйство
ПСРЛ	- Полное собрание русских летописей
СКНЦ ВШ	– Северо-Кавказский научный центр высшей школы
СМАА	– Сборник материалов археологии Адыгеи
СМОМПК	– Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа
СПб	– Санкт-Петербург
СПТУ	– Специализированное профессионально-техническое училище
СТАА	– Сборник трудов по археологии Адыгеи
ТГИМ	– Труды Государственного исторического музея

ПРИЛОЖЕНИЕ

Археологические памятники г. Майкопа

1. По ул. Подгорной, где стоял курган Ошад, а сейчас стоит стела, между ул. Кирпичной и Короткой еще один курган с двойным кромлехом. Он исследовался разведками экспедиции АГПИ в 1985 г.
2. В трех километрах от Ошада на восток, на хребте Махошкуча, тогда же было открыто древнее святилище бронзового века, а в километре от Ошада, в том же направлении на площади могильника Кочипэ расчищен двойной кромлех (каменный круг) в виде лунного календаря и захоронения майкопца раннебронзового века (комплекс «Майкопского» календаря).
3. На территории городской больницы при строительстве девятиэтажного корпуса найден бронзовый топор «майкопского типа» видимо, происходящий из разрушенного погребения.
4. В 1984-1986 гг. на территории Госплемконюшни у п. Гавердовского, что завершает Майкоп с северо-запада, Адыгейской археологической экспедицией Областного историко-краеведческого музея под руководством А.А. Нехаева раскопано 7 курганов раннего железного века²⁰⁸.
5. У хутора Грозный и Пролетарского с северо-восточного края города экспедицией Национального музея Адыгеи под руководством Е.Н. Черных разведаны поселения скифской эпохи. На территории последнего найдена интересного художественного решения костяная бутероль (наконечник ножен кинжала).
6. Между инфекционной больницей и Тыгакочипэ, близ адыгейского «кэхатля» (кладбища) на недавно застроенной площади доисследованно какое-то сложное строение с каменным фундаментом. Массовый керамический материал показывает скифскую эпоху, т.е. раннемеотский период местной истории VI-V вв. до н.э.
7. На краю третьей террасы Шхагуаше, рядом с домом архитектора И. Чудесова, обнаружены бронзовые предметы

²⁰⁸ Шедевры древнего искусства Кубани. М., 1987. – С.75-76.

- из разрушенного, возможно, курганного погребения VII в. до н.э., в т.ч. биметаллический меч во фрагментах.
8. На выезде из Майкопа по Кужорскому шоссе, на усадьбе одного из жителей найден бронзовый наконечник копья киммерийской эпохи (VIII-VII вв до н.э.).
 9. Возле инфекционной больницы, на краю третьей террасы Шхагуаше – сильно сглаженное солярное святилище, датируемое подъемным материалом античной (меотской) эпохой.
 10. Такой же конструкции солярное святилище, но лучшей сохранности находится над поселением Козщ в Северо-Восточных садах.
 11. Подобное святилище, расположенное на этой же террасе р. Шхагуаше, что и первые два стоит над Северо-западной окраиной 10-го совхоза.
 12. Еще одно солярное святилище подобного типа имеется на той же террасе над поселком ОПХ в 4 км. от города на север.
 13. Такого же типа святилище возвышается над поселком Краснооктябрьским в устье р. Курджипса на северо-западной оконечности хребта Нэгыеж.
 14. Восточнее святилища на этой же возвышенности – поселение протомеотского периода – X-IX вв. до н.э., а южнее – курганная группа.
 15. Между аэропортом и поселком 10-го совхоза Юрием Кудяевым (в то время выпускником исторического факультета АГПИ, а ныне кандидатом исторических наук), открыто поселение шитхальской культуры позднего средневековья.
 16. На площади юго-восточных дач обнаружено большое поселение меотской эпохи с крепостью.
 17. У подножия горы с дачами, на площади «Полигона» был могильник киммерийской эпохи и следы поселения протомеотского периода.
 18. На высоте Нэгыеж близ Майкопского пытапэ – курганный могильник из 100 развороченных насыпей неизвестного времени. Скорее всего, это ограбленные кладоискателями захоронения воинов и военачальников раннемеотского времени (VI-V вв. до н.э.).
 19. На восточном конце этого курганного поля частично исследован грунтовой могильник IV-III вв. до н.э.

20. На южной цитадели Майкопского пытапэ открыт грунтовой могильник, синхронный предыдущему.
21. Еще один некрополь позднемеотского времени обнаружен на промежуточной высоте Пытапэ.
22. На левом берегу р. Курджипса у фермы ниже «Красного моста» замечено поселение меотской эпохи.
23. Юго-восточнее дач на горе тянется цепь значительной величины курганов и позднесредневековых селищ вплоть до 8-го откормсовхоза.
24. Под могильником Тыгакочипэ – следы позднемеотского поселения, а севернее, на этой же террасе – смешанный материал Касожского периода средневековья (X-XIII вв.) и Шитхальской культуры XIV-XV вв.
25. Рядом с могильником Тыгакочипэ на соседней с юга площадке разведано поселение поздней бронзы (XI-X вв. до н.э.).
26. Слой позднебронзового века рассмотрен на южной цитадели Майкопского пытапэ против него ближе к телеретранслятору и в самом нижнем горизонте поселения Коэщ в Северо-Восточных садах.
27. В устье р. Курджипса на левой надпойменной террасе, против п. Краснооктябрьского – курганная группа из 30 насыпей (все курганы ограблены). Материал причудливо смешан из фрагментированных предметов среднемеотского периода IV-I вв. до н.э. и Шикхальской культуры XIII-XV вв. н.э.
28. На территории позднесредневекового селища у подножия Майкопского пытапэ – какое-то строение из камня с кладкой без раствора (возможно, христианская церковь). На это строение поставлен был нэпмановский заводишко винодельческого типа с кирпичной и каменной кладкой на растворе.
29. На поле третьей террасы Шхагуаще, прилегающем к святилищу 10-го совхоза просматривается поселение меотской эпохи.
30. На валу этого святилища с южной стороны обнаружены признаки грунтового могильника среднемеотского периода.
31. Поселение со смешанным материалом позднебронзового века и античного времени имеется над соляным святилищем Коэщ, т.е. на 250 м. выше на восток по переулку Ключевому.

32. В поле, с севера от Майкопа, между околицей Госплемконюшни в восьмидесятых годах был холм, ныне распаханый, похожий на курган, но с большим количеством фрагментированной посуды, что характерно для меотских городищ.
33. Следы поселения меотской эпохи и средневековья обнаружены на локальной террасе дачников правого берега Шхагуаще выше висячего моста и ниже общества садоводов «Мичуринец».
34. Следы раннесредневекового могильника обнаружены у подножия южной оконечности северной цитадели Майкопского пытапэ.
35. Сигналы могильника поздней бронзы в виде смытых вещей замечены в глубоком овраге, ограничивающем северную цитадель пытапэ с запада.
36. При исследовании некрополя IV-III вв. до н.э. на курганной группе близ пытапэ исследован комплекс кремневых орудий, сигнализирующих о стоянке позднего мезолита или докерамического неолита.
37. При строительстве телеретранслятора с западной стороны стройплощадки была вскрыта и разрушена каменная гробница из плит породы типа диабаз, выходов которого в окрестностях Майкопа нет. Скорее всего, был разрушен каменный ящик эпохи бронзы.
38. На этом же хребте Нэгыез, где и пытапэ, между телеретранслятором и водозаборником в лесу, скрывающем восточный край курганного поля исследована система древних каналов то ли оборонительного, то ли оросительного назначения.
39. Через глубокий овраг на юг от южной цитадели Майкопского пытапэ находится большой продолговатый холм искусственного происхождения, вокруг которого на плато зафиксирован культурный слой меотской эпохи.
40. С западного края Нэгыеза, выходящего на долину реки Курджипс, – два больших продолговатых искусственных холма. По конфигурации, размеру и ориентировки они намекают на фундаментальные остатки христианских церквей X-XIII вв.

41. Где-то в Майкопских курганах найден серебряный пояс раннего железного века, хранящийся в Британском музее в Лондоне.
42. В познесредневековых курганах окрестностей Майкопа добыто художественная турецкая керамика XV-XVI вв. хранящиеся в Гос. Эрмитаже в Санкт Петербурге.
43. На участке дачи гр. Кузнецова А. (выезд и г. Майкопа на ст. Ханскую) найден бронзовый серп хорошей сохранности, приблизительно середины II-го тысячелетия до н.э.

ОПИСЬ ТАБЛИЦ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

ТАБЛИЦА №I.	Карта-схема г. Майкопа с расположением основных памятников археологии (составлено автором).
ТАБЛИЦА №II.	Петроглифы Махошкушха. Петроглиф махошкушховской гальки с изображением «шерстистого» слона, колоса и надписи. Прорисовка с двух сторон гальки. Мезолит.
ТАБЛИЦА №III.	Петроглиф Махошкушха. Петроглиф махошкушховской гальки с изображением сцены охоты. X-VII тыс. лет до н.э. Мезолит.
ТАБЛИЦА №IV.	Рисунок мамонта на гальке - петроглиф Махошкушха. XII- XI тысяч лет до н.э. Поздний палеолит (Мадлен).
ТАБЛИЦА №V.	Коллекция неолитических кремневых орудий с Майкопского пытапэ (стокурганья).
ТАБЛИЦА №VI.	Погребение медно-каменного века на Тыгакочипэ (№24).
ТАБЛИЦА №VII.	Протомайкопский материал пытапэ.
1. Венчик красноглиняного сосуда.
2. Концевой скребок (кремень).
3. Фрагмент серо-глиняного сосуда с жемчужным орнаментом.
4. Горло серо-глиняного сосуда с косыми насечками по венчику.
5. Раструб горла серо-глиняного сосуда.
6. Фрагмент ножевидной пластинки (кремень).
7. Ладьевидная зернотёрка (гранит).

ТАБЛИЦА №VIII.	Майкопская керамика Тыгакочипэ. 1. Профиль сосуда серо-глиняного обжига из погребения майкопца в кромлехе. 2. Профиль верхней части красноглиняного сосуда из Майкопского культурного слоя на площади могильника Тыгакочипэ.
ТАБЛИЦА №IX.	Погребение майкопца в кромлехе Тыгакочипэ. 1. План двойного кромлеха с захоронением майкопца. Под ним – профиль срезанного кургана. Внутри – геометризованная схема кромлеха, план и профиль могил. 2. План погребения майкопца в кромлехе III – го тыс. до н.э. (раскопки Ловпаче Н.Г. 1986 года).
ТАБЛИЦА №X.	Майкопское святилище на хребте Махошкуша в астрологическом ансамбле кургана Ошад.
ТАБЛИЦА №XI.	Серебряный кубок из кургана Ошад. 1. Прорисовка с развёрткой гравировано-чеканных композиций. 2. Один из боковых видов кубка. 3. Донная часть кубка. 4. Золотая бляшка в виде рельефной фигуры бычка. 5. профиль серебряной фигурки бычка на шесте.
ТАБЛИЦА №XII.	Штампованные золотые бляшки-львы из кургана Ошад. 2. Серебряный кубок из кургана Ошад с гравировано-чеканным изображением звериного гона – прорисовка. 3. Профиль кубка (фото). 4. Прорисовка кубка с орнаментом на фоне.
ТАБЛИЦА №XIII.	Погребения эпохи бронзы кургана №2 Тыгакочипэ.
ТАБЛИЦА №XIV.	Находки из культурного слоя на площади могильника Тыгакочипэ вблизи погребения в кромлехе. 1. Крышечка серо-глиняного кубка с

	гравировано-штампованными изображениями оленей.
ТАБЛИЦА №XV.	2. Профиль серо-глиняной амфоры.
ТАБЛИЦА №XVI.	Прорисовка надписи Майкопской плиты.
	Профиль чёрно-глиняной кружально-штамповочной корчаги из посудно-хозяйственного комплекса поселения Тыгакочипэ . X в. до н.э.
ТАБЛИЦА №XVII.	Керамика Майкопского Пытапэ.
	1. Чёрно-глиняная лепная миска (реконструкция по фрагменту).
	2. Профиль красноглиняного гончарного кувшина из разрушенного погребения.
	3. Красноглиняная гончарная миска (ранний железный век) – реконструкция.
	4. Красноглиняная гончарная миска с рельефным орнаментом (срезы под чечевицу) – реконструкция.
	5. Серо-глиняная лепная чаша с поддержкой древнемеотского периода – реконструкция.
	6. Красноглиняная гончарная миска с рельефно-срезанным орнаментом – реконструкция.
ТАБЛИЦА №XVIII.	Миски и вазочки Майкопского Пытапэ.
	1. Красноглиняная лощёная рёберчатая миска – реконструкция.
	2. Черно-глиняная вазочка.
	3. Поддон красноглиняной вазочки.
	4. Черно-глиняная лепная миска – реконструкция.
	5. Серо-глиняная (пятнистая) лепная ваза.
	6. Серо-глиняная лощёная рёберчатая миска – реконструкция.
	7. Черно-глиняная лепная чашка.
	8. Серо-глиняная миска с валиком на бортике – реконструкция.
	9. Серо-глиняная лепная миска – реконструкция.
	10. Чёрно-глиняная штамповочная миска – реконструкция.

- ТАБЛИЦА №XIX. Керамика поселения Драгунского протомеотского периода (IX-VIII вв. до н.э).
1. Красноглиняная гончарная корчага.
 2. Профиль красноглиняной гончарной чаши.
 3. Налепной поддон красноглиняной гончарной вазы.
 4. Красноглиняная лепная вазочка.
 5. Красноглиняный лепной горшочек.
 6. Донце красноглиняного лепного горшочка.
- ТАБЛИЦА № XX. Профиль серо-глиняной корчаги с рельефным орнаментом с крепости «Скала Гуамка» (поздняя бронза).
- ТАБЛИЦА №XXI. Керамика с городища Майкопского Пытапэ. Подъёмный материал из оврага с ручьём.
1. Фрагмент красноглиняного ковша-черпака.
 2. Фрагмент серо-глиняного кружального черпака.
 3. Фрагмент лепной чаши с гравированным шевроном.
 4. Фрагмент серо-глиняной лощёной миски.
- ТАБЛИЦА №XXII. Бронзовый серп, найденный на дачном участке Кузнецовых северной окраины Майкопа.
- ТАБЛИЦА №XXIII. Оружие и детали конской сбруи из погребенья дзепща №33
- ТАБЛИЦА №XXIV. Оружие, керамика и оселок из погребенья дзепща №33.
- ТАБЛИЦА №XXV. План погребения №15 и ковши из погребений №15 и №9 могильника-кахатлежа Тыгакочипэ.
- ТАБЛИЦА №XXVI. Ковши-черпаки из погребений VII-го в. до н.э. Тыгакочипэ.
1. Черно-глиняный ковш из комплекса северного участка Тыгакочипэ – реконструкция.

2. Иероглифическая надпись на ковше из погребения №17.
 3. Серо-глиняный ковш из комплекса северного участка Тыгакочипэ.
 4. Серо-глиняный ковш из погребения VII-го в. до н.э. №16 Тыгакочипэ.
- ТАБЛИЦА №XXVII. Керамика из погребения №31 кахатлежа Тыгакочипэ (VIII-VII вв. до н.э.)
1. Тёмно-серая (пятнистая) корчага с петлевидной ручкой.
 2. Чёрно-глиняный ковш-черпак.
 3. Тёмно-серый кувшин.
 4. Фрагментированный железный нож.
 5. Черно-глиняный чашеобразный горшок с парными «пуговичными» налестями.
- ТАБЛИЦА №XXVIII. Бронзовые и биметаллические кинжалы Нартов древнемеотского периода (VIII-VII вв. до н.э.).
- ТАБЛИЦА №XXIX. Орнаментировка черпаков Псекупса и Тыгакочипэ.
- ТАБЛИЦА № XXX. Ручка бронзового зеркала VI в. до н.э. из с. Трёхречного (случайная находка А.Кушнарёва)
1. Рукоять со скульптурными окончаниями (пантера и олень).
 2. Сечение стержня рукоятки.
 - 3, 4 – отдельные прорисовки скульптурок.
- ТАБЛИЦА № XXXI. Комплекс керамических сосудов из погребения №4 V-го в. до н.э. южного участка кахатлежа Тыгакочипэ.
1. Чёрно-глиняный гончарный кувшин – реконструкция.
 2. Серо-глиняный гончарный кувшинчик.
 3. Чёрно-глиняная гончарная миска на ножке.
 4. Серо-глиняная кружка с витой

- ручкой.
5. Красноглиняная крынка.
- ТАБЛИЦА № XXXII. Керамика из погребений VI-IV вв. до н.э. шунтукского грунтового кахатлежа.
1. Серо-глиняная гончарная миска.
 2. Чёрно-глиняная гончарная аррибалическая вазочка с линейным орнаментом.
 3. Чёрно-глиняный двуручный сосуд гончарного изготовления.
 4. Серо-глиняная лепная чашка.
 5. Чёрно-глиняная лепная чашка.
 6. Серо-глиняный гончарный кувшинчик.
- ТАБЛИЦА № XXXIII. Развертка курджипского колпачка с пуантильной надписью.
- ТАБЛИЦА № XXXIV. Прорисовка пуантильных знаков по фигурам воинов на золотом колпачке.
- ТАБЛИЦА № XXXV. Линейная прорисовка знаков Курджипского колпачка.
- ТАБЛИЦА № XXXVI. Керамика из погребений кахатлежа стокурганья.
1. Красноглиняная гончарная миска.
 2. Серо-глиняный гончарный канфар.
 3. Красноглиняная лепная чашка.
- ТАБЛИЦА № XXXVII. Керамика из погребения №1 IV в. до н.э. из грунтового кахатлежа стокурганья на хребте Нэгыеж.
1. Серо-глиняный гончарный кувшин.
 2. Чёрно-глиняный лепной сосуд с поддержкой.
- ТАБЛИЦА № XXXVIII. Предметы позднемеотского периода с Майкопского Пытапэ.
1. Чёрно-глиняное гончарное блюдо на трёх ножках (реконструкция) из погребения воина на культовой (промежуточной) возвышенности последних двух веков до н.э.
 2. Вид блюда снизу.
 - 3, 5 – бронзовые поясные пряжки

	тамгообразной формы из погребения воина.
	4. Бронзовая поясная пряжка из культурного слоя северной второй террасы Пытапэ.
ТАБЛИЦА №XXXIX.	Комплекс погребения кургана №2 кахатлежа Тыгакочипэ I-III вв. н.э. 1. Серо-глиняный гончарный кувшин. 2. Зеркальце из высокооловянистой бронзы.
ТАБЛИЦА №XL.	Находки из культурного слоя и подъёмного материала Майкопского Пытапэ и Шунтука V-VII вв. н.э. 1. Стоячая глиняная плитка с сеточным начертанием из слоя на северной второй террасы Пытапэ. 2. Зеркальце из высокооловянистого сплава из Шунтука. 3. Серо-глиняная гончарная миска с внутренним радиальным лощением. 4. Днище серо-глиняного гончарного сосуда со штампом (случайная находка). 5. Железный кинжал зихского типа с Курджипса (Табаксовхоз).
ТАБЛИЦА №XLI.	План северной цитадели Майкопского пытапэ (Составлено автором).
ТАБЛИЦА № XLII.	Керамика касожского периода (VII-IX вв. до н.э) Физиабго 2.
ТАБЛИЦА №XLIII.	Керамика раннекасожского периода (VII-IX вв.) Майкопского Пытапэ, Шунтука, Табаксовхоза, Цветочного.
ТАБЛИЦА № XLIV.	Украшения конской сбруи из окрестностей Майкопа Бронзовые позолоченные ажурно-скульптурные подвески из кахатлежей X-XI вв. ст. Кужорской и Колосовки на Фарсе (1, 4 – Кужорская; 2, 3, 5 – Колосовка; 6 – Псекупс).

ТАБЛИЦА №XLV.	Черноглиняный гочэс – трехручный сосуд для вина из разрушенного погребения Псекупского кахатлежа X-XIII вв.
ТАБЛИЦА №XLVI.	Гупский каменный крест с изображением мифологизированной охотничьей сцены (≈XI в.).
ТАБЛИЦА №XLVII.	Серебряные наконечники с изображением звериных сцен из Белореченских курганов.
ТАБЛИЦА №XLVIII.	Серебряные наконечники поясов с изображением звериных сцен из Белореченских курганов.
ТАБЛИЦА №XLIX.	Находка позднего средневековья (Белореченская археологическая культура XIII-XVI в.)
	1. Серебряный ковшик из Белореченского кургана №8.
	2. Развёртка надписи на венчике ковша.
	3. Ажурная бронзовая позолоченная пряжка из ст. Ханской (случайная находка).
	4. Красноглиняный гончарный горшок из кремационного погребения Тыгакочипэ.
	5. Красноглиняный кувшин из подъёмного материала Тыгакочипэ – реконструкция.
ТАБЛИЦА №L.	Костюмы и оружие черкесов XVIII века.

Н. Г. Ловпаче

Древний Майкоп

Изд-во ООО «Аякс».
385000, г. Майкоп, ул. Первомайская, 243.

Подписано в печать 20.03.08. Бумага типографская.
Формат 84х108/32. Гарнитура Таймс. Усл.-п. л. 15,6
Тираж 100. Заказ 2